

АКАДЕМИЯ НАУК ССР

Б. МЕЙЛАХ

А.С. ПУШКИН

ОЧЕРК ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА

Б. МЕЙЛАХ А.С. ПУШКИН

Б. МЕЙЛАХ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Б. М Е Й Л А Х

А.С. ПУШКИН

О Ч Е Р К Ж И З Н И
И Т В О Р Ч Е С Т В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 4 9

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Творчество величайшего русского национального поэта Александра Сергеевича Пушкина составило целую эпоху в развитии русской культуры. Революционно-демократическая критика 60-х годов справедливо считала Пушкина одним из вождей русского просвещения. Это имя он заслужил как создатель могучего, прекрасного русского литературного языка и как родоначальник новой русской литературы, отразившей лучшие чаяния народа.

Всю свою жизнь Пушкин посвятил патриотическому служению родине и народу. Свое гражданское призвание он видел в том, чтобы «глаголом жечь сердца людей». «Он был первым поэтом, который стал в глазах всей русской публики на то высокое место, какое должен занимать в своей стране великий писатель», — сказал о Пушкине Чернышевский. Эта мысль впоследствии была развита в известных словах великого пролетарского писателя М. Горького: «Пушкин — первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял значение литератора на высоту, до него недосыгаемую: в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни».

Во всей деятельности Пушкина проявилась его забота о развитии передовой русской национальной

культуры. Создавая свои бессмертные художественные произведения, он противопоставил правилам придворной и салонной литературы «для немногих» принципы народности, реалистической ясности, простоты. Как политическую задачу первостепенной важности рассматривал он необходимость образования национального русского литературного языка. Исключительное значение он придавал публицистике, истории и литературной критике, целью которой считал отстаивание «личной чести гражданина» и организацию общественного мнения.

В одной из своих тетрадей Пушкин однажды записал: «Только революционная голова... может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке». Страстной любовью к родине, горячей верой в ее великое будущее вдохновлялись художественные замыслы поэта.

В произведениях Пушкина впервые с такой изумительной широтой и многосторонностью отразилась русская жизнь, поставлены сложнейшие вопросы об исторических судьбах народа и государства, раскрыт во всей полноте мир природы, человека, общественных отношений. Пушкин воплотил в гениальных художественных образах могучие созидательные силы русского народа, его героическую самоотверженность, его одаренность, его ненависть к угнетателям. Эти стороны пушкинского творчества способствовали созреванию идеологии первого поколения русского освободительного движения — декабристов. В деятельности Пушкина сказались и сильные, и слабые стороны дворянского революционного движения и дворянского просветительства. Однако в своих гениальных художественных произведениях он сумел опередить время, понять русскую жизнь и великое будущее русского народа глубже и вернее, чем многие из его современников.

Весь жизненный путь и творчество Пушкина неразрывно связаны с русским освободительным движением. О периоде, в продолжение которого раз-

вернулась деятельность Пушкина, Ленин писал: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ» (Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 575). В произведениях Пушкина отразилась вся эпоха с ее противоречиями: деспотизмом самодержавия, крепостническим гнетом, восстанием декабристов, крестьянскими бунтами. О значении пушкинского творчества в эпоху николаевской реакции Герцен писал: «Одна лишь звонкая и широкая песня Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песня продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в отдаленное будущее. Поэзия Пушкина была залогом и утешением».

Роль Пушкина в русском освободительном движении не исчерпывается политическими стихотворениями, а заключается во всей его поистине энциклопедической деятельности: поэт, прозаик, драматург, критик, журналист, историк — он всюду внес свой гений новатора, выступавшего в защиту народа, против угнетения и рабства.

Творчество Пушкина явилось итогом достижений всей предшествующей русской литературы и выражением нового всемирно-исторического этапа ее развития. В произведениях Пушкина нашли гениальное художественное воплощение те замечательные черты русского национального характера — пламенный патриотизм, свободолюбие, стойкость, мужество, ясность ума, — которые позволили России разбить считавшиеся непобедимыми армии Наполеона и в которых поэт увидел залог великого предназначенья своей страны. Непреходящее значение пушкинского творчества заключается в том, что оно воспитывает чувства величайшей ответственности перед родиной и утверждает веру в неиссякаемые созидательные силы русского народа, в его благородство, героизм и духовную красоту. Глубокой и нежной любовью к родине проникнуто все творчество Пушкина, его

поэмы и сказки, стихотворения и повести, его описания народного русского быта и замечательные лирические пейзажи, раскрывшие неповторимую прелесть русской природы во всех ее чертах — и пышного, великолепного убора багряной осени, и торжественности посеребренных зимних равнин, и гордой неприступности кавказских гор, и скромного одинокого деревца, растущего у задымленной деревенской избы. Пушкин, как сказал Белинский, «поэт действительности», полный выразитель своей эпохи, один из величайших гениев мировой литературы.

В. И. Ленин из всех классиков больше всего любил Пушкина. И. В. Сталин в историческом докладе 6-го ноября 1941 г. назвал имя Пушкина в ряду лучших людей России, олицетворивших собою величие и славу русской нации.

* * *

«На Руси, — говорил Белинский, — все растет не по годам, а по часам». Эти слова приходят на память при характеристике Пушкина, идейное и художественное развитие которого по своей стремительности является беспримерным во всей истории мировой литературы. Пушкин в течение нескольких лет проходил такие этапы, которые, казалось, требовали десятилетий. Ведь его многообразная, гигантская, эпохальная по своему масштабу творческая деятельность продолжалась немногим больше двадцати лет! Для того, чтобы проиллюстрировать своеобразие роста Пушкина как мыслителя и поэта, достаточно один пример: два года отделяют начало работы Пушкина над величайшим памятником реалистического искусства — «Евгением Онегиным» — от окончания юношески романтической поэмы «Кавказский пленник».

Не только в отроческие, но и в детские годы Пушкина проявилась необычайная для такого возраста широта интересов и духовных стремлений.

Когда Пушкин осенью 1811 г. впервые переступил порог Царскосельского Лицея, ему было 12 лет (он родился 26-го мая 1799 г.). Мальчик принес в учеб-

ное заведение незаурядный запас впечатлений и детские творческие опыты. Москва, где он родился и провел детство, в это время жила богатой и яркой культурной жизнью. В доме его отца, Сергея Львовича, бывали известные литераторы. Отец поддерживал с ними связь через своего брата — стихотворца В. Л. Пушкина. В доме была богатая библиотека, в которой будущий поэт чувствовал себя хозяином. По воспоминаниям его брата — Льва Сергеевича, — «страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями». В восьмилетнем возрасте он умел читать, писать и сочинял маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. По словам того же Льва Сергеевича, он «проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другой».

Родители не уделяли внимания воспитанию ребенка. Жизнь в доме была безалаберной. Отец, происходивший из старинного, когда-то богатого рода, не интересовался ни имущественными, ни семейными делами. Мать, Надежда Осиповна (внучка А. П. Ганнибала, одного из сподвижников Петра), вела рассеянный, светский образ жизни. Ребенок проводил время за чтением или в обществе няни, Арины Родионовны, ставшей для него одним из самых родных, близких друзей. Через няню и «дворовых людей» он знакомился с русскими народными сказками и обычаями.

По рассказам сестры Пушкина, — Арина Родионовна (ходившая за ним вместе с другой няней — Ульяной) была «настоящей представительницей русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками».

Интерес к народной поэзии, возникший еще в это время, отразился в стихотворении «Сон», где Пушкин вспоминает «о мамушке своей», рассказывавшей ему «о мертвецах, о подвигах Бовы»:

На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;

В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум. . .

На лето Пушкина вывозили в село Захарово под Москвой. Там впервые увидел он быт крепостного крестьянства. Впечатления от деревенской природы надолго запомнились Пушкину:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами, в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холмах домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят.

Большую роль в формировании его мировоззрения и в развитии его литературного дарования сыграл Царскосельский Лицей. Это учебное заведение было задумано правительством как школа подготовки «юношества, особо предназначенного к важным частям службы государственной», но превратился на деле в один из центров воспитания молодежи в духе политического свободомыслия. Директор Лицея В. Ф. Малиновский и профессор нравственных и политических наук А. П. Куницын внушали воспитанникам критическое отношение к самодержавно-крепостническому строю. Под влиянием Малиновского и Куницына в близком им духе строили свои лекции и другие профессора. В лекциях лучших преподавателей осуждался деспотизм и пропагандировались идеи политической свободы как необходимого условия расцвета культуры, науки, искусства. Записи лицейских лекций, сохранившиеся в архиве однокашника Пушкина — А. М. Горчакова, а также архивные материалы по истории Лицея полностью опровергают мнение буржуазных литературоведов о том, что в Лицей, якобы, переносились методы иностранного воспитания. Нет, лицейская система была системой русской передовой национальной педагогики,

основанной на высокой идейности и патриотизме, ненависти к деспотизму.

С особенной охотой Пушкин занимался политическими науками, которые преподавал Куницын. Пушкин впоследствии сказал о нем: «Он создал нас, он воспитал наш пламень». От Куницына Пушкин слышал полные глубокого смысла слова: «Люди, вступая в общество, желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты; они подвергаются верховной власти на том только условии, чтобы она избирала и употребляла средства для их безопасности и благосостояния; они предлагают свои силы в распоряжение общества, но с тем только, чтобы они обращены были на общую и, следовательно, также и на собственную пользу». Положения лекций Куницына — передового русского педагога — о законности власти, о деспотизме, о естественных правах человека преломлялись в стихах Пушкина. Большое распространение имела в Лицее нелегальная политическая литература. Все это придавало особый характер Лицею: не случайно воспитанники именовали это заведение в письмах и рукописных журналах «Лицейской республикой».

Однако «лицейская семья» не была единой: в ней были люди разных взглядов как среди воспитанников, так и среди воспитателей. «Сиятельные», равнодушные ко всему, кроме чинов и карьеры, осуждались в среде передовой группы лицейстов, высмеивались в эпиграммах лицейских сборников, вроде следующей:

Гуляй, топ Pince,¹ на что учиться!
От книг беги, как от беды;
Разве должно над книгой биться?
Чорт с ней. Сиятельный ведь ты:
Алмазы, денежки имеешь,
Как с сим чинов не получать?
Охота ж в Pension² езжать?
Ведь ты parler français³ умеешь!

¹ Мой князь.

² Пансион.

³ Говорить по-французски.

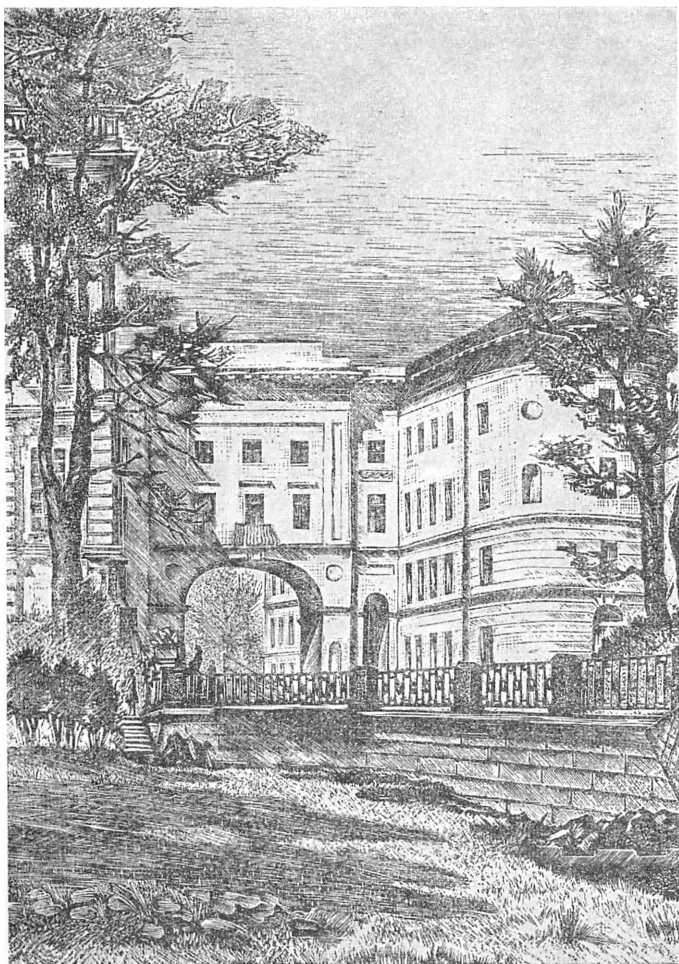
В поведении Пушкина-лицейста проявились со всей силой свойственные ему живость и непосредственность. «Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образование, но несколько не сделала его педантом. . .», — пишет И. Пущин, рассказавший о бесконечной изобретательности своего друга в детских играх и проказах. Благонравные, степенные наставники считали Пушкина «повесой» (так иронически говорил о себе и сам поэт в некоторых стихах). И, вместе с тем, он уже в ранние годы тревожился думами, которые были под стать взрослому человеку. В плане записок Пушкина под 1811 годом (т. е. когда ему было 12 лет) значится: «Мое положение. Философические мысли». А в его лицейском дневнике 10 декабря 1815 года отмечено: «Вчера написал я третью главу „Фатама или разума человеческого: право естественное“». О другом произведении этого времени — комедии «Философ» — лицейский товарищ Пушкина Илличевский писал одному из своих друзей: «План довольно удачен, и начало, то-есть 1-е действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее: стихи — и говорить нечего, — а острых слов сколько хочешь. . . Дай бог ему кончить этот большой ouvrage, начатый им, ouvrage,¹ которым он хочет открыть свое поприще по выходе из Лицея. Дай бог ему успеха — лучи славы его будут отсвечиваться и в его товарищах». — Оба эти произведения до нас не дошли, но самые замыслы их свидетельствуют о сложных вопросах, которые уже тогда вставали перед Пушкиным.

Его стихотворение «Товарищам» говорит о разных жизненных стремлениях воспитанников. Одни из них готовились к чиновничьей, служебной карьере, не гнушаясь связанными с ней лестью и пресмыкательством перед «вышестоящим начальством»:

Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,

---

¹ Труд.

Лицей.
С гравюры художника Л. Хижинского.

У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя...

Пушкин с иронией и презрением говорил о таких своих сверстниках. В этом стихотворении вырисовывается его собственная позиция:

Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны,
И не ползу в ассесора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак...

«Красный колпак», при котором хотел остаться Пушкин (фригийская шапочка французских революционеров), считался поэтическим символом свободолюбия. Это не означает, конечно, что Пушкину были тогда свойственны революционные убеждения, но является лишним свидетельством его осознанной, прямой враждебности существовавшему порядку.

Пушкин был в Лицее предводителем самой передовой группы молодежи. Он явился инициатором изгнания из Лицея «надзирателя по нравственной части» (а на деле тайного полицейского шпиона) Мартына Пилецкого, ему же принадлежала эпиграмма на министра просвещения графа Разумовского. Кружок друзей Пушкина (в нем были Дельвиг, будущие декабристы Пущин и Кюхельбекер) проявлял живой интерес к политике. Лицей получил славу как один из центров вольномыслия, прежде всего, благодаря Пушкину. Именно его творчество рассматривалось впоследствии реакционными кругами как «плоды лицейского воспитания». Но для формирования взглядов юного поэта имела значение не только система лицейского воспитания. Одним из источников вольномыслия было и общение с будущими деятелями тайных обществ. Пушкин часто бывал в среде вольнолюбивой офицерской молодежи,

служившей в лейб-гвардейском гусарском полку, расположенном в Царском Селе. Ближе других были Пушкину офицеры Чаадаев, Каверин, Н. Н. Раевский.

Пушкин на протяжении всего своего жизненного пути вспоминал о Лицее с неизменной теплотой. Традиционное празднование дня открытия Лицея — 19 октября — носило у Пушкина и его друзей яркую политическую окраску. Дружеский лицейский «союз», «святое братство», воспетое Пушкиным, было скреплено общими идейными стремлениями лицейстов пушкинского круга.

Огромное значение в созревании Пушкина как великого поэта и патриота сыграли события Отечественной войны 1812 года.

«Мы были дети 1812 года», — говорил декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Эти слова характеризовали все передовое поколение этой эпохи. Героика национально-освободительной войны обнаружила перед всем миром свободолюбие и могучие силы русских людей, взрастила декабристов. В годы победоносной борьбы против Наполеона стало особенно явственным противоречие между богатейшими возможностями русской нации и тем бесправным, угнетенным положением, в которое русский народ был поставлен самодержавно-крепостническим режимом. Идеи национальной свободы и национального самосознания, получившие яркое развитие в период войны 1812 года, имели громадное значение для всей общественной жизни России, для революционного движения, для культурного и литературного развития.

Декабрист Александр Бестужев об этом сказал: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то русский народ впервые ощутил свою силу: тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России».

Впечатления великих событий 1812 года остались у Пушкина на всю жизнь. «Клики торжествующие и

победные, — писал Герцен, — поразившие его еще в детстве, в 1813 и 1814 году, отдавались в его душе . . . ».

В своих воспоминаниях И. И. Пущин впоследствии рассказывал: «Эти события сильно отразились на нашем детстве . . . мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут при их появлении . . . напутствовали воинов . . . обнимались с родными и знакомыми; усатые гренадеры из рядов благословляли нас . . . Не одна слеза тут пролита».

В 1815 г. Пушкин говорил об этих же событиях в стихотворении «К Александру»:

Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил . . .

А через двадцать один год в стихотворении «Была пора» он писал о том же и с той же восторженностью:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались,
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас . . .

(1836).

В годы Отечественной войны Пушкин-лицейст был охвачен вместе со всем русским народом патриотическим воодушевлением, он горел желанием принести свою жизнь в жертву за свободу отечества. В лицейских стихах он часто говорил о своем пребывании вне армии чуть ли не как о тягчайшей вине (хотя ему во время войны было 13—14 лет):

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед.
И вы их видели, врагов моей отчины,
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни,
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Здесь характерна глубоко личная, лирическая трактовка Пушкиным военной темы. Через год он говорит о том же:

Я тихо расцветал беспечный, безмятежный!
Увы, мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
... Почтож на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами не пал я пред тобою
И славы под крылом на утре не почил?

В лицейских стихах Пушкин выразил восхищение героизмом русских солдат, самоотверженно защищавших отечество от наполеоновских полчищ. В стихотворении, где Пушкин впервые пытался дать развернутую картину войны, — «Воспоминания в Царском Селе» — народу посвящены проникновенные, пафосные строки:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад, летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу
сраженья...

В этих словах Пушкин отразил черты русского национального характера, которые так ярко проявились в эпоху Отечественной войны. Здесь обобщены многочисленные факты, которые были у всех на устах, о которых Пушкин читал в «реляциях», слышал от очевидцев. Слова Пушкина — «Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья» — передавали действительные настроения народа.

Неизгладимый след в сознании Пушкина оставил пожар Москвы — событие, в котором с исключительной силой сказался героический дух самопожертвования русского народа. В 1814 г. Пушкин писал с глубокой скорбью:

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?

Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни. . .

В этих, а также в позднейших стихах — «Наполеон на Эльбе», «Наполеон» и других — отразилось восприятие Пушкиным пожара Москвы как сознательно-го подвига русских людей, подвига, предвещавшего гибель Наполеона и стократ увеличившего ярость народа. Обращаясь к тени Наполеона, поэт восклицал в посвященном ему стихотворении:

Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем как дара;
Но поздно русских разгадал. . .

Поэтически-возвышенное чувство любви к Москве, которое Пушкин сохранил на всю жизнь, было связано для него с памятью о великой жертве, о великом искуплении «матери градов России». Позже, в VII главе «Евгения Онегина» он снова вспоминает о Москве в дни нашествия Наполеона:

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.

И как бы лирическим обобщением чувств и дум о Москве, о ее героическом значении в деле разгрома французских полчищ и освобождения родины, явились задушевные строки в той же главе «Евгения Онегина»:

Москва. . . Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Пушкин, свидетель великих событий 1812 года, вынес из своих живых впечатлений глубокую веру в русский народ, освободивший от наполеоновской тирании не только свою землю, но и поработенную Европу. Об этой всемирно-исторической миссии России Пушкин еще в 1815 г. писал:

... Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепью с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали
«Ужель свободны мы? .. Ужели грозный пал? ..»

Представление о России — спасительнице Европы, подтвержденное историей, воплотил Пушкин и в строках, написанных много лет спустя, в 30-х годах:

... в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир...

Огромный общественный резонанс, который вызвала Отечественная война, звучал по-разному в различных общественно-политических лагерях, между которыми в результате войны резко обозначились непримиримые противоречия. В лагере реакции события 1812—1814 гг. вызвали страх перед разбушевавшейся стихией народной войны. Граф Ростопчин, автор знаменитых «афишек» (их Пушкин впоследствии назвал «полицейскими объявлениями»), писал в одном письме о «вредном» влиянии войны на умы «мирных поселян»: «Умы сделались весьма дерзки и без уважения. Собственность не почитается, а привычка бить неприятеля преобразила большую часть поселян...». Идеологи реакции всячески старались подчеркнуть монархический и мистико-религиозный смысл событий, трактуя победу над двенадцатью языками как дело рук царя, как подвиг дворянства и как «божью волю».

Совершенно иначе оценивали итоги войны передовые русские люди. Если в годы войны демагогическая «свободолюбивая» фразеология Александра I производила некоторое впечатление, то вскоре иллю-

зии (отразившиеся и в некоторых юношеских стихах Пушкина) рассеялись. Патриотизм рождал сопротивление силам реакции и вел к поискам путей борьбы за освобождение родины от цепей деспотизма. Из участников Отечественной войны — офицеров — составилось ядро тайных декабристских организаций. Декабрист П. Беляев с гордостью писал: «Первые члены тайного общества были большею частью военные, прошедшие победоносно всю Европу до Парижа». Понятно, почему первое тайное общество называлось «Союзом истинных и верных сынов отечества».

Эти же корни героического патриотизма питали все творчество Пушкина и его политическую поэзию. Когда он, обращаясь в 1818 г. к участнику Бородинского сражения, Чаадаеву, восклицал:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы —

то слово «отчизна» наполнялось особым содержанием: это была земля, только что отвоеванная от иноземных поработителей и взывающая об освобождении от ига самовластья («отчизны внемлем призыванья...»). Так вольнолюбивая поэзия Пушкина сливалась с декабристским движением не только по общей устремленности, но и по своим идейным истокам.

Героизм двенадцатого года оказал решающее влияние на характер Пушкина. Мужественность, стойкость, готовность к суровым испытаниям в борьбе за высокие идеи, — все эти черты будущего великого поэта сказались уже в обращении Пушкина к своему другу Кюхельбекеру при окончании Лицея:

... Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!

Уже в Лицее Пушкин избрал для себя славный и трудный путь литератора. В лицейские годы Пушкин написал около 120 стихотворений, главным обра-

зом, лирических. Две поэмы — «Монах» и «Бова» — остались незаконченными (в последнем отразилось влияние одноименного произведения А. Н. Радищева). В составе лицейской поэзии были романсы, сатиры, эпиграммы. Юный Пушкин в это время еще учился у поэтов старшего поколения и нередко подражал им (особенно Батюшкову, Жуковскому). Но все же его юношеские стихотворения лицейского периода выделяются на общем фоне русской поэзии этих лет своими попытками изображения конкретного быта и более непосредственного жизненного воспроизведения внутреннего мира человека. Учась у Жуковского «гармонии» стиха и эмоциональности речи, Пушкин отдавал предпочтение Батюшкову, ибо «его ясный, определенный ум, его артистическая натура гораздо более гармонировали с умом и натурой Батюшкова, чем Жуковского» (Белинский). В подражание «Моим пенатам» Батюшкова написан «Городок». Вместе с тем, Пушкин уже в эти годы шел дальше Батюшкова: он смелее вводил в свои стихотворения элементы простонародной речи и свободнее своего учителя пользовался реалистическими деталями быта.

В лицейских стихах Пушкина темы общественно-политические еще не были основными: в его поэзии тогда преобладали мотивы природы, дружбы, наслаждения жизнью. Однако уже и в лицейских стихах начинает звучать одна из основных тем всего пушкинского творчества — тема противоречия между личностью и окружающей средой. В лицейских посланиях 1815—1816 гг., носящих еще следы ученического подражания Батюшкову и Жуковскому, поэт противопоставляет круг «друзей», чуждых «этикету», презирающих суету «столиц, забот и грома», — кругу вельмож и прислуживающих им «высоко, тонко и хитро» «придворных философов». В посланиях этих содержится и прославление идиллической, уединенной жизни вдали от жизненных бурь («Нашел в глуши я мирный кров и дни веду смиренно...»). Но в этом сказалось скорее всего книжное влияние. Темперамент, характер истинного стремления Пушкина выразились

Пушкин лицеист.
С гравюры Е. Гейтмана.

в его первом политическом стихотворении «Лицинию» (1815), где он восклицал:

Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О себе поэт здесь говорит: «Я рабство ненавижу», «кипит в груди свобода...». Под видом подражания древним римским писателям (что вызвано было цензурными соображениями) Пушкин в этом стихотворении клеймит позором самодержавно-деспотический режим:

Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесслави;
Ветулий римлян царь!.. О стыд, о времена!

В других стихах он отвергает социальный и бытовой уклад России того времени, осуждает тяготение к карьере и ко двору: тот, кто «правдив и благороден», не может быть «мудрецом придворным». Для мировоззрения Пушкина-лицеиста показательны послания своему сверстнику — князю А. М. Горчакову, честолюбивому «питомцу мод», который еще на лицейской скамье сознательно готовился к будущей карьере. В этих стихотворениях, посвященных теме выбора жизненного пути, поэт защищает право на личную свободу и независимость, осуждает низкопоклонство перед знатью.

Наконец, заметное место в лицейской лирике Пушкина занимают темы литературной борьбы. В это время развернуло свою деятельность реакционное литературное объединение «Беседа любителей русского слова». Пушкин называл ее «Беседа губителей русского слова». И, в самом деле, члены «Беседы» во главе с Шишковым стремились вернуть Россию к старым, отжившим временам и нравам, задержать развитие русской культуры и литературы по новому пути. Для борьбы с «Беседой» организовалось другое литературное общество — «Арзамас». В числе членов «Арзамаса» были представители и левых

елоев дворянства (как, например, Вяземский), и люди консервативных взглядов. Позже в него вступили и декабристы: М. Орлов, Н. И. Тургенев, Никита Муравьев. Пушкин еще до вступления в «Арзамас» участвовал в борьбе между «Беседой» и «Арзамасом» в качестве одного из наиболее воинственно настроенных поэтов, выступивших против реакционных «староверов». Кроме поэмы «Тень Фонвизина» (подражание «Видению на берегах Леты» Батюшкова), Пушкин написал ряд стихотворений, содержащих выпады против членов «Беседы» — лжепатриотов, врагов просвещения, угрюмых риториков — Шишкова, графа Хвостова, Шихматова («К Батюшкову», «Городок», «К Жуковскому» и др.). Это, как отметил Пушкин, были противники всех,

Кто смело просвистал шутливою сатирой,
Кто выражается правдивым языком...

Ко времени окончания Лицея Пушкин был хорошо известен в литературных кругах. В печати он впервые появился в 1814 г. (стихотворение «К другу стихотворцу» в «Вестнике Европы»). В течение 1814—1817 гг. (до окончания Лицея) в журналах «Вестник Европы», «Российский Музеум», «Сын Отечества» и др. напечатано более двадцати стихотворений Пушкина. Хотя большинство стихотворений не было подписано его именем, тем не менее автора уже знали. В особенности способствовало распространению пушкинской славы стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», с большим успехом прочитанное им в 1815 г. на лицейском экзамене, в присутствии Державина. Впоследствии Пушкин вспоминал об этом замечательном событии:

«Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались... Державин был очень стар... Экзамен наш его очень утомил... Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбира-

лись его стихи. . . Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец, вызвали меня. Я прочел мои „Воспоминания в Царском Селе“ стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом. . . Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении. Он меня требовал, хотел меня обнять. . . Меня искали, но не нашли. . .».

В июне 1817 г. Пушкин окончил Лицей и переехал в Петербург, где был определен в коллегию иностранных дел в чине коллежского секретаря.

ГЛАВА ВТОРАЯ

По словам брата поэта — Льва Сергеевича, «по выходе из Лицея Пушкин вполне пользовался своей молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры... Он жадно, бешено предавался всем наслаждениям». Живой, страстный темперамент Пушкина сказался во всем его характере, в разговорах, в отношениях с людьми. В воспоминаниях современников единодушно отмечаются пылкость и искренность, с которой он отдавался искусству, любви, дружбе. «Должно заметить, что редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его, но становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-либо близком его душе. Тогда он становился поэтом...», — читаем мы в воспоминаниях Льва Сергеевича.

Рассказы современников донесли до нас в скупых, но выразительных чертах обаятельный облик Пушкина. «Как теперь вижу его, живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного... с великолепными большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе... черты лица были у него приятные, а общее выражение очень симпатичное... он был чрезвычайно добр и сердечен», — пишет один из его знакомых. Эта сердечность и доброта сочетались

у Пушкина с непримиримостью ко всему дурному в жизни. Другой современник говорит, что в его поведении проявлялись «воинственность и бесстрашие», «чувство мести ко всему, что отступало от природы и справедливости. Эпиграмма была его кинжалом. Он не щадил ни врагов правоты, ни врагов собственных, поражал их прямо в сердце, не щадил и всегда готов был отвечать за удары свои». Сила воздействия его произведений неизмеримо возрастала, когда он с присущим ему темпераментом читал их собеседникам своим голосом «певучим и мелодическим».

Политические интересы были характерны для Пушкина еще в Лицее. Их усилению способствовала царившая в эти годы атмосфера.

Годы 1817—1820, проведенные Пушкиным в Петербурге, были годами большого общественного возбуждения после наполеоновских войн. Мощный патриотический подъем, вызванный победой над врагом, сочетался в передовом русском обществе с горячим желанием видеть Россию преобразованной на новых политических началах. Бессмысленность надежд на царские реформы становилась все более очевидной.

Организация реакционного «Священного Союза» во главе с Александром I для подавления революционного движения в Европе, а внутри страны — чудовищная крепостническая эксплуатация, цензурный гнет, военные поселения, — все это способствовало росту оппозиционных настроений и привело к образованию тайных политических обществ — «Союза Спасения» (1816—1817 гг.) и «Союза Благоденствия» (1818—1821 гг.), а затем «Северного» и «Южного». Программы декабристов заключали в себе требования ликвидации крепостного права и замены самодержавия конституционной монархией, а более левые программы — республикой. Значение декабристов в общей цепи освободительного движения становится ясным из ленинской характеристики трех поколений, трех классов, действовавших в русской революции:

«Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

«Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной Воли“. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури“, — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

«Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году» (Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 468—469).

Сам Пушкин не входил в тайное общество, но общался со многими из его членов. По словам Вяземского, «хоть Пушкин и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей, вулканической атмосфере». В литературном обществе «Арзамас» он общался с декабристами Н. Тургеневым, М. Орловым, Никитой Муравьевым. Пушкин встречался также со многими другими членами тайных обществ — С. Муравьевым-Апостолом, М. Луниным, И. Якушкиным, М. Бестужевым-Рюминым и другими.

Активное участие принял Пушкин в литературном кружке «Зеленая лампа», возникшем в 1818 г. в качестве своеобразного ответвления «Союза Благоденствия». В состав общества входили Ф. Глинка, С. Трубецкой, Я. Толстой и др. Члены кружка собирались для чтения и обсуждения литературных произведений, —

Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

(«В. В. Энгельгардту» 1819,

«Зеленая лампа» была создана с целью воспитания как будущих членов «Союза Благоденствия», так и лиц, «долженствовавших служить только орудиями». Эта цель внешне маскировалась «чисто литературным» характером общества. Пушкин принадлежал к числу членов «Зеленой лампы», заинтересованных прежде всего в политическом содержании деятельности объединения. В своем цикле стихотворных посланий к товарищам по «Зеленой лампе» (Я. Н. Толстому, В. В. Энгельгардту, Ф. Ф. Юрьеву и др.) он особенно оттенял эту сторону содружества. Характеристика кружка как «приюта вольных муз», в котором собираются «рыцари лихие любви, свободы и вина», подчеркивание «равенства», призыв к открытым разговорам «насчет глупца, вельможи злого» — все это подтверждает, что Пушкин ценил вольнолюбивую направленность этого объединения. Среди интересов, увлекавших членов «Зеленой лампы», видное место занимал театр. Пушкин в эти годы был постоянным посетителем драмы, оперы, балета. Он активно участвовал в борьбе театральных группировок, отчетливо наметившихся среди петербургских театралов. Его можно было видеть среди передовой петербургской молодежи, демонстративно занимавшей левые кресла в театральном зале. Театральные интересы и вкусы Пушкина нашли отражение в первой главе «Евгения Онегина», где он восторженно говорит о своих симпатиях к прогрессивным явлениям русского театрального искусства:

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый...

Политические стихи, написанные Пушкиным в Петербурге, распространялись в сотнях рукописных ко-

пий. В оде «Вольность» (1817) Пушкин отвергал «изнеженную лиру» и утверждал путь высокой гражданской поэзии:

Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

В этой оде Пушкин страстно заклеил основы существовавшего строя — беззаконие, произвол, рабство, обнажил «страданье народов». Она характеризует для нас и ту политическую обстановку, в которой пришлось жить и творить Пушкину:

Увы! Куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Как призыв к революционной борьбе звучали строки «Вольности»:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимайте,
Восстаньте, падшие рабы!

А в строфе о «самовластительном злодее» современники видели обличение Александра I. Царя и его приближенных Пушкин беспощадно клеймил и в своих эпиграммах (в особенности распространилась эпиграмма на всемогущего временщика Аракчеева). Громадный успех имело и стихотворение «Деревня», где дана потрясающая картина крепостного рабства. Здесь гневно осуждена жестокость, бесчеловечность самой системы рабства. О деревне, которая казалась приютом спокойствия, трудов и вдохновения, сказано словами точными, как в политико-экономическом трактате:

Здесь барство дикое без чувства, без закона
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Эти замечательные стихи, будившие политическое сознание современников, несли на себе, тем не менее, и печать исторической ограниченности: ода «Вольность» оканчивалась поучением царям, а стихотворение «Деревня» — надеждой на возможность падения рабства «по манию царя». Но художественно-эмоциональное воздействие, страстный обличительный пафос этих стихов были сильнее такого рода умеренно-оппозиционной политической программы. Рабство определено здесь как «убийственный позор», невыносимый для «друга человечества», и это ощущение личной ответственности за положение народа рождало и ненависть к поработителям, и призыв к борьбе. К тому же в других своих стихотворениях Пушкин сам высмеивал либеральные надежды на то, что самодержец может добровольно ввести коренные реформы. Этой теме было посвящено стихотворение «Сказки» (Noël), направленное против «кочующего деспота» Александра I. Здесь иронически приводятся слова царя:

... людям все права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли.

Жизненная программа всего поколения передовой дворянской молодежи воплощена в послании «К Чаадаеву»: мирным «надеждам, тихой славе» — этим обманчивым мечтам — противопоставлена активная, самоотверженная борьба с «самовластьем», за благо родины.

Политическая линия, нашедшая отражение в произведениях Пушкина, оказалась во многом соответствующей идеологии деятелей тайных обществ. Впоследствии декабристы писали в мемуарах, что Пушкин, и не будучи членом тайного общества, служил своим творчеством революционному делу не только не меньше, но даже больше, чем литераторы, состоявшие в тайном обществе. «Звезда пленительного счастья», звезда свободы, была путеводной звездой Пушкина и декабристов. В 1826 г. Жуковский упрекал поэта: «В бумагах каждого из действовавших

(т. е. декабристов, — Б. М.) находятся стихи твои», и это не было преувеличением. Декабрист И. Якушкин говорил, что расходившиеся в сотнях рукописных копий вольнолюбивые стихи Пушкина «были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал бы их наизусть».

Поэзия Пушкина петербургского периода значительно отличается по своим художественным особенностям от лицейских стихов. Содержание произведений, написанных в 1817—1819 гг., является более сложным и конкретным. Коренным образом перестраивается и весь строй ранней пушкинской поэзии. Ода «Вольность» свидетельствует о сдвиге не только в политическом мировоззрении, но и в художественной манере Пушкина. Он говорит здесь полным голосом поэта-гражданина. Высокая идейная насыщенность и точность образов, все эти черты, свойственные пушкинской оде, становятся типичными и для пушкинских посланий (ср., напр., «К Чаадаеву» — «Любви, надежды, тихой славы», «Орлову», «В. В. Энгельгардту»). Пушкин постепенно разрушал те условные границы между различными видами поэтического творчества, которые установлены классицизмом. До Пушкина ода, элегия, послание и другие жанры имели свои законы и даже особый язык. Пушкин соединял особенности различных жанров. Этой реформой была открыта новая полоса в развитии русской поэзии: все книжные, формальные, искусственные «правила» рушились. В то время, когда ода считалось единственным жанром, пригодным для воплощения «возвышенных чувств и мыслей», Пушкин защищал равноправие жанров и считал, что «возвышенные чувства и мысли» могут и должны быть выражены в любых поэтических формах. Этой мысли он остался верен и в лирике поздних лет. Не только в послание, в элегию или в балладу, но даже в альбомные стихи он смело вводил социальные мотивы, стремясь следовать только главному правилу — верности изображения жизни, «истинности чувств».

В Петербурге Пушкин продолжал работать над поэмой «Руслан и Людмила», начатой еще в Лицее, в 1817 г. Опубликование этой поэмы (весной 1820 г. — отрывки в журналах, в августе — отдельное издание) приобрело характер демонстративного выступления против установленных литературных правил. По определению Белинского, «причиной энтузиазма, возбужденного „Русланом и Людмилой“, было, конечно, и предчувствие нового мира творчества, который открывал Пушкин всеми своими первыми произведениями. В этой поэме все было ново: и стих, и поэзия, и шутка, и сказочный характер вместе с серьезными картинами».

Глубокие, национально-самобытные основы Пушкинского мировоззрения и творчества стали ясны для передовых читателей уже из этого первого его большого произведения. В. Кюхельбекер, критикуя писателей, которые несли на себе «поносные цепи немецкие», и ратуя за национальную самобытность, не случайно высоко оценил первую поэму Пушкина как подающую «великие надежды». Демократическая народность «Руслана и Людмилы», боевой дух поэмы, ее «земная» основа, враждебная религиозности и мистицизму, ее полемический характер, — все это встретило восторженное одобрение передовой молодежи и в то же время вызвало резкие выступления политических консерваторов.

Критические отклики на «Руслана и Людмилу» вышли за пределы чисто литературных споров. Литературные староверы (как, например, критик «Вестника Европы») озлобленно поносили и полемическую направленность этой поэмы (в частности, пародирование тематики «героических» ложноклассических «эпопей»), и «простонародность» образов. По поводу поэмы критик «Вестника Европы» тогда писал: «... если бы в московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: з д о р о в о р е б я т а! Неужели бы мы стали таким проказником любоваться?». И в самом деле, Пушкин уже в этом произведении выступил

против общепринятых в дворянской поэзии представлений и по-новому подошел к проблеме народности: он отказался от условной стилизации «народной старины» и фольклора. Реакционные критики, привыкшие мерить русскую литературу на чужой аршин, пытались подбирать какие-либо аналогии к «Руслану и Людмиле» из западноевропейской литературы, упорно стараясь замолчать ее самобытно-национальный характер. На эти попытки Пушкин ответил «Прологом», который предпослал второму изданию поэмы. Этот пролог вводил читателя в чудесный, своеобразно-неповторимый мир русской народной сказочной фантастики:

Там русский дух... Там Русью пахнет!

В «Руслане и Людмиле» Пушкин выступил новатором в области и содержания, и формы русской поэмы. Материалом здесь послужили литературные обработки русских сказок. Тем не менее пушкинская поэма резко отличалась от существовавших в русской поэзии тяжеловесных и искусственных «богатырских поэм» (напр., «Ильи Муромца» Карамзина или «Бахарианы» Хераскова). Ее своеобразие, простота и точность языка были особенно заметны по сравнению с мистико-фантастической поэзией Жуковского. «Руслан и Людмила» — этап на пути к созданию подлинно народной поэмы, соединяющей эпическую тему с лирическими мотивами и допускающей «низкие картины» (за которые критиковали Пушкина «Вестник Европы» и другие журналы), т. е. непринужденно-жизненные описания героев и их поступков. Непосредственного отражения современности в поэме не было (исключением являются лишь полемические выпады против переводного мистического романтизма Жуковского). Однако критик «Невского зрителя» счел не лишним вспомнить о том, что «когда во Франции конца XVIII века стали появляться подобные произведения, то произошел упадок нравственности». Этот намек был не случаен. Под «нравственностью» подразумевалась

РУСЛАНЪ
и
ЛЮДМИЛА
ПОЭМА

ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1820.

Титульный лист первого издания «Руслан и Людмила».

покорность властям и религиозность. Все содержание поэмы выдавало общую демократическую и просветительскую настроенность автора.

Молодое поколение русских читателей оценило в поэме и ее идейную направленность, и живой энергичный стих, который для современников звучал «освобождением от длинных тягучих стихов тогдашнего поколения писателей» (Кс. Полевой).

Поэмой «Руслан и Людмила» Пушкин вступил в своеобразное соревнование с Жуковским, который считался признанным мастером в разработке фантастических сюжетов. Жуковский подарил Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму „Руслан и Людмила“».

Между тем, политические стихотворения Пушкина возбуждали резкое недовольство правящих кругов. В письме от 19 апреля 1819 г. Карамзин писал Дмитриеву: «Над здешним поэтом Пушкиным, если не туча, то, по крайней мере, облако, и громоносное... Служа под знаменем либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. и проч. Это узнала полиция. Опасаются следствия».

Александр I решил «обезвредить» вольнолюбивого поэта. Только вмешательство друзей — Карамзина и Жуковского — спасло поэта от Сибири или Соловков. В мае 1820 г. его высылают в Екатеринослав в распоряжение главного попечителя колонистов Южного края Инзова. Высылка Пушкина вызвала возмущение в прогрессивных литературно-политических кругах Петербурга. В публичном заседании «Вольного общества любителей российской словесности», находившегося под идейным влиянием «Союза Благоденствия», В. Кюхельбекер прочел стихотворение на тему о преследовании поэтов «тиранами». Пушкину были посвящены строки:

И ты, наш юный Корифей,
Певец любви, певец Руслана,

Что для тебя шипенье змей,
Что крик и филина и врана?

Другой поэт, член «Союза Благоденствия»
Ф. Глинка, напечатал в «Сыне Отечества» стихо-
творение, в котором обращался к Пушкину:

Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец.
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!

Но далеко не все люди из пушкинского окруже-
ния оказали поэту поддержку и не струсили. Вспо-
миная о «Зеленой Лампе», он писал:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?

Пушкин не знал, что вскоре после его отъезда
из Петербурга «лампада» погасла, что сведения
о полицейском надзоре за кружком и самый факт
высылки Пушкина из Петербурга испугали членов
«Зеленой Лампы», решивших после этого ликви-
дировать объединение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В середине мая Пушкин прибыл в Екатеринослав в распоряжение генерала Инзова и вскоре заболел. Здесь его застала семья героя 1812 года генерала Раевского. Младший сын Раевского Николай был близким другом Пушкина. Вместе с Раевскими Пушкин, с разрешения Инзова, отправился на Кавказ.

Впечатления от этого путешествия во многом обогатили поэта. Он впервые познакомился с южной Россией, ее населением, природой, бытом. Его восхищал воинственный дух казацкой вольницы. На Дону в это время одно за другим вспыхивали крестьянские восстания. Пушкин ощущал здесь ту же атмосферу стихийного протеста народа против рабства, которая была и в Екатеринославе перед его отъездом на Кавказ.

В Екатеринославе, в пятидесяти деревнях окрестных помещиков, по словам екатеринославского губернатора, «возмущение достигло самой высшей степени, так уже не сотнями, но многими тысячами... собираются возмутители, избивают своих начальников, твердо установив не повиноваться никаким усилиям и увещаниям, а упорно стоять, чтобы быть в полной свободе».

На Кавказе поэта привлекают не только великолепная природа и экзотический быт горцев, но и героика войны — тема столь близкая ему, мечтав-

шему в годы борьбы с Наполеоном о военном подвиге. В стихотворении, написанном незадолго до ссылки, в апреле 1820 г., Пушкин писал о себе: «от первых лет поклонник бранной славы».

Проведя два месяца на кавказских водах, Пушкин вместе с семьей Раевских отправился в Крым. В пути Пушкин не перестает любоваться казаками: «Вечно верхом, вечно готовы драться, в вечной предосторожности», — пишет он восторженно брату. Три недели провел он в Гурзуфе, наслаждаясь роскошью «полуденной природы». Из Крыма Пушкин поехал в Кишинев, куда была переведена канцелярия Инзова.

Ожидания царского правительства, что Пушкин в ссылке «исправится», не оправдались. Кишинев в то время был одним из центров декабристского движения.

В ссылке Пушкин тесно сближается с членами «Южного общества» декабристов, бывает в центре их совещаний — Каменке, знакомится с руководителем этого общества, виднейшим вождем декабризма П. И. Пестелем. «Утро провел я с Пестелем — умный человек, во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю», — записал в своем дневнике Пушкин. Под воздействием декабристских идей Пушкин задумывает историко-политическую драму «Вадим» (1822), пишет «Исторические замечания», где дает резкую характеристику Екатерины II и Павла I. «Политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян», — читаем мы здесь.

В стихотворениях этого периода у Пушкина впервые появляются мотивы революционного действия. Стихотворение «Кинжал» (1821), по позднейшему признанию декабристов, использовалось ими для агитации за революционный переворот.

На юге Пушкин усиленно следил за ходом освободительного движения в Европе (восстания в Италии и Испании, брожение в Португалии, Франции, Германии). Священный Союз при активном участии

Александра I всюду восстановил старые порядки. Итальянская революция была подавлена австрийскими войсками, испанская — французскими. Вождь испанского революционного восстания Риго был казнен. В ряде пушкинских стихотворений и набросков в 1823—1824 гг. («Свободы сеятель пустынный», «Кто, волны, вас остановил», «Недвижный страж дремал», «Сказали раз царю») отражены переживания поэта, вызванные усилением реакции в России и на Западе.

О настроениях Пушкина в южный период весьма красноречиво свидетельствует эпизод, записанный его кишиневским знакомцем — П. И. Долгоруковым:

«Пушкин рассуждал за столом о нравственности нашего века... Пушкин ругает правительство, помещиков, говорит остро, убедительно... Полетели ругательства на все сословия.

«Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частию, один класс земледельцев — почтенный. На дворян русских особенно напал Пушкин. Их надобно всех повесить...».

Пушкин иногда бывал в Каменке (имени декабриста В. Л. Давыдова в Киевской губернии). Особенно интересным был его проезд туда в то время, когда Давыдов собрал у себя членов тайного общества для обсуждения ряда политических вопросов.

Там Пушкин встретил М. Орлова, И. Якушкина и других своих знакомых. Велись разговоры об испанской и неаполитанской революциях, о военном перевороте в Португалии, о перспективах революционного движения в России. Содержание этих бесед воспроизводят следующие строки пушкинского послания «В. Л. Давыдову» (1821):

Спасенья чашу наполняли
Беспенной мерзлою струей
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали!
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...

(те — неаполитанские революционеры, та — свобода). Стихотворение кончается выражением надежды на революцию в России:

...мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши* причастимся.

Настроения, царившие в это время в передовых кругах, отражены в следующих строках задуманной Пушкиным в 1821—22 г.г. трагедии «Вадим», в которой события далекого прошлого вызывали аналогии с современностью:

Вражду к правительству я зрел на каждой встрече,
Уныние везде...
Встревожены умы, таится пламя в них.
Младые граждане кипят и негодуют...

Во время пребывания в Каменке Пушкин еще раз доказал, насколько в действительности сильным было его желание вступить в тайное общество (о существовании которого он, несомненно, догадывался). Декабрист И. Якушкин в своих воспоминаниях рассказал о следующем характерном эпизоде: «... Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились... сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к тайному обществу или нет... в последний вечер пребывания нашего в Каменке... Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учреждение тайного общества в России?.. Пушкин с жаром доказывал всю пользу, какую могло бы принести тайное общество в России... Я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование тайного общества... Раевский стал мне доказывать противное... В ответ на его выходку я ему сказал: „мне не трудно доказать, что вы шутите; ... если бы теперь уже существовало тайное общество, вы, наверно, к нему не присоединились бы?“ — „Напротив, ... присоединился бы“. „В таком случае, давайте руку...“. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: „разумеется, все это только одна шутка“.

Другие также смеялись, кроме... Пушкина, который был очень взволнован; ... он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: „я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженную и высокую цель перед собой, и все это было только злая шутка“. В эту минуту он был точно прекрасен».

Вернувшись из Каменки, Пушкин застал в Кишиневе необычайное оживление, связанное с событиями в Греции. По воспоминаниям А. Ф. Вельтмана, город был чрезвычайно взволнован. «На каждом шагу разгорался разговор о греческих делах: участие было необыкновенное. Новости разносились, как электрическая искра, по всему греческому миру Кишинева». Пушкин с горячим сочувствием следил за ходом национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова, Молдавии и Валахии, восставших против турецкого ига. Он сам мечтает принять участие в борьбе греков. В черновых набросках сохранился план поэмы на тему о греческом восстании и записи о ходе борьбы греков. Эти впечатления позже отразились в повести «Кирджали» (1834).

Пребывание Пушкина на юге России было ознаменовано важными переменами в его художественном развитии. Размышления о современной действительности и ее противоречиях, впечатления от южной природы, поиски новых творческих путей, — все это явилось почвой для возникновения в поэзии Пушкина новых тем и образов.

Внимательно присматриваясь к новым краям и новым людям, Пушкин создал оригинальную и своеобразную русскую романтическую поэму. К этому жанру относятся «Кавказский Пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы». Эти поэмы, задуманные Пушкиным на юге, написаны в течение 1821—1824 гг.

«Романтизм — вот первое слово, огласившее пушкинский период», — заметил Белинский. Романтизм Пушкина сыграл огромную революционную роль в развитии русской литературы, в ниспровержении

догматических «правил» классицизма, в расширении идейного содержания и обновлении форм поэзии, драматургии, художественной прозы.

В русском романтизме были различные социальные и эстетические направления. Среди романтиков находились и революционно настроенные писатели и приверженцы феодально-монархических идей, идеализировавшие средневековье и призывавшие к уходу в мир мистического «откровения». Романтизм последнего типа, нашедший наиболее яркое выражение в поэзии Жуковского, по своему идейному содержанию остался совершенно чуждым Пушкину; его интересовала иная, социально устремленная, бунтарская струя романтизма. В этом романтизме Пушкина привлекала борьба за народность литературы, за освобождение от правил, стеснявших ее развитие, стремление к раскрытию внутреннего мира человеческой индивидуальности, утверждение прав личности, обращение к источникам народного творчества. Такой романтизм не вступал в противоречие с реализмом, а был формой борьбы за правдивое изображение жизни. Вот почему в романтических произведениях Пушкина отчетливо ощущаются тенденции реалистические, выражающие стремление постигнуть закономерности действительности.

Эти черты определяют своеобразие пушкинского романтизма. Не случайно Пушкин впоследствии разумел под «истинным романтизмом» те принципы, которые критика, несколькими десятилетиями спустя именовала реализмом (сам термин «реализм» в пушкинское время еще не существовал). Романтический период в пушкинском творчестве носил характер поисков, переходного этапа на пути к реализму, а не был выражением попыток ухода от жизненных противоречий. Пушкину был чужд и мистицизм, в котором обретали путь к примирению с действительностью многие поэты романтического направления. Его ум передового просветителя не мог видеть за пределами «земной жизни» ничего иного, кроме «ничтожества».

Реалистические тенденции пушкинского романтизма обусловили и своеобразие его романтических поэм. Уже в первой из них — в «Кавказском Пленнике» (1820—1821) — он хотел воспроизвести типические черты современного героя. «...Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века», — писал Пушкин в письме 1822 г. Правда, в этом же письме он отметил, что «характер пленника неудачен», считая, что замысел его не получил здесь полного воплощения. Несмотря на свойственный романтическому методу субъективизм, несмотря на расплывчатость и неясность образа, некоторые черты героя были показаны верно и ярко. Идейная настроенность его была выражена в словах (в прижизненных изданиях исключенных цензурой):

Свобода! Он одной тебя
Еще искал в подлунном мире...

Разочарованный пленник, «отступник света», гордо начавший «пламенную младость», но затем вкусивший «грозное страданье», герой, оказавшийся жертвой «неприятни двуязычной» и покинувший родной предел «с веселым призраком свободы», — был близок свободолюбивой молодежи 20-х годов. Недаром Карамзин в одном из писем назвал «Кавказского Пленника» «поэмой либерала Пушкина».

Самая «разочарованность» героя поэмы явилась следствием типичного для этих лет противоречия между героиней Отечественной войны и связанными с ней надеждами, с одной стороны, и атмосферой послевоенной реакции, пустой, бессмысленной жизнью «светского общества», — с другой. Вот одно из признаний современников: декабрист И. Якушкин говорил об этом послевоенном времени, что «существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решавшие судьбы народов

И некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, восхваляющих все старое. . . Мы ушли от них на 100 лет вперед». На фоне подобных настроений образ пленника и самое поведение его приобретают особый смысл. Это человек, который пришел в столкновение с «презренной суетой» света, обманулся в «надеждах» и полетел в кавказский «далекий край», манивший его героикой войны и вольной жизнью. В «Посвящении», которое является своеобразным ключом к идейному содержанию поэмы, Пушкин не случайно с таким восхищением вспоминает о подвиге своего друга Николая Раевского в 1812 году:

Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел,
Отечество тебя ласкало с умилением,
Как жертву милую, как верный цвет надежд.

Типические переживания передового молодого человека этого времени, гонимого «светом», передают и другие строки «Посвящения»:

Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных невежд! . .

Отдельные черты образа пленника автобиографичны («. . . в нем есть стихи моего сердца», — признавался Пушкин), но находились близкие характеры и среди современников Пушкина. Так, например, сообщая в письме к Вяземскому о критике Чаадаевым образа пленника, Пушкин заметил: «Чаадаев по несчастью знаток по этой части: оживи его прекрасную душу, поэт!». Кюхельбекер в одном из своих стихотворений сравнил свою судьбу с судьбой «Кавказского Пленника». Все это говорит о том, что образ пленника был целиком подсказан русской действительностью. Много позднее (в «Путешествии в Арзрум») Пушкин заметил, что в описаниях «Кавказского Пленника» «много угадано и выражено верно». В самом

деле, юношеская непримиримость вольнолюбивого героя к «презренной суете» света, да и судьба русского офицера, попавшего в плен, — все это было вполне правдоподобным.

Если образ пленника оваян таинственной романтической дымкой, то черкешенка обрисована с психологической правдивостью. Наиболее удавшейся частью поэмы Пушкин считал изображение обычаев и нравов черкесов. Правдивость, естественность этих описаний отмечалась и в современной поэту критике.

Творческое своеобразие и новаторство Пушкина в период романтизма нашло еще более яркое выражение в поэме «Братья-разбойники» (1821—1822). Поэма эта целиком основана на материале русской действительности. Посылая Вяземскому «Братьев-разбойников», Пушкин писал: «Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 г., в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуман». Поэма была задумана как произведение из быта волжских разбойников, крепостных крестьян, бежавших от помещика в «зеленую дубраву». С этим замыслом связано широкое использование в поэме элементов фольклора и народного языка. В 1823 г. Пушкин сжег поэму. Дошедший до нас отрывок (первоначально напечатанный в «Полярной Звезде» на 1825 г.) позволяет предполагать, что она отличалась острой идеологической направленностью (преступление разбойника мотивировано социальными условиями). Современники Пушкина воспринимали образы «Братьев-разбойников» как символы политической борьбы. В 1823 г. П. Вяземский писал о поэме А. Тургеневу: «Я благодарю его (Пушкина) и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах».

Впоследствии «Братья-разбойники» получили широкое распространение в народе.

В 1823 г., во время пребывания в Одессе, Пушкин закончил поэму «Бахчисарайский фонтан». Экзотичность материала, некоторая неровность в развертывании сюжета, загадочность, которой окутаны действия героев, — все эти признаки дали основание современным Пушкину критикам заключить, что «Бахчисарайский фонтан» — самая романтическая из всех его поэм.

Следуя преданию о польской красавице Марии Потоцкой, похищенной крымским ханом Керим Гиреем, Пушкин создал произведение, насыщенное драматизмом и страстностью, овеянное поэзией Востока. Одним из достижений Пушкина в этой поэме явилась тонкая разработка лирической темы, проходящей через романтические описания крымской природы и нашедшей мастерское воплощение в задушевных воспоминаниях поэта о своих крымских впечатлениях. Романтически зыбкие образы Марии и Заремы Пушкин в эпилоге связывает с конкретным образом любимой женщины, рассказавшей ему предание.

«Бахчисарайский фонтан» был напечатан отдельной книгой в 1824 г. с предисловием Вяземского, озаглавленным: «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского Острова». Предисловие явилось своеобразным «манифестом» романтической школы и вызвало оживленную полемику о сущности романтизма и народности. Поэма имела огромный успех. При жизни Пушкина она была дважды переведена на иностранные языки. В 1825 г. она шла в театре в переделке А. Шаховского.

Создавая «Бахчисарайский фонтан», наиболее романтическую из его поэм, расцвеченную всеми красками восточной экзотики, Пушкин в то же время был занят уже совсем иными замыслами. «Бахчисарайский фонтан» был завершен в конце 1823 г. А 9 мая этого же года он начал работать над «Евгением Онегиным». Первая глава романа, над которым Пушкин работал в общей сложности более

восьми лет (1823—1831), закончена 22 октября 1823 г., вторая — 8 декабря 1823 г. В этих двух главах «Евгения Онегина», ознаменовавших совершенно новый этап в пушкинском творчестве, была изображена широкая реалистическая картина русской жизни.

Слабые стороны романтического метода Пушкин понял очень рано. Об этом говорят его критические замечания о собственных романтических поэмах, в которых он ценил, главным образом, черты самой жизни (см., например, выше его оценку «Кавказского Пленника»). Субъективизм, отвлеченность образов, однолинейность в обрисовке характеров — все это Пушкин преодолел сравнительно быстро. Но в то же время он до конца своего творческого пути сохранил лучшие элементы прогрессивного романтизма: романтическую приподнятость и лирическую взволнованность в изображении внутреннего мира человека, эмоциональное восприятие действительности, поэтически претворенную мечту об иной, свободной и яркой жизни.

«Южные» поэмы связаны со всей поэзией Пушкина не только по своим темам, но и чертами, предсказывавшими полную победу реализма в его творчестве. Основное идейное содержание «южных» поэм — вопрос о противоречии между личностью и общественным строем, стремление к свободе от мертвящих «правил» света, порыв к вольной жизни, интерес к быту и нравам различных народов, — все это найдет свое дальнейшее развитие в позднейших произведениях Пушкина и получит новое, реалистическое, конкретно-историческое объяснение. «Южные» поэмы явились важным этапом и в борьбе с устаревшими формами, тормозившими литературное развитие. С одной стороны — в поэмах Пушкин разрушал застывшие представления классицизма о строгом разделении жанров, соединяя элементы и повествования, и описания, и собственно лирической поэзии (т. е. выражения своих индивидуальных чувств и переживаний); с другой — и в свои стихотворения он вводил

идеологически насыщенный, эмоционально окрашенный пейзаж, лирические монологи и элементы повествовательные. Наряду с романтическими поэмами у Пушкина имеются и романтические стихотворения (например, «Погасло дневное светило», «Наполеон», «К морю» и другие). В период создания «южных» поэм работа над лирическими стихотворениями не являлась для Пушкина чем-то малозначительным.

Буржуазно-либеральные литературоведы-космополиты утверждали, что романтические поэмы Пушкина — это результат влияния западноевропейской литературы. Весь творческий путь Пушкина такие литературоведы рассматривали как смену «влияний», но особенно много писалось на тему о том, что Пушкин подражал Байрону. О лживости этой точки зрения, которая имела хождение еще при жизни Пушкина в консервативных журналах, говорил в свое время Белинский. Обличая Н. И. Надеждина, который сравнивал Пушкина с Байроном, Белинский критически замечал: «Этому ученому критику и в голову не входило, что Пушкин так же точно не был обязан быть Байроном, как Байрон — Гомером, и что Пушкина должно рассматривать как Пушкина, а не как Байрона. . . Этому ученому критику еще менее входило в голову, что между Пушкиным и Байроном не было ничего общего в направлении и духе таланта, и что, следовательно, тут неуместно было какое бы то ни было сравнение». А в другом месте Белинский сказал о Пушкине: «Он заботился не о том, чтобы походить на Байрона, а о том, чтоб быть самим собою и быть верным той действительности, до него еще непочатой и нетронутой, которая просилась под перо его».

И в самом деле, хотя Пушкин в юности и «зачитывался Байроном», но ему совершенно остался чужд и безграничный индивидуализм этого поэта, и его беспросветный пессимизм. Герои Пушкина не похожи на гордых, надменных, эгоистичных героев Байрона, презирающих простых смертных. Образ парящего над миром героя-титана, в котором Байрон воплотил

черты своей собственной личности, не знакомы творчеству Пушкина. Он шел своим путем, а не путем подражания Байрону или кому бы то ни было.

Борьбой против подражательности иноземной словесности, в частности французской придворной литературе — «салонной и жеманной», — была проникнута вся деятельность Пушкина. «Французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность», — писал он Вяземскому.

В 20-х годах Пушкин набрасывает план статьи о французской словесности, где, страстно протестуя против подражания, ратует за самобытность русской литературы. Пушкин пишет о «вредных последствиях» влияния французской словесности: «манерность, робость, бледность... как можно ей подражать, — спрашивает поэт, — ее глупое стихосложение — робкий, бледный язык — вечно на помочах...». Развитие литературы Пушкин мыслил только на основе родной национальной культуры: «... есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки...». Пушкин не только в своем творчестве основывался на национальных самобытных источниках, но и поэтов-современников призывал к борьбе с подражаниями западноевропейской литературе. «Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? — писал он в письме к Вяземскому, — пора ему иметь собственное воображение и крепостные вымыслы». «Жуковского переводили бы на все языки, если б он сам менее переводил», — заметил Пушкин в другом месте.

Сама жизнь, подъем национального самосознания, вызванный Отечественной войной, — вот что служило для Пушкина опорой в борьбе за развитие русской литературы, а не книжные «источники» и «влияния», о которых буржуазные пушкинисты написали сотни книг и статей. В борьбе за национальную самобытность литературы Пушкин был в союзе со всеми передовыми людьми эпохи. Русская литература должна быть достойной народа, освободившего мир

от наполеоновской деспотии, — эта мысль проходит в статьях и письмах декабристов.

В овеянные военной славой годы передовая молодежь соприкоснулась с народом, вставшим на защиту родины, и тогда раскрылось все величие русского национального характера, живые родники русской речи, прелесть родных сказаний и песен, неповторимое своеобразие героического прошлого России, все то, что явилось основой и содержанием пушкинского творчества. И тогда же особенно обнаружилось нелепость и вред преклонения реакционного дворянства перед иноземной культурой, подражания иноземным «образцам» и пренебрежения золотыми россыпями отечественной культуры. Вот типичные рассуждения члена тайного общества, участника Бородинского сражения и всего заграничного похода русской армии, полковника Федора Глинки: «Русские не потерпели ига татарского; не потерпели нашествия галлов и двадцати языков; они, конечно, не потерпят и владычества чуждых наречий в священных пределах словесности своей».

Декабристы с гневом обличали дворян-крепостников, равнодушных к родной культуре, предпочитавших родной язык французскому, отдававших своих детей на воспитание иноземцам. Александр Бестужев в «Полярной Звезде» высмеивал писателей, которые «вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залезли в тридевятую даль по-немецки». Рылеев в статье «Несколько мыслей о поэзии» осудил подражательность как «вериги чуждых мнений».

Будучи патриотом родной страны, ее культуры, резко выступая против подражательности, Пушкин в то же время высоко ценил и изучал достижения художественной культуры человечества. Для передовых русских людей всегда было характерно уважение к прогрессивным деятелям и писателям других наций. В то время как Байрон своей обличительной и протестующей деятельностью вызывал ярость правящих классов у себя на родине, именно в России

его ценили как раз за эти стороны. Когда Байрон в борьбе за независимость Греции умер и его гибель вызвала ликование реакционеров всего мира, Рылеев в оде «На смерть Байрона» восклицал:

Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.

Но тот же Рылеев был последовательным борцом против подражательности русских писателей кому бы то ни было. Такую же позицию занимал Пушкин по отношению к передовым писателям и мыслителям Западной Европы — Байрону и Шекспиру, Вольтеру и Руссо, всем, кого ненавидели враги прогресса в Европе и уважали лучшие деятели русской культуры.

Ничего общего с подражательностью не имело и замечательное умение Пушкина, великого русского национального поэта, воплощать в своем творчестве темы и образы других, в том числе и древних культур. Примером этого являются античные образы и мотивы в творчестве Пушкина. Написанные им в 20-е гг. так называемые «антологические» стихотворения («Муза», «Дионея», «Нереида» и другие) проникнуты подлинным духом античности, отличаются пластичным изяществом формы, гармонией стиха, точностью образов. Этим стихотворениям Белинский дал впоследствии следующую оценку: «Простота и обаяние их красот выше всякого выражения: это музыка в стихах и скульптура в поэзии». В этих пьесах Белинского поразила «пластическая рельефность выражения, строгий классический рисунок мысли, полнота и оконченность целого, нежность и мягкость отделки»... «А между тем, — заключал Белинский, — он не знал по-гречески, и вообще многосторонний, глубокий художнический инстинкт заменял ему изучение древности».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Жизнь Пушкина в Одессе, куда он переехал в 1823 г., осложнилась конфликтом с его начальником Воронцовым, новороссийским генерал-губернатором. Конфликт был вызван пренебрежительным отношением Воронцова к Пушкину, тогда уже известному писателю. «Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое», — писал Пушкин Тургеневу. В донесении главе министерства иностранных дел (к этому министерству Пушкин был приписан) Нессельроде Воронцов заявлял: «Главный недостаток Пушкина — честолюбие... Он... имеет множество льстецов, хвалящих его произведения; это поддерживает в нем вредное заблуждение и кружит ему голову тем, что он замечательный писатель... Удаление его стсюда будет лучшая услуга для него!».

Доносы Воронцова оказали свое действие. К тому же полиция перехватила письмо Пушкина, где он писал о своем атеизме. В июле 1824 г. он был уволен со службы и отправлен в ссылку в село Михайловское под надзор гражданских и духовных властей.

Письма Пушкина из Михайловского полны жалоб на его судьбу изгнанника. По предложению Псковского губернатора отец Пушкина взял на себя надзор за сыном. Это привело к тяжелым столкновениям между Пушкиным и отцом, в результате которых

Пушкин решил обратиться к властям с просьбой о замене ему ссылки в Михайловском — заключением в крепости. Однако вскоре отец Пушкина уехал вместе с семьей, и Пушкин остался один, общаясь только с семьей соседки по Михайловскому П. А. Осиповой.

В письме к Н. Н. Раевскому Пушкин говорит об Арине Родионовне, как о своей единственной «подруге» в это время. Ее образ запечатлен в стихах Н. Языкова, посетившего Михайловское:

Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом;
Мы удивлялися почтенным их проказам.
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно.

(«К няне А. С. Пушкина», 1827).

Большую радость доставили Пушкину друзья, посетившие его в Михайловском, — Пущин (в январе 1825 г.) и Дельвиг (в апреле 1825 г.). В записках Пущина сохранилась яркая страничка воспоминаний о встрече его с опальным поэтом, о первой радости свиданья, о живых беседах на темы литературные и политические. Пущин рассказал поэту о его популярности, о том, что «читающая наша публика благодарит его за всякий литературный подарок, что стихи его приобрели народность во всей России...». Пущин привез поэту новую комедию, ходившую тогда в рукописных списках, — «Горе от ума». Она вызвала восторженный отзыв Пушкина.

В Михайловском Пушкин усиленно работает над пополнением своего образования. Он много читает, изучает историю, собирает и записывает народные сказки и песни. Здесь происходит тесное знакомство и сближение поэта с народом. Пушкин заходит на ярмарки, слушает народных певцов, сказки, рассказанные Ариной Родионовной. О своей жизни в Михайловском Пушкин писал брату: «вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого

своего воспитания». Народное творчество интересовало Пушкина не только как источник обогащения языка и явление высокой эстетической ценности, но и как живое отражение мировоззрения народа, его протеста против крепостной неволи и деспотизма. Так, Пушкин записал обличительную песню про Аракчеева и в духе народного творчества создал песни о «поэтическом лице русской истории» — Степане Разине.

В оживленной переписке с декабристами — Рылеевым и А. Бестужевым — Пушкин делился своими творческими замыслами, вел спор о путях развития русской литературы. Многообразные интересы Пушкина отразились в его поэзии, к этому времени достигшей исключительного художественного совершенства.

В Михайловском он создал стихотворения «Подражания Корану», «Андрей Шень», «Жених», «К А. П. Керн», «Вакхическая песня», «19 октября», «Сцена из Фауста» и др. Он продолжал также работать над своими большими произведениями — поэмой «Цыганы», романом в стихах «Евгений Онегин», написал трагедию «Борис Годунов», реалистическую поэму «Граф Нулин».

В поэме «Цыганы» (начата на юге в начале 1824 г., окончена в Михайловском в октябре того же года) с наибольшей полнотой отразился переходный характер пушкинского романтизма. И сама форма поэмы, и трактовка сюжета с точки зрения «правовверных» романтиков не были выдержанными до конца.

Содержание поэмы проникнуто отрицанием самых основ так называемой «светской жизни» и страстной защитой вольности. Главный герой Алеко изображен как «беглец» из высшего света, протестант, ненавидящий «неволю душных городов», где люди

Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да целей,

Спасительная для человека «естественная» близость к природе противопоставлена в поэме развращающему влиянию цивилизации.¹ Но верность жизненной правде заставляет Пушкина отклонить романтическое разрешение конфликта между личностью и общественной средой. Яркая и свежая по сравнению со светской жизнью, — «как песнь рабов однообразной», — «дикая воля» цыган. Однако Алеко, ненавидящий «неволю душных городов», сам сложился под влиянием этой «неволи», он носит на себе ее клеймо. Он «для себя лишь хочет воли», и для него, добровольно покинувшего свет, неизбежен новый конфликт, на этот раз с «детьми вольности». Ему, воспитавшемуся в иной среде, нельзя «опроститься», отказаться от эгоизма, от желания утвердить свое неписанное «право» хотя бы путем насильственного подавления воли других людей.

Этими «правами», сложившимися в обществе, основанном на угнетении человека человеком, психологически мотивировано совершенное Алеко убийство молодого цыгана и Земфиры. Без изменения глубочайших основ человеческого общежития не могут быть разрешены противоречия жестокой действительности — таков подсказываемый «Цыганами» вывод. И романтическая поэма, в которой с такой красочностью изображены картины вольной жизни людей, признающих лишь «естественные права», оканчивается трагическими строками:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

---

¹ Черновая рукопись «Цыган» содержит любопытный с этой точки зрения монолог Алеко, обращенный к сыну. В этом монологе, не вошедшем в окончательный текст поэмы, мы читаем:

Расти на воле без уроков,
Не знай стеснительных палат,
И не меняй простых пороков
На образованный разврат.
Под сенью мирного забвенья
Пускай цыгана бедный внук
Лишен и неги просвещенья
И пышной суеты наук,
За то беспечен, здрав и волен... (и т. д.).

По определению Г. В. Плеханова, поэма «Цыганы» объясняет психологию целой исторической эпохи. Алеко громит нынешние общественные порядки, но, попав в почти первобытную среду цыган, он в своих отношениях к любимой женщине продолжает руководствоваться взглядами, господствующими в покинутом им обществе. Он стремится восстановить то, что ему хотелось разрушить».

В «Цыганах» Пушкин впервые подошел к изображению характера во всей полноте жизненных противоречий. В образе Алеко воплощены различные переходы настроений, различные психологические состояния. Несмотря на всю ненависть Алеко к оставленному им миру, страсти играли «его послушную душой». Среди вольной цыганской жизни —

Его порой волшебной славы.
Манила дальняя звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда.

Алеко — гордому и озлобленному герою — противопоставлена мудрость старого цыгана, с присущим ему человеческим достоинством осуждающего эгоизм Алеко. Однако в эпизоде, где старый цыган прощает Алеко его убийство, допущена идеализация, вызванная романтическими представлениями о патриархальном общезитии.

Творческое развитие Пушкина находилось в тесной связи с развитием его мировоззрения.

В стихотворениях начала 20-х годов «Кто, волны, вас остановил», «Свободы сеятель пустынный», «Недвижный страж дремал» — Пушкин с горечью откликнулся на ослабление революционного движения, характерное для России и Европы этих лет. О том, что происходило в строго законспирированных, возникших после ликвидации в 1821 г. «Союза Благоденствия», тайных обществах (и «Северном» и «Южном»), Пушкин тогда едва ли знал. Зато очевидным для него был в эти годы массовый отход многих представителей антиправительственной оппозиции от полити-

«Цыганы».
Страница рукописи.

ческой деятельности, замирание расширившегося было в 1817—1821 гг. общественного движения. Связанные со всеми этими явлениями настроения нашли яркое отражение в неоконченном стихотворении «Недвижный страж дремал...»:

Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь север укрывал?

Давно ль — и где же вы, зиждители свободы?
Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу —
Вот Кесарь — где же Брут? О грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу.

В этих словах, вложенных в уста Александра I, отражено торжество победившей реакции. В стихотворении «Кто, волны, вас остановил» Пушкин выражает глубокую скорбь по поводу этой победы и вместе с тем — призыв к борьбе с темными силами самовластия:

Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разружьте гибельный оплот, —
Где ты, гроза, символ свободы,
Промчись поверх невольных вод!

Поражение революционных восстаний и на Западе, и в России (бунт семеновского полка в 1820 г.), поправление широких слоев либерального дворянства, усиление реакции, — все это выдвигало перед Пушкиным новые вопросы. Вследствие роста политического расслоения среди либерального дворянства неустойчивые элементы порвали с оппозицией самодержавию. Но и относительно небольшая группа авангарда декабристского движения порою испытывала сомнения в реальности переворота. Отмеченная Лениным слабость декабристов («страшно далеки они от народа») накладывала отпечаток на их идеологию во

всех ее разновидностях. Большая часть декабристов боялась народной массовой революционности, «новой пугачевщины». Вместе с тем люди из той же декабристской среды скорбели о том, что народ тогда еще был склонен к патриархальной вере в царя. В своем горьком признании того, что «народы тишины хотят и долго их ярмо не треснет», в скорбном сожалении о том, что наследство народов из рода в роды — «ярмо с гремушками да бич», Пушкин не был одиноким. Один из активнейших декабристов юга, друг Пушкина В. Ф. Раевский, арестованный в 1822 г. за революционную пропаганду среди солдат, определил «стон простонародный» как «ропот робкий под ярмом» (стих. «Певец в темнице», 1822). Все это обостряло сложность и противоречивость идеологии декабристов и близких к ним людей.

Трезво оценивая возможности революционного подъема народа в условиях российской действительности 20-х годов, Раевский мечтал о пробуждении народа. Мечтал об этом и Пушкин. Он не был, разумеется, сторонником крестьянской революции, но тем не менее уже в 1825 г. понял важность вопроса о роли народа как деятеля истории. Отвлеченное просветительское понимание законов общественного развития обнаруживало свою слабость в столкновении с фактами действительности.

В Михайловском, в уединении, весь поглощенный своими занятиями, Пушкин размышлял о закономерностях исторического развития России. Эти размышления отразились в трагедии «Борис Годунов», ставившей с необычайной для литературы этого времени остротой проблемы взаимоотношения царя и народа, роли народа в истории. «Борис Годунов», ознаменовавший окончательный переход Пушкина на позиции реализма, явился произведением подлинного революционного новаторства в литературе. Для воплощения огромного идейного содержания своего произведения, посвященного одной из самых бурных эпох истории России, Пушкин не случайно выбрал именно драматическую форму.

Театр как один из наиболее народных видов искусства давно интересовал Пушкина. К осознанию огромной общественно-воспитательной роли театра он был подготовлен еще впечатлениями детства и юности. Будучи ребенком, он сочинял маленькие комедии, которые разыгрывал вместе с сестрой. Пятнадцатилетним юношей он в числе своих любимых писателей называет многих драматургов. В годы пребывания в Лицее Пушкин посещал крепостной театр графа Варфоломея Толстого.

Вскоре для Пушкина стали очевидными напыщенность, ходульность тех из русских трагедий, которые следовали правилам классицизма.

В Кишиневе в 1822 г. под влиянием В. Ф. Раевского, горячего сторонника разработки сюжетов русской истории, Пушкин начал писать трагедию «Вадим», насыщенную прямыми политическими намеками на современность. На вопрос Вадима:

Скажи, Рогдай — жива-ль славянская свобода?

— Следовал уверенный в торжестве свободы
ответ:

Вадим, надежда есть, народ нетерпеливый,
Старинной вольности питомец горделивый,
Досадуя, влачит позорный свой ярем. . .

Вследствие разгрома кишиневского гнезда «Союза Благоденствия» и ареста Владимира Раевского Пушкин не осуществил свой замысел. В условиях усилившейся реакции печатание подобной трагедии было невозможно. Кроме того, для Пушкина был неприемлем метод «препарирования» исторических фактов лишь как своеобразной оболочки для пропаганды вполне современных политических идей. Такой метод Пушкин считал свойственным драматургии Вольтера и его за это осуждал. Не удовлетворял Пушкина, повидимому, также «александрийский стих»¹, которым обычно пи-

¹ Шестистопный ямбический стих с паузой после третьей стопы.

са́лись трагедии. Его письма и за́метки первой по́ловины 1825 года свидетельствуют о поисках иных, новых путей. Требования исторической верности изображения, сложного развития характеров, сочетания высокой идейной насыщенности с занимательностью действия — все это отныне определяет эстетику Пушкина.

Для характеристики его литературных взглядов в эти годы очень важно сравнить высказывания Пушкина как литературного критика о творческом методе двух совершенно различных драматургов — Байрона и Шекспира. В начале 20-х годов Пушкин ценил Байрона — и, однако, о драматургии его он никогда не отзывался положительно. «В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уже не тот пламенный демон, который создал Гяура и Чайльд-Гарольда», — писал Пушкин в 1824 г. Три года спустя в заметке «О Байроне и его подражателях» он вновь отмечает, что трагедии Байрона «вообще ниже его гения и драматическая часть в его поэмах (кроме разве одной „Паризины“) не имеет никакого достоинства». В творчестве Байрона Пушкин резко осуждал «односторонний взгляд на мир и природу человечества». В 1825 г. в письме к Н. Н. Раевскому Пушкин сопоставляет Байрона-драматурга с Шекспиром и делает следующие выводы: «Как Байрон-трагик мелок по сравнению с ним! . . . Вспомните „Озлобленного“ Байрона. . . Это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, естественно ли это. . . Отсюда и эта неловкость, и эта робость диалога. . .». В позднейшем замечании о различиях между героями Шекспира и Мольера Пушкин дает свою оценку реалистического метода Шекспира как писателя, изображавшего сложность и противоречивость характеров: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков. . . У Мольера Скупой скуп и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолобив, остроумен».

Эти оценки Пушкина ярко раскрывают независимый, новаторский характер его взглядов на литературу. Стремясь создать русскую трагедию на национально-самобытной основе, он решительно рвал со всеми существовавшими тогда, но уже устаревшими представлениями. Великий русский поэт выдвигал как главную задачу литературного развития — верность действительности, отражение особенностей русской истории и характера русского народа.

13 июля 1825 г. Пушкин написал П. А. Вяземскому: «Я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию». Речь шла о «Борисе Годунове». Под «романтизмом» Пушкин подразумевал в сущности реализм.

Он начал с изучения исторического материала, используя для этого, главным образом, вышедшие в свет в 1824 г. X и XI тома «Истории государства Российского» Карамзина. Вместе с тем, Пушкин много размышлял на теоретические темы. Обдумывая конструктивные принципы «Бориса Годунова», он решительно осудил условную «правдоподобность» классической трагедии, ограниченной «тремя единствами», времени, места и действия. В одной из его заметок этой поры застывшей поэтике классицизма противопоставлено «отсутствие всяких правил», т. е. правдивое, не ограниченное никакими внешне навязанными «правилами» изображение исторической действительности.

Центральной идеей произведения является проблема отношений между народом и царем. Ситуация, положенная в основу построения сюжета «Бориса Годунова», была в ряде моментов типичной для русской истории и явилась актуальной также и для современности. Типичным был, в частности, образ царя, взявшего престол преступным путем. Проблема «законности» царской власти, затронутая Пушкиным еще в лицейские годы,¹ оживленно обсуждалась в 20-е

---

¹ Ср. в «Бове» 1814 г.: «Царь Дадон... венца со скипетром не прямой достал дорогою, но убив царя законного».

годы среди декабристов и в около-декабристских кругах. Понятен поэтому повышенный интерес Пушкина к материалу X и XI тт. «Истории Государства Российского», которые он называл в письме к Жуковскому «животрепещущими, как вчерашняя газета».

Общая идейная направленность «Бориса Годунова» определила и характер использования материала «Истории Государства Российского». Пушкин заимствовал у Карамзина почти всю чисто фактическую основу для своей трагедии, но он решительно отверг консервативную историческую концепцию историографа. «Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий», — писал Пушкин. Но, вместе с тем, он дополнил рассказ Карамзина рядом вымышленных деталей и образов. Так, например, вымышленными являются образы сына Курбского и Афанасия Пушкина. Значительно расширена в трагедии, по сравнению с «Историей» Карамзина, роль Гаврилы Пушкина — предка А. С. Пушкина; его принадлежность к враждебному Годунову лагерю здесь особо выделена. В отдельных моментах Пушкин опирался, помимо «Истории» Карамзина, и на другие источники. В частности, он читал Никоновский список летописи. Именно под ее влиянием возник первоначальный вариант заглавия «Бориса Годунова»: «Летопись о многих мятежах...».

Совсем иначе, чем у Карамзина, разрешена Пушкиным проблема отношений между Борисом и народом. В «Истории Государства Российского» трагедия Бориса ограничена «наказанием свыше» за преступный захват престола. По Карамзину, в характере Бориса сплелись религиозность и преступные страсти. Пушкин же, по собственному признанию, смотрел на Бориса с политической точки зрения. Претворяя в работе над образом Бориса свои теоретические установки, Пушкин следовал принципу раскрытия характера в его противоречивости. Борис показан как правитель, умевший «и страхом, и любовью, и славою народ очаровать», но он наделен и чертами общечеловеческими, среди которых подчеркнуты отцовские

чувства («...но чувствую, мой сын, ты мне дороже душевного спасенья»). Важно, однако, что, изображая царя Бориса человеком разнообразных страстей, Пушкин не остается на позициях летописца, который добру и злу внимает равнодушно. В трагедии тонко выделена существенная черта характера Бориса Годунова — стремление к деспотической власти. Наиболее ярко эта черта проявляется в его предсмертном монологе. В этой речи раскрыта основная причина исторически сложившейся вражды между народом и царем.

Задача верховной власти — «удержать смятение и мятеж». Различные «благодения» и «щедроты» должны служить именно этой цели, а не прямой заботе об улучшении положения народа. Именно такой тактикой деспотического правления и продиктован совет Бориса сыну:

... Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял,
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...

В трагедии народ, который «всегда к смятению тайно склонен», противостоит царю как грозная враждебная сила.

Отдельные щедроты не могут заслонить от народа деспотизма правительства, выразившегося, в частности, в отмене «Юрьева дня», т. е. в запрещении крестьянам переходить в этот день от одного хозяина к другому. По словам Гаврилы Пушкина, достаточно Самозванцу

Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха...

Вся пушкинская трактовка отношения народа к царю противоположна официально-монархической

концепции Карамзина. Различие между Пушкиным и Карамзиным сказалось и в отдельных деталях. Карамзин, описывая эпизод венчания царя на Девичьем поле, подчеркивает искреннюю преданность народа царю и описывает воодушевление толпы: «Матери кинули на землю своих грудных младенцев и не слушали их крика». Пушкин воспроизводит этот эпизод в совершенно ином плане:

Один (тихо):

О чем там плачут?

Другой:

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Баба (с ребенком):

Ну, что ж, как надо плакать,
Так и затих. Вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

(бросает его об землю, ребенок пищит)

Ну, то-то же.

В эту же сцену, чтобы показать ироническое отношение народа к выборам царя, введен разговор двух людей из народа с имитацией слезной мольбы о воцарении Годунова.

Судьбу отечества решает народ — таков смысл слов предка Пушкина:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою подмогой,
А мнением; да! мнением народным.

Но, говоря о решающей роли народа, Пушкин с исторической верностью показывает и неорганизованность, стихийность народного протеста (в таком плане следует понимать, в частности, полную глубокого смысла ремарку «народ безмолвствует»). Вследствие этой неорганизованности Годунову народ был страшен прежде всего из-за возможности использова-

ния его организованной политической силой — боярством — в борьбе против царя.

В отличие от Шекспира, в трагедиях которого народ самостоятельного места не занимает, Пушкин изобразил народ как самостоятельную грозную силу.

«Борис Годунов» не дает ответа на вопрос о путях разрешения исторического конфликта между народом и царской властью. Родовитое боярство, враждебно настроенное к Борису, показано здесь как сила, чуждая народу. Резко осуждены в трагедии предательские планы Дмитрия Самозванца. Пушкин, в противовес Карамзину (в представлении которого Самозванец мистически осуществлял волю бога), рисует его как поверхностного, легкомысленного авантюриста, являвшегося лишь «предлогом раздоров и войны». Каждый из других образов трагедии представляет собой шедевр такого реалистического письма: своеобразными, жизненно непосредственными, по-своему неповторимыми являются образы Марины, Шуйского, летописца Пимена, Гаврилы Пушкина, Мисаила и Варлаама.

По замыслу Пушкина «Борис Годунов» должен был явиться образцом «трагедии без любви», т. е. трагедией, в которой любовная интрига не является тематическим стержнем. Впервые в истории русской литературы и драматургии была создана трагедия такого огромного исторического содержания. Новаторство «Бориса Годунова» сказалось и в самой форме трагедии — в отказе от пресловутых «трех единств» (единства места, времени и действия), от деления на акты, от традиционного александрийского стиха,¹ а также в совмещении сцен, написанных стихами и прозой, и, наконец, в том, что Пушкин ввел разговорную народную речь. С точки зрения сценической техники «Борис Годунов» намного опередил

---

¹ До «Бориса Годунова» пятистопным белым ямбом были написаны несколько произведений, в том числе «Орлеанская Дева» Жуковского, «Пир Иоанна Безземельного» Катенина, «Аргивяне» Кюхельбекера.

возможности театра 20—30-х годов, для которого система быстрой смены отдельных сцен (более 20) представляла огромные трудности. Для театра, привыкшего к «трем единствам», указания Пушкина в заголовках отдельных сцен трагедии должны были казаться странными: «Кремлевские палаты» (1598), «Красная площадь», «Девичье поле», снова «Кремлевские палаты», «Ночь, келья в Чудовом монастыре» (1603 г.) и т. д.; и все же Пушкин несомненно рассчитывал на постановку трагедии.

Жуковский, зная о работе Пушкина над «Борисом Годуновым», требовал от него произведения в «благонамеренном» духе, которое заслужило бы одобрение царя и помогло бы освободиться от ссылки. Однако советы Жуковского Пушкин решительно отверг и по этому поводу писал Вяземскому: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию, навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого — торчат.». Намек Пушкина ясен: в «Борисе Годунове» юродивый — единственный, кто говорит царю-убийце правду и утверждает: «нет, нет, нельзя молиться за царя-Ирода»...

«Борис Годунов» был закончен Пушкиным 7 ноября 1825 г., почти через год после окончания поэмы «Цыганы». Быстрота творческого развития Пушкина в течение столь короткого времени является беспримерной в истории мировой литературы. Сам Пушкин считал «Бориса Годунова» решающей вехой на своем пути. Несмотря на настойчивые предложения друзей опубликовать поэму «Цыганы» вскоре после окончания ее, Пушкин медлил с этим и опубликовал полный текст только через два с половиной года. Он считал «Цыган» пройденным для себя этапом и хотел прежде опубликовать «Бориса Годунова», но это удалось лишь в 1831 г., так как трагедия не получила одобрения Николая I.

Художественные принципы, выработанные Пушкиным в период создания «Бориса Годунова», во многом определили дальнейшую его работу над всеми

жанрами: лирикой, поэмами, прозой. Стремление к строгому историзму, к воспроизведению человеческих переживаний во всем их многообразии, к раскрытию жизненной сложности характеров определяет отныне всю творческую деятельность Пушкина.

Новый поворот Пушкина — от романтизма к реализму — стал известен публике по первой главе «Евгения Онегина», появившейся в 1825 г. Значение этого поворота современниками не было понято. Некоторые литераторы признали «Онегина» ниже его романтических поэм. Применяя к «Онегину» критерии романтического метода, они считали недостойным художника изображение «прозы жизни». В статье, помещенной в «Полярной Звезде», Бестужев хвалил лишь те места первой главы «Евгения Онегина», где «мечта уносит поэта из прозы описываемого общества». Между тем, реалистическое новаторство Пушкина имело громадное историческое значение. Достоянием искусства становился действительный мир русской жизни, раскрывались черты национальности русской, изображались современники с их мыслями и чувствами. Впервые повседневный быт поднимался поэтом до уровня подлинной поэзии.

Вскоре после окончания «Бориса Годунова» — в декабре 1825 г. — Пушкин написал стихотворную повесть «Граф Нулин» с шуточным сюжетом об обманутом муже и с намеренным обращением к описанию картин так называемой «низкой природы» и быта. «Граф Нулин» появился в печати в 1828 г. и вызвал резкие нападки «Вестника Европы» (статья Надеждина), осудившего повесть за «ничтожность предмета», избранного автором.

Между тем, поэма имела не только невинное задание — вышутить неудачную любовную попытку молодого проезжего повесы. Граф Нулин (ничтожество которого подчеркивается самой фамилией) — это злая карикатура на космополитическую аристократию, которой было чуждо все русское и милы только иноземные нравы. На вопрос о Нулине — «кто он таков?» — следует ответ:

Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать как чудный зверь
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов...

Характерен и его разговор с хозяйкой (которая, кстати говоря, воспитана «не в отеческом законе... а в благородном пансионе у эмигрантки Фальбала»):

Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,
Жалует о Париже страх.

Наталья Павловна, в тон своему гостю, хвастается тем, что в России писатели подражают французам Дарленкуру и Ламартину (третьестепенным французским литераторам). Это вызывает в свою очередь снисходительную реплику Нулина:

Нет! Право? Так у нас умы
Уж развиваться начинают?

В образах и разговорах персонажей поэмы должны были узнать себя не только аристократы и салонные «паркетные дамы», но и те литературные враги Пушкина, которым был ненавистен ярко выраженный критический и национально-самобытный характер его творчества.

В своей лирической поэзии Пушкин в эти годы продолжал разрабатывать одну из своих любимых тем — тему вольнолюбивого героя. Верность традициям, восходящим ко времени войны 1812 года и Лицея, была подтверждена Пушкиным в его стихотворении «19 Октября 1825 г.», где, вспоминая Лицей, он обращался к вольнолюбивым друзьям юности:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен,
Неколебим, свободен и беспечен,
Срослся он под сенью дружных муз,

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

О силе пушкинского оптимизма в особенности свидетельствует написанная одиноким поэтом в Михайловской ссылке «Вакхическая песня», с ее победно звучащим призывом:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

ГЛАВА ПЯТАЯ

После поражения декабрьского восстания Николай I жестоко расправился с его участниками. Главные деятели движения — Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский — были повешены, 120 человек сослано в Сибирь на каторгу.

Правительство Николая I, не получив данных о непосредственном участии Пушкина в тайном обществе, решило обезоружить его иным путем. Царь вернул Пушкина из ссылки. В сопровождении жандарма поэт был тайно привезен в Москву и доставлен во дворец. Содержание разговора, происходившего между царем и опальным поэтом, осталось неизвестным. По словам современника, Николай I спросил у Пушкина: «Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?» — «Стал бы в ряды мятежников», — отвечал поэт. Хитрый лицемер Николай I сумел, очевидно, произвести на поэта благоприятное впечатление. От Пушкина требовали политической «благонадежности». В виде особой «милости» царь обещал ему, что он сам будет цензором его произведений. Смысл этой коварной «милости», которая, как оказалось, еще больше затруднила Пушкину работу, раскрывается в донесении Бенкендорфа Николаю I от 12 июля 1827 г., где о поэте сказано: «...если удастся направить его перо и его речи, в этом будет прямая выгода».

Не зная, разумеется, о планах Николая I и Бенкендорфа, Пушкин готов был, по его собственному выражению, «услаиваться» с правительством. Он видел, что с устранением декабристов с политической арены исчезла та общественная сила, на которую он рассчитывал и которой помогал словом поэта. Тяжело переживал он неудачу восстания и глубоко скорбел о судьбе декабристов, среди которых было много его друзей и знакомых. «Повешенные повешены, — писал он, — но каторга ста двадцати друзей, братьев, товарищей ужасна». Понимая, что самодержавие победило, соглашаясь на «договор» с царем, Пушкин, однако, не отказался от своих убеждений. В письме Жуковскому он так сформулировал условия своего «договора»: «Может быть, его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости».

В годы жестокой реакции и расправы с передовыми силами Пушкин не видел иных путей, кроме воздействия словом писателя на общественное мнение. Вместе с тем, он попытался склонить Николая I на путь реформ. Подобного рода попытки русских писателей и общественных деятелей влиять на царей были известны в прошлом, особенно в первые годы александровского царствования, когда царю представлялись проекты различных политических реформ. Эти попытки отражали слабые стороны дворянской оппозиционности и никакого успеха, конечно, не имели. Теперь Пушкин, обманутый лицемерно обнадеживающим отношением царя, решил повлиять на него в таком же направлении. Ходившие в то время слухи о задуманных правительством реформах убеждали поэта в правильности занятых им позиций. О предстоящих преобразованиях Николай I говорил Пушкину во время свидания с ним.

Пройдя через мучительные колебания и решившись на своеобразный политический компромисс, Пушкин вначале верил в возможность сохранения

независимости своих взглядов. Впервые он выступил в новой роли запиской «О народном воспитании», написанной им в ноябре 1826 г. по предложению Николая I. В этой записке восстание декабристов представлялось как «несчастное происшествие» и делались предложения о реформах в области воспитания и образования. Несмотря на крайнюю осторожность, проявленную Пушкиным, записка была отвергнута Николаем I. Заключение, переданное Пушкину Бенкендорфом, гласило: «Принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному». Таким образом, общее направление пушкинской записки было истолковано как декабристское по своей сути.

Вторая попытка Пушкина воздействовать на царя нашла выражение в стихотворении «Стансы» («В надежде славы и добра...»), в котором великая преобразовательная деятельность Петра I ставилась в пример Николаю I.¹ На замысел стихотворения, как можно полагать, имели влияние распространившиеся известия об учреждении секретного комитета для проведения некоторых важных правительственных мероприятий в области политики и просвещения. О возможности перемен глухо говорилось и в Манифесте 1826 г. В конце «Стансов» указывалось, что новый царь, подобно Петру, должен быть «памятью незлобен» (намек на необходимость смягчения участи осужденных декабристов).

Семейным сходством будь же горд,
Во всем будь пращуру подобен:

---

¹ Вследствие лицемерного поведения Николая I, в идею о возможности появления в его лице «нового Петра Великого» вначале верили и некоторые декабристы. Например, А. Бестужев писал Николаю I из крепости: «Я уверен, что небо даровало в Вас другого Петра Великого...».

Как он неутомим и твёрд
И памятью, как он, незлобен.

Но «Стансы», не оправдав надежд поэта, в то же время вызвали среди различных кругов русского общества разговоры о «лести» Пушкина царю, об отходе поэта от своих идеалов. На эту тему распространилась клеветническая эпиграмма. Ответом на обвинения в лести явилось стихотворение «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...»), написанное Пушкиным также и с учетом ответа царя на записку «О народном воспитании». В последних строфах этого стихотворения упреки «друзей» опровергались указанием на обстоятельства, при которых поэта можно было бы назвать льстецом: это были бы призывы к «презрению народа», к подавлению просвещения и ограничению «милости». Написание «Стансов» мотивировалось тем, что

Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

Здесь подразумевались внешнеполитические успехи России в начале царствования Николая (аккерманская конвенция 1826 г. и успешная война с Персией), а также некоторые вселявшие «надежды» действия царя внутри страны (например, отставка Аракчеева, указ о составлении свода законов и т. д.). Попытка Пушкина «договориться» с Николаем I была ошибочной. Надежды на реформаторскую деятельность царя оказались тщетными, и иллюзии Пушкина, отразившиеся и в «Стансах» и в стихотворении «Друзьям», вскоре рассеялись.

Одним из свидетельств этого является стихотворение 1830 г. «Герой», написанное в связи с приездом Николая I в Москву во время холерной эпидемии. Поэт воспеваает Наполеона, посетившего во время египетского похода госпиталь больных чумой. «Друг» поэта прерывает его репликой о несоответствии мечтаний исторической правде. «Поэт», не опровергая сомнений «друга», защищает право на иллюзии,

ибо герой без сердца — тиран. Несмотря на то, что Пушкин осторожно ссылается в стихотворении на мемуары Бурьенна, опровергавшие эту легенду о Наполеоне,¹ замысел «Героя» для нас ясен. В образе «поэта» отразились мысли и настроения самого Пушкина, еще недавно приветствовавшего царя в несуществившейся «надежде славы и добра». В «Стансах» поэт мечтал о том, что Николай может быть схожим с «вечным работником» на троне — Петром I. А в дневнике 1834 г., который Пушкин писал как «историк строгий», бывшие иллюзии поэта опровергаются иронической формулировкой: «В нем много от прапорщика и немножко от Петра Великого».

Когда Пушкин вернулся из ссылки в Москву, все передовые общественные круги восторженно приветствовали опального поэта. Современник вспоминает о посещении Пушкиным Большого театра 12 сентября 1826 года:

«... Пушкин вошел в театр, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторяющий это имя: все взоры, все внимание обратилось на него. У разъезда толпились около него...».

Во время гулянья под Новинским, по словам очевидца, «толпы народа ходили за славным певцом Эльбруса и Бахчисарая, при восхищениях с разных сторон: укажите, укажите нам его!». Его считали преемником и продолжателем вольнолюбивых традиций. Политические стихи — «Вольность», «Деревня» и другие продолжали ходить по рукам.

Позиция Пушкина второй половины 20-х годов по отношению к царю была неправильно понята некоторыми из современников. Будучи связанным обязательством «не противоречить своими мнениями» «общепринятому порядку», Пушкин оставался, однако, одним из немногих людей России, сохранивших в годы свирепого последекабрьского террора верность идеалам политической свободы. Для нас очевидно, что его кратковременные иллюзии по отношению к царю объясняются условиями времени и теми сла-

¹ Впоследствии эти мемуары признаны поддельными.

быми сторонами дворянской революционности, которые обусловили также появление ошибочных писем некоторых деятелей тайных обществ Николаю I с призывом осуществить «политические перемены» в России.

Пытаясь повлиять на судьбы политического развития России в рамках легальности, Пушкин не переставал ощущать идейную связь с декабристами. В 1827 г. он создал одно из популярнейших произведений русской революционной поэзии — послание «В Сибирь» — и переслал его сосланным на каторгу декабристам через жену декабриста Н. М. Муравьева. Это послание явилось своего рода символической переключкой между ссыльными декабристами и лучшими людьми России, оставшимися верными передовым идеям 20-х годов. Пушкин выразил в этом стихотворении верность передового русского общества идеям свободы, уверенность в конечном торжестве дела декабристов:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...

Послание Пушкина вызвало ответное стихотворение поэта-декабриста А. И. Одоевского («Струн вещих пламенные звуки»). От имени своих друзей, заточенных в казематах и находившихся на каторге, он восклицал:

... цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Пророческое предсказание поэта-декабриста — «Из искры возгорится пламя» — стало лозунгом для последующих поколений русского революционного движения. Эти слова были взяты в качестве эпиграфа для ленинской «Искры».

Стихотворение Пушкина «В Сибирь» и ответное послание Одоевского распространились во многих

рукописных копиях. Но, кроме нелегальных, Пушкин умел находить скрытые легальные формы для того, чтобы выразить свое отношение к декабризму, формы иносказаний и намеков. В 1827 г. он написал стихотворение «Арион» («Нас много было на челне...»), где использовал предание о древнегреческом поэте и музыканте VII—VI вв. до н. э. Арионе. Согласно этому преданию, корабельщики хотели убить Ариона, плывшего из Италии в Грецию, чтобы овладеть его богатством. Арион выпросил у них позволения спеть перед смертью и затем бросился в море, но дельфин, очарованный его пением, вынес певца на берег. Используя этот сюжет, Пушкин аллегорически изобразил свое спасение во время разгрома декабристов.

«Арион», так же как и послание «В Сибирь», явился своеобразной декларацией верности поэта освободительным идеалам («Я гимны прежние пою...»). Мотивы близости поэта к декабристам, его кровной заинтересованности в их судьбе проходят и в ряде других стихотворений. В послании декабристу И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный...») Пушкин вспоминает приезд к нему Пущина в Михайловское в 1825 г. В написанном к лицейской годовщине стихотворении «19 октября 1827 г.» вспоминаются друзья, находившиеся на каторге — «в мрачных пропастях земли».

Тема декабризма проходит также в десятой главе «Евгения Онегина». Пушкин набросал здесь широкую картину деятельности тайных обществ, начиная от «вольных разговоров» и кончая решительными действиями вплоть до замыслов цареубийства. Рисуя атмосферу декабристских сходов, Пушкин упомянул и о себе:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

Одну Россию в мире видя,¹
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Десятую главу «Евгения Онегина» Пушкин сжег 19 октября 1830 г. Часть этой главы он записал особым шифром. Шифр был раскрыт в пушкиноведении в 1910 г.

В лирике Пушкина последекабрьского периода отчетливо отразилось тяжелое положение поэта, оставшегося в социальном одиночестве, вынужденного жить в атмосфере постоянной подозрительности, под контролем царя и шефа жандармов. Эти настроения проскальзывают в ряде стихотворений конца 20-х годов, окрашивают трагизмом даже такие интимные стихотворения, как, например, «Ек. Н. Ушаковой» с неожиданной концовкой:

Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

При всей, казалось бы, необоснованности этой концовки все же она не была случайна. Через два года в 1829 г. Пушкин почти дословно повторяет ее в четверостишии, посвященном А. П. Керн («Когда помилует нас бог...»). Тяжелое самочувствие Пушкина раскрывается в посланиях к друзьям. В одном из таких посланий, обращенном к Н. Языкову, тогда остро переживавшему события 1825 г., характерно признание о «неволе невских берегов», к которым «хоть нет охоты» остался «прикованным» поэт. Отчаяние Пушкина достигло высшей степени в 1828 г., в связи с привлечением его к секретному следствию по делу о поэме «Гавриилиада». «Ты зовешь меня в Пензу, — писал он Вяземскому

¹ Эта строка повторяет слова, которые Тургенев избрал в качестве одного из лозунгов для предполагавшегося в 1819 г. политического журнала: «Есть только одна Россия в мире». К обсуждению программы журнала был привлечен Пушкин.

в сентябре этого года, — а того и гляди, что поеду я далее, прямо, прямо на восток». Настроения Пушкина в это время нашли отражение в стихотворении «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»).

Выраженная в стихотворении «Предчувствие» тема двух путей человеческой жизни, — борьбы или смирения перед судьбой,¹ — может быть понята только в свете тех противоречий, с которыми Пушкин столкнулся после 14 декабря 1825 г., ставшего рубежом для всей передовой России. Эта тема органически воплощена в пушкинских стихотворениях последекабрьского периода и поднята им на высоту глубоких философских раздумий. Одним из наиболее трагических является стихотворение этого цикла «В степи мирской, печальной и безбрежной». Здесь симпатии поэта принадлежат не «быстрому и мятежному» ключу юности и не Кастальскому ключу поэзии, а холодному ключу забвения: «Он слаще всех жар сердца утолит». К этой теме примыкают стихотворение «Ангел» («В дверях эдема ангел нежный»), «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день»), «Дар напрасный, дар случайный», «Монастырь на Казбеке» и др.

Однако, как заметил еще Белинский, Пушкин видел выход из трудностей жизни не в заоблачных мечтаниях, а «в опирающейся на самое себя силе духа». Дикий, реакционный режим николаевской России все же не мог задушить мысль Пушкина, не мог побороть его воли к сопротивлению, его свободолюбия. Противоречия действительности Пушкин преодолевал благодаря историческому оптимизму, глубокому пониманию непрерывности исторического прогресса и, прежде всего, благодаря вере в могучие силы русского народа и в будущее родины. Именно поэтому в эти же годы он создает жизнеутверждающие произведения — «Каков я прежде был, таков и

---

¹ Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

ныне я», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», элегию «Безумных лет угасшее веселье», с ее характерным лирическим признанием: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». В этом же плане активного жизнеутверждения Пушкин разрабатывает даже и тему смерти: трагизм смерти преодолевается идеями непрерывности развития, преемственности поколений. Та же идея исторического развития выражена в стихотворении «К вельможе».

Исторический оптимизм Пушкина, его жизненная стойкость — типическая черта русского национального характера — особенно вырисовываются на фоне личной биографии поэта, полной тягчайших испытаний.

Уже во второй половине двадцатых годов он очутился во враждебном кольце, оказался в изоляции. После возвращения Пушкина из ссылки Николай I и Бенкендорф усилили наблюдение за ним и цензурный контроль над его произведениями. В 1826 г. Николай I запретил печатание «Бориса Годунова», издевательски предложив поэту переделать трагедию в «исторический роман на подобие Вальтер Скотта». В 1827—1828 гг. против Пушкина возбуждаются политические процессы о стихотворении «Андрей Шенье» и поэме «Гавриилиада», кончившиеся установлением над ним секретного политического надзора. Ему отказывают в поездке на Кавказ, в действующую армию (где служили рядовыми некоторые из декабристов, его близкие знакомые). В 1829 г. он, вопреки запрету, едет туда и сопровождает русскую армию в Арзрум.

Это путешествие рассеяло на время тяжелые впечатления столичной жизни, правительственного гнета. Пушкин встречается здесь с другом своей молодости Николаем Раевским, а также братом лицейского друга, декабристом Михаилом Пушциным, и другими ссыльными декабристами. В первый же день прибытия в лагерь он пытался принять непосредственное участие в сражении. По возвращении в Петербург он получает выговор от Бенкендорфа за само-

вольный отъезд: «По чьему позволению предприняли вы сие путешествие?» — спрашивал шеф жандармов в письме к поэту, лишенному права предпринять что-либо без особого на то «соизволения».

В 1830 г. он безрезультатно просит разрешения на поездку во Францию или Италию, либо отпуска с посольством, отправлявшимся в Китай. Далее ему отказывают даже в поездке в Полтаву, где находился его друг Н. Раевский, удаленный из армии за связи с декабристами. Репутация политической «неблагонадежности» препятствует осуществлению всех планов Пушкина. Из-за этой репутации он получил согласие Гончаровых на брак с Натальей Николаевной только в апреле 1830 г., после второго предложения (первое было сделано в мае 1829 г.). При этом он был вынужден обратиться к Бенкендорфу с просьбой выяснить его «ложное и сомнительное положение», т. е. дать ему политическую характеристику. Эту характеристику он получил: Бенкендорф полагал, что женитьба «остепенит» поэта, никак не желавшего отказаться от своих «независимых позиций». В качестве милости ему было разрешено напечатать, наконец, «Бориса Годунова».

Политические преследования, которым подвергался Пушкин после возвращения из ссылки, дополнялись травлей со стороны реакционной критики, отвергавшей, а зачастую грубо бранившей его наиболее зрелые произведения — «Полтаву», «Евгения Онегина» и другие. В ответ на враждебные нападки светской и журнальной черни Пушкин написал в 1827—1830 гг. ряд стихотворений, в которых отстаивал независимость искусства от вкусов и требований «толпы» («Чернь»,¹ «Поэт», «Поэту» и др.). В «Ответе анониму» Пушкин с горечью признавался:

Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,

¹ Как выяснилось, Пушкин впоследствии озаглавил это стихотворение «Поэт и толпа».

И выстраданный стих, пронзительно унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагодарно кивает головой.

Позднее (и особенно в 50—60-х годах) консервативные литературные круги пытались тенденциозно использовать стихотворения «Чернь», «Поэту» и др. для обоснования реакционной, антинародной теории «искусство для искусства». Но ни эти стихотворения, ни творчество Пушкина в целом не дают для этого никаких оснований. Поэзию, далекую от жизни, от интересов народа, он всегда отвергал. Точно так же он не соглашался признать какую бы то ни было ценность за произведениями поэтов, видевших цель искусства в формальной изощренности. И если Пушкин в сонете «Поэту» восклицал:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум...

— то этими словами он выражал свое презрение к «светской черни», а вовсе не преданность равнодушному к действительности «искусству для искусства». Выступая против реакционной тенденциозности литераторов, требовавших от поэтов восхваления гнусной николаевской действительности, он отказывался служить «толпе», «черни», т. е. правящей верхушке и царским холопам. Именно в этом заключался для самого Пушкина смысл этих поэтических деклараций. Но, тем не менее, Белинский был совершенно прав, когда он, вскрывая субъективную сторону стихотворения «Чернь», в то же время осуждал способ самозащиты Пушкина от притязаний светской черни. Белинский писал: «Он [Пушкин] презирает чернь и на ее приглашение — исправлять ее звуками лиры, отвечает словами, полными благородной гордости и энергического негодования... Но если до истины можно доходить не тем, чтобы соглашаться с глупцами, то и не тем, чтобы противоречить им, а тем, чтоб, забывая о их существовании смотреть на

предмет глазами разума... каждый умный человек вправе требовать, чтоб поэзия поэта или давала ему ответы на вопросы времени, или, по крайней мере, исполнена была скорбью этих тяжелых неразрешимых вопросов». Слова из стихотворения «Чернь» о том, что поэты рождены «не для житейского волнения», опровергаются деятельностью самого Пушкина. Насколько чуждыми были Пушкину идеи «чистого искусства», свидетельствует, прежде всего, его творчество того же периода, к которому относится цикл произведений на тему о «поэте» и «толпе». Достаточно вспомнить взгляды Пушкина на роль поэта, как гражданина-обличителя:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не беззащитным рифмачам
Готовлю язву эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты!
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята, — подлецы —
Вперед! всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда,
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господя!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

Ко второй половине 20-х и к 30-м годам относится расцвет пушкинского реализма во всех жанрах, — в поэмах («Полтава», «Домик в Коломне», «Медный всадник»), в драмах («маленькие трагедии», замысел «Сцен из рыцарских времен»), в прозе («Повести Белкина», «Капитанская дочка», «Пиковая дама» и др.). Лирика Пушкина также достигает в эти годы высочайшей степени художественного реализма. Значительно расширяется тематический круг его поэзии, укрепляются связи с фоль-

клором. В годы 1826—1836 Пушкиным были созданы такие шедевры, как например, «В Сибирь», «К вельможе», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Полководец», как великолепные по реалистической трактовке темы стихотворения «Румяный критик мой», «Утопленник», «Бесы», «Анчар», цикл «Песен западных славян», как исключительные по своей эмоциональной насыщенности лирические миниатюры — «Для берегов отчизны дальней», «Не пой, красавица, при мне», «Безумных лет угасшее веселье» и др.

Защищая идею независимости искусства от «толпы», отказываясь преподавать «уроки» светской черни, Пушкин в то же время не прекращал работы над сатирическими произведениями. К ним относится одно из лучших стихотворений Пушкина «Румяный критик мой» (1830), во многом предвосхитившее стиль и мотивы революционно-демократической лирики Некрасова. Из сатирических «волнолюбивых» (в прямом смысле этого слова) стихотворений Пушкина этого времени известна лишь эпиграмма 1829 г. «К бюсту завоевателя», задуманная как надпись к бюсту Александра I работы скульптора Торвальдсена. Ряд других эпиграмм и сатирических стихотворений направлен против литераторов, с которыми Пушкин вел борьбу: М. Каченовского («Литературное известие», «Журналами обиженный жестоко...», «Там где древний Кочерговский...»), Н. Надеждина («Сапожник», «Как сатирой безымянной...», «Мальчишка Фебу гимн поднес...», «Надеясь на мое презренье...», «В журнал совсем не европейский»), Булгарина («Моя родословная», «Не то беда, что ты поляк...»). Обилие эпиграмм против редактора «Вестника Европы» Каченовского и его сотрудника Надеждина объясняется тем, что этот журнал вел ожесточенную травлю Пушкина как вождя «литературного нигилизма», покушающегося «ниспровергнуть до основания священный оплот общественного порядка и благоустройства» и связанного со смутным временем «всеобщего треволнения»

(т. е. с декабрьским восстанием). Эпиграмма на Булгарина была написана Пушкиным одновременно со статьей «О записках Видока». Используя популярное в то время имя французского сыщика Видока, Пушкин обличал Булгарина («Фиглярина») как полицейского шпиона.

Из всего этого следует, что после крушения декабрьского восстания Пушкин не отказался от основных своих принципов. На новом историческом этапе, в новых условиях он продолжал развивать и отстаивать их в борьбе со своими врагами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вторая половина двадцатых годов была ознаменована для Пушкина крупным шагом в области дальнейшего развития русской литературы, — его обращением к художественной прозе.

В 1827 г. им был начат роман «Арап Петра Великого». Подобно тому, как созданию «Бориса Годунова» предшествовали отраженные в серии заметок размышления о «драматическом искусстве», — обращение к прозе также сопровождалось теоретическими набросками о состоянии и судьбах русской прозы. Создание прозы, отвечающей по своим литературным и идейным заданиям потребностям русского общества, Пушкин считал важнейшей политической задачей. «Просвещение века, — писал он в 1824 г., — требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии...». В сравнении с поэзией проза давала несравненно больше возможностей для выработки единого литературного языка, понятного различным слоям общества, языка точного, свободного от салонной условности, основанного на богатейших источниках народной речи. В наброске «О прозе» 1822 г. Пушкин указал, что «точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей, блестящие выражения ни к чему не служат...».

Демократизм, народность, изображение героев без приукрашивания и тенденциозного искажения, воспроизведение нравов и языка изображаемой эпохи — вот требования, которые Пушкин выдвигал перед прозаиками.

Первым опытом романа явился для Пушкина «Арап Петра Великого» (начат в 1827 г.). В шести написанных главах романа изображена ломка Петром старого общественного уклада. В сравнении с существовавшими в русской литературе попытками изображения Петра роман оказался совершенно новым явлением. Если в эпических поэмах о Петре, написанных в духе классицизма (так называемых «Петриадах»), Петр — высшее существо, ниспосланное богом, то в романе Пушкина он дан «домашним образом», великий в своих делах, но простой в повседневном быту. Изучение исторических работ о петровской эпохе Голикова и декабриста А. Корниловича позволило Пушкину сохранить в романе исторический колорит, воспроизвести быт и нравы этого времени (изображение ассамблеи, обеда у русского боярина и т. п.)

Принципиальное значение имеет в романе противопоставление двух образов — Ибрагима и Корсакова, выражающих собой разные типы отношения к русской культуре и русскому быту.

Ибрагим был послан Петром «в чужие края, для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному», и учился в парижском военном училище. Вопреки уговорам герцога Орлеанского и несмотря на любовь к графине Д., Ибрагим из чувства долга вернулся в Россию. «Россия представилась Ибрагиму огромной мастерской. . . Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка, и старался как можно менее сожалеть об увеселениях. . .».

Иначе вел себя Корсаков: в Париже он потерял всякое национальное достоинство. Приехав в Петербург, он презрительно называет его «варварским» и интересуется только модами да увеселениями. Эта,

по словам Гаврилы Ржевского, «заморская обезьяна» так пародирована Екимовной: «Дура Екимовна схватила крышку с одного блюда, взяла подмышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: „мусье... мамзель... ассамблея... пардон“. Общий и продолжительный хохот снова изъясил удовольствие гостей. — Ни дать, ни взять — Корсаков, — сказал старый князь Лыков... — А что греха таить? Не он первый, не он последний воротился из Неметчины на святую Русь скоморохом».

Так оценивал Пушкин, наряду с перестройкой России на новый лад, также и всю нелепость подражания иноземному, которое привозили из «заморских краев» Корсаковы, чуждые созидательному труду русских людей петровской эпохи.

Теме Петра посвящена и поэма «Полтава», написанная в течение первой половины октября 1828 г. и сразу же посланная в печать. Произведение это посвящено изображению той героической поры,

Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

Выбор темы был так мотивирован Пушкиным в предисловии к поэме: «Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага, утвердила русское владычество на юге, обеспечила новые завоевания на севере и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем». В творчестве Пушкина «Полтава» явилась новым типом поэмы, отличавшимся от его произведений романтического периода. «Полтава» представляет собой эпическую поэму с исключительной широтой истолкования образов, в ней нет ничего и от «героических» поэм в духе классицизма. Ее своеобразие становится особенно очевидным в сравнении с исторической поэмой романтического типа, например с «Войнаровским»

Рылеева, где трактовка образа Мазепы была подчинена не принципу исторической верности, а стремлению автора выразить только лишь собственные переживания и думы.

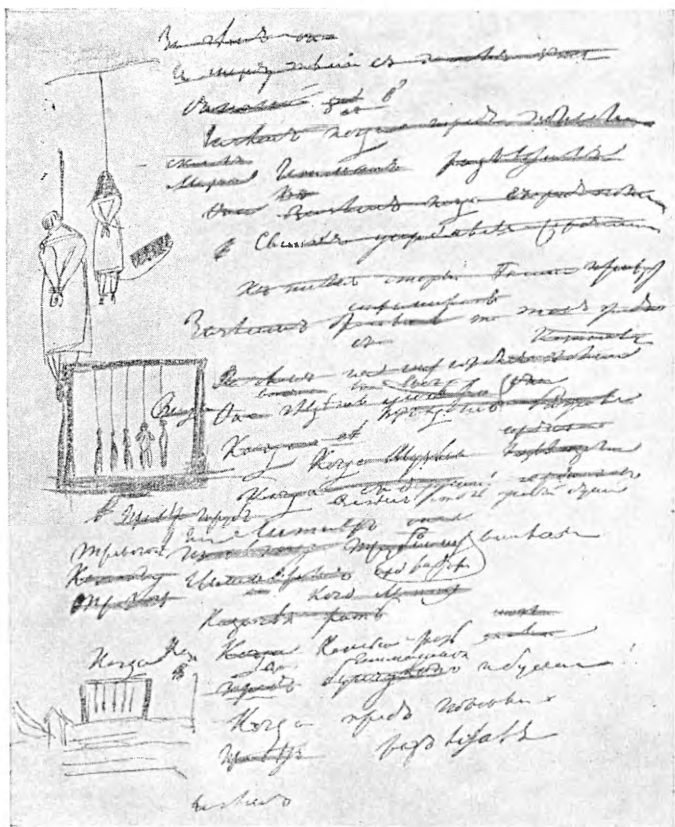
Не соглашаясь с рылеевской трактовкой Мазепы (но не упоминая, разумеется, имени Рылеева), Пушкин писал в предисловии к Полтаве: «Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого». Эту трактовку Пушкин отвергает так же, как и трактовку мелодраматическую, которая была дана в романтической повести Е. Аладьина «Кочубей». Пушкин ставил своей задачей «развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица».

В «Полтаве» вскрывается лживость Мазепы, оправдывающего свое предательство якобы защитой «вольности» Украины. И в самом факте измены Петру, и в отношениях с Кочубеем и Марией показаны двуличие и коварство гетмана. После выхода поэмы из печати (в 1829 г.) критика упрекала Пушкина в том, что в ней много противоречащего отрицательной трактовке Мазепы, и наивно ссылалась при этом на... слова Мазепы о самом себе. Но сила этого образа и заключается в том, что истинные черты его — «соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость», — показаны путем сложного психологического раскрытия характера. Колебания Мазепы весьма умеренны. «Сердца ропот сонный», — так охарактеризованы в поэме сомнения Мазепы после того, как он потребовал казни Кочубея, своего бывшего друга и отца обольщенной им Марии.

В образе Мазепы, названного в поэме «Иудой», Пушкин заклеил предательство с позиций высокого гуманизма и патриотизма.

Мазепе противопоставлен в поэме Петр. В эпиллоге поэмы эти два героя олицетворяют совершенно противоположные типы поведения, практически приводящие к противоположным результатам. Мазепа

Казненные декабристы.
 Рисунок Пушкина на рукописи «Полтава».

осужден историей и забыт с «давних пор», в то время как «герой Полтавы» воздвиг «огромный памятник себе». В эпилоге кратко выражена глубокая философская идея поэмы. Исторически ценными, заслуживающими благодарность потомства оказываются лишь действия, преследующие благо родины, способствующие историческому прогрессу, свободные от каких бы то ни было корыстных эгоистических побуждений. Этому замыслу соответствуют принципы развития образов Мазепы и Петра. Образ Мазепы складывается в поэме из всей суммы его личных переживаний, двигающих им мелких расчетов. Петр изображен как символ могущества России, ее военной славы, воплощение поступательного движения истории.

В поэме существуют как бы две стилистические линии. Там, где действие связано с образом Мазепы, язык приближается к обычной разговорной речи. Иначе написаны сцены, связанные с образом Петра, и в особенности батальные сцены: здесь разговорная речь сменяется речью торжественной, в иных местах доходящей до одического блеска, характерного для лучших образов русской героической поэзии XVIII в.

Современная Пушкину критика не поняла ни идейного, ни художественного значения «Полтавы». Лишь в «Московском Телеграфе» было отмечено, что национальные черты проявились в этой поэме с такой полнотой, какой не было ни в одной из других пушкинских поэм. Издевательской статьей встретил «Полтаву» Надеждин в «Вестнике Европы». Говоря в одной из своих заметок о неуспехе поэмы, Пушкин правильно увидел причину этого в том, что «Полтава» — сочинение совсем оригинальное т. е. не отвечающее ранее установившимся в литературе требованиям.

В течение всей второй половины 20-х годов Пушкин продолжал работу над своим романом в стихах «Евгений Онегин». Роман, начатый еще в кишиневской ссылке, был закончен в Болдине

осенью 1830 г. (получившей в пушкиноведении название «болдинской осени»).

Болдинская осень была ознаменована для Пушкина большой творческой продуктивностью: тогда были написаны «Повести Белкина», маленькие трагедии («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы»), «Домик в Коломне», неоконченная «История села Горюхина» и около 30 стихотворений. Но наибольшее удовлетворение принесло Пушкину завершение «Евгения Онегина». Этому событию своей жизни он посвятил стихотворение «Труд» («Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...»). Тогда же был составлен план полного издания романа и произведен следующий подсчет времени, в течение которого он был написан:

Кишинев	Болдино
1823 год 9 мая	1830 25 сентября
7 лет, 4 месяца, 17 дней.	

На самом деле работа над романом продолжалась и после этого. В 1831 г. Пушкин отказался от включения в текст романа восьмой главы (путешествие Онегина) и превратил следующую девятую главу — в восьмую, значительно ее переработав. 5 октября 1831 г., когда было написано письмо Онегина к Татьяне, является последней из известных нам дат истории создания «Евгения Онегина».

В первые годы работы над романом Пушкин «еще неясно различал», к какому концу должна привести логика тематических и сюжетных линий, преследуя лишь цель правдивого рассказа. На протяжении восьми лет замысел претерпевал различного рода изменения. Эти изменения касались как сюжета (например, по одному из вариантов Онегин влюблялся в Татьяну), так и общего направления романа. В письмах к друзьям он признавался, что «захлебывается желчью», и высказывал предположение, что цензура романа не пропустит. Однако

в дальнейшем он предпочел более спокойный, эпический тон повествования, сочетаемый с целым рядом лирических отступлений и тонко замаскированных реплик полемического характера. Принятому Пушкиным тону непринужденного рассказа соответствовала изобретенная им особая строфа в 14 стихов,¹ дающая большой простор для всякого рода лирических отступлений и побочных движений сюжета.

Отвечая А. Бестужеву, ожидавшему найти в первой песне «Евгения Онегина» публицистически обнаженную сатиру, Пушкин писал: «Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира? о ней и помину нет в Евгении Онегине. У меня бы затрещала набережная (т. е. набережная Зимнего дворца, — Б. М.), если б коснулся я сатиры». Оставаясь в пределах цензурности, «Евгений Онегин», тем не менее, являлся идеологически острым произведением, глубоко раскрывающим противоречия русской действительности. В процессе работы над романом у Пушкина часто прорывалось стремление дать волю перу: черновики рукописей отражают тщательную обработку ряда мест, цензурно неприемлемых. Однако не следует делать вывода, что все пропущенные в тексте романа строфы отброшены только из цензурных соображений. Некоторые строфы опущены потому, что не удовлетворяли Пушкина в художественном отношении, другие замены многоточиями, чтобы дать простор читательскому воображению.

Первое полное издание «Евгения Онегина» вышло в 1833 г. До него читатели знакомились с небольшими отрывками романа, печатавшимися в альманахе «Северные цветы», в журнале «Московский Вестник», в «Литературной газете», а также

---

¹ В одной из тетрадей Пушкин записал метрическую формулу этой строфы:

4 croisé, 4 desuite, 1. 2. 1 et deux

(т. е. четверостишие с перекрестными рифмами, четверостишие со смежными рифмами, четверостишие с опоясанными рифмами и двустышие).

с главами, выходившими отдельными книжками на протяжении 1825—1832 гг. Для передовых читательских кругов появление каждой из глав было событием огромного значения. Много лет спустя И. А. Гончаров вспоминал: «Я узнал его (Пушкина, — Б. М.) с „Онегина“, который выходил тогда... отдельными главами. Боже мой, какой свет, какая волшебная даль открылась вдруг — и какие струи правды и поэзии и вообще жизни, притом современной, понятной, хлынули из этого источника, и с каким блеском, в каких звуках!».

В своих знаменитых статьях о Пушкине, написанных в 1843—1846 гг., Белинский писал по поводу «Евгения Онегина»: «„Онегина“ можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением...». «Евгений Онегин» был «актом сознания для русского общества, почти первым, но зато каким великим шагом вперед для него!...». Превосходную оценку романа Пушкина дал М. Горький: «Евгений Онегин», «помимо неувыдаемой его красоты, имеет для нас цену исторического документа, более точно и правдиво рисующего эпоху, чем до сего дня воспроизводят десятки толстых книг». По широте охвата русской действительности первых десятилетий XIX в. «Евгений Онегин» представляет собой явление исключительное. На фоне столичной и провинциальной жизни в романе представлена целая галерея типических образов. Образами и отдельными деталями романа может воспользоваться для характеристики эпохи и историк, и экономист, и исследователь русского быта. Маркс высоко ценил «Евгения Онегина». Этот роман находился в числе книг, по которым он учился русскому языку. Маркс особо отмечал значение седьмой строфы первой главы романа, в которой Пушкин упоминал о том, что Онегин

... Читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть, умел судить о том,
Как государство богатеет

И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет;
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

В работе «К критике политической экономии» Маркс по поводу этой строфы пишет: «В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар — деньги. Но что деньги представляют собой товар, это русские поняли уже давно, что доказывается не только ввозом хлеба в Англию в 1838—1842 годах, но и всей историей их торговли». В «Евгении Онегине» проявилось «удивительное мастерство [Пушкина] двумя-тремя штрихами обрисовать особенности быта того времени» (Л. Толстой). Целым рядом таких штрихов Пушкин изображает специфические особенности феодально-крепостнической России. Черты эксплуатации крестьян даны в романе с предельным лаконизмом. Онегина, заменившего оброком «ярем барщины старинной», соседи сочли «опаснейшим чудаком». Для характеристики положения и быта крепостного крестьянства показателен также и рассказанный не без иронии эпизод сбора ягод девушками, которые «хором по наказу пели». Не менее типичны и упомянутое мимоходом битие служанок, и рассказ няни о своем замужестве, и бритые лбов матерью Татьяны, и сатирические строки о Гвоздине:

... хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков.

Если Пушкин и пожелал бы развивать подобные мотивы, то он не смог бы сделать этого по условиям цензурным. Так, например, он был вынужден изменить в беловом тексте сравнение унылости зимней поры в деревне с «крепостной нищетой» (гл. IV, строфа XLIII). Однако, необходимо учитывать, что подобные политические и бытовые черты эпохи не составляли для Пушкина в «Евгении Онегине» основного задания, а были нужны лишь как фон, на котором изображалась психология героев. В бытовых

зарисовках, подчиненных этой цели, Пушкин иногда несколькими деталями умел подчеркнуть весьма существенные моменты исторического развития России. Таковы, например, картинки Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода с его «меркантильным духом», пестрого одесского быта, такова и превосходная характеристика международной торговли России, мимоходом данная в описании кабинета «воспитанника мод» Онегина, где находилось

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам...

Народность «Евгения Онегина» заключается в критическом изображении жизни, в постановке перед читателем острейших проблем современности. Уже в «Цыганах» Пушкин показал зависимость психологии своего героя от окружающего общества, осудил индивидуализм Алеко, воспитанный «неволейдушных городов». В «Евгении Онегине» с глубоким реалистическим проникновением вскрыты типические черты героев в их социальной обусловленности типическими обстоятельствами. Показывая превосходство Онегина и Ленского над окружающей их средой, Пушкин изображает также их неполноценность, плод влияния той же среды. Судьба героев романа — гибель Ленского, душевная опустошенность Онегина, трагическое одиночество Татьяны, вынужденной примиряться с «постылой жизни мишурой», — является приговором светскому обществу, которое терпит лишь людей посредственных, исполненных самолюбивой ничтожности. С едким сарказмом изображена в романе жизнь русского среднего и высшего дворянства. Бесцветной и пошлой предстает перед читателем жизнь провинциальных помещиков: Пустяковых, Гвоздиных, Скотининых, героев фонвизинского «Недоросля».

Но с еще большей ненавистью изображен поэтом высший свет с необходимыми глупцами, клеветниками,

чопорными «бальными диктаторами». По рукописи VIII главы, где изображается петербургский высший свет, устанавливается, как Пушкин непрестанно сдерживал свое желание дать волю перу. В беловой рукописи было отмечено, что на рауте, где присутствовал «цвет столицы», находился и царь. В этой же рукописи цвет столицы характеризуется чертами еще более резкими, чем в окончательном тексте: здесь и князь М., вступивший в корыстный брак с «куклой чахлой и горбатой», и «правленья цензор», лишенный места за взятки, и «сенатор сонный», — картежник, «для власти нужный человек», — и Проласов, известный «низостью души».

На протяжении всего романа Пушкин показал, как эта общественная среда калечила лучшие, одаренные натуры, порывавшиеся освободиться из-под ее растлевающего влияния, как она превращала человеческое существование в унылый, не позволяющий никаких отклонений обряд. Легкая ирония лирических отступлений сменяется скорбной интонацией, когда поэт говорит о жизни, в которой «свежие мечтанья» истлевают, «как листья осенью гнилой». Обличительный пафос доходит до высшего напряжения в последних строфах шестой главы (напечатанных целиком в 1828 г. в отдельном издании, но значительно ослабленных Пушкиным при подготовке к печати полного издания в 1833 г.,¹) где говорится о светской жизни, грозящей душе окаменением

... В мертвящем упоеньи света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,
Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных, и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопов добровольных,
Среди всedневных модных сцен,
Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров

¹ Часть этих строк вынесена им в примечания к роману.

Жестокосердной суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов, дум и разговоров —
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья!

В этом омуте находились и герои романа — Онегин, Ленский, Татьяна. В образе Онегина Пушкин показал двойственность мироощущения типичного для этой эпохи дворянского интеллигента. Человек высокой интеллектуальной культуры, враждебно относившийся к пошлости и лжи окружающей его среды, Онегин в то же время носит в себе характерные черты этой среды. Индивидуализм Онегина и те элементы его психологии, которые обобщены в формуле Пушкина — «модный тиран», обусловлены теми же самыми общественными условиями, которым он, казалось бы, внутренне чужд. Белинский писал об Онегине: «... бездеятельность и пошлость жизни душат его; он даже не знает, чего ему надо, чего ему хочется; но он знает, и очень хорошо знает, что ему не надо, что ему не хочется того, чем так довольна, так счастлива самолюбивая посредственность. И за то-то эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его „безнравственным“, но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному».

Роковая власть светских обычаев и нравов заставила Онегина принять вызов своего приятеля, ибо для Онегина, несмотря на весь его скептицизм, решающим явилось все же мнение таких людей, как сплетник Зарецкий:

И вот общественное мнение!
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!¹

Онегин — как человек, самостоятельно мыслящий и критически относящийся к окружающей действи-

---

¹ Ироническое восклицание «И вот общественное мнение» является цитатой из «Горя от ума».

тельности, — казалось бы, не мог остаться в стороне от политических проблем, волновавших передовую дворянскую молодежь. Несмотря на цензурные зашифровки, мы можем догадываться о содержании споров между Онегиным и Ленским: это были споры о религии («предрассудки вековые»), о «естественных правах» («племен минувших договоры»), о политических преобразованиях, рассматривавшихся просветителями как результат прогресса культуры («плоды наук»). В одном месте (глава I, стр. XXXVII) имеется намек на былые политические интересы Онегина. Интересы эти не были глубокими, ибо рождались в той атмосфере самого поверхностного либерализма, которая была свойственна, например, большинству членов «Зеленой лампы». Пушкин не случайно в этой же строфе шутливо упоминает о неизменных спутниках пирушек фрондирующей молодежи — страсбургском пироге и шампанском, а также о том, что Онегин в свое время сыпал «острые слова». В рукописи об Онегине в этой же связи сказано:

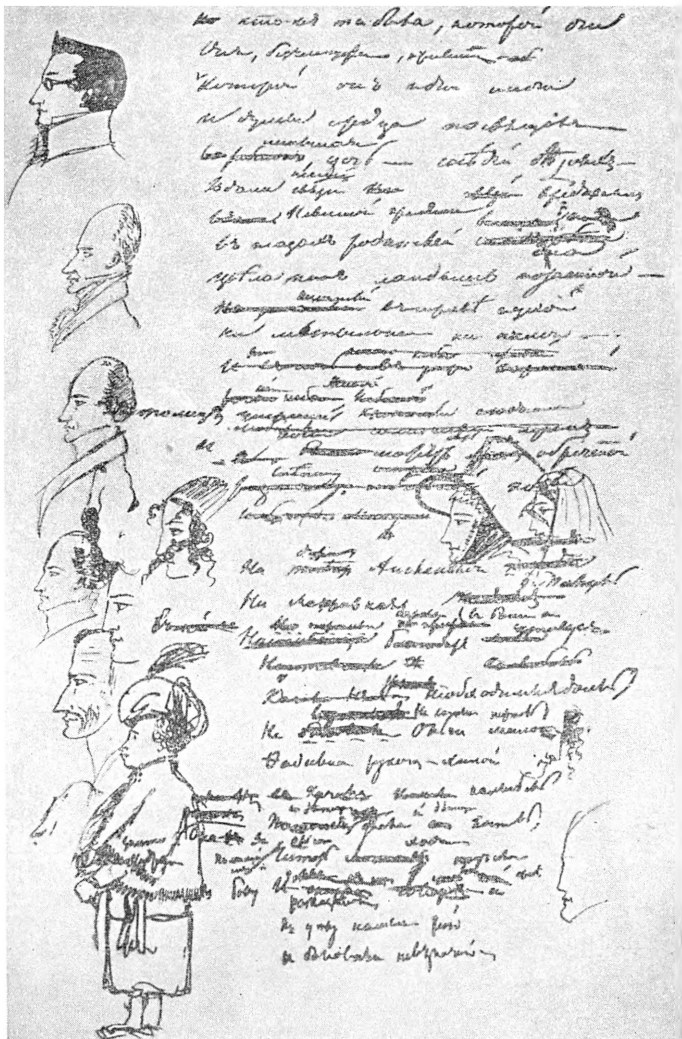
Людей он просто не любил
И управлять кормилом мнений
Нужды большой не находил,
Не посвящал друзей в шпионы,
Хоть думал, что добро, законы,
Любовь к отечеству, права —
Одни условные слова.
Он понимал необходимость
И миг покоя своего
Не отдал бы ни для кого.
Но уважал в других решимость,
Гонимой славы красоту,
Талант и сердца правоту.

Хотя Онегин и «уважал в других решимость», но борцом-гражданином он не стал. Причина его общественного скептицизма прежде всего в окружающей среде. Онегин, наученный опытом, знал, что даже самые высокие идеалы — любовь к отечеству и вольнолюбие — в этой среде часто оказываются попросту пустой фразой («Одни условные слова»);

не верил он и дружбе. Другая причина онегинского скептицизма — неверие в возможность существенных перемен в данных исторических условиях: «Он понимал необходимость...».

Итак, скептицизм Онегина имел общественные причины. Скептицизм этот носил узко индивидуалистический характер и принял форму той «хандры», того «равнодушия к жизни», которое Пушкин, по его признанию, думал показать еще в образе «Кавказского Пленника». Недаром о равнодушии говорится и в эпиграфе к «Евгению Онегину». Это «равнодушие», культивированное Онегиным в течение многих лет, привело к полному опустошению его внутреннего мира. Лишний человек в обществе, «чужой для всех», он начинает своим существованием тяготить и самого себя. Для него, гордого в своем «равнодушии», не было дела, он «ничем заняться не умел». В отсутствии какой-либо «цели» или «труда», делающего жизнь осмысленной, — причина внутренней опустошенности, тоски Онегина, с таким блеском раскрытой в его размышлениях о своей судьбе в отрывках из «Путешествия» («Зачем я пулей в грудь не ранен» и т. д.). Этими чертами Онегин связан с такими образами русской литературы, как Печорин, Рудин, Обломов. Чутьем гениального художника Пушкин уловил огромную социальную опасность «равнодушия», о котором с горечью писал в своем, ставшем впоследствии знаменитым, письме к Чаадаеву в 1836 г. Но это «равнодушие» коренилось и в исторических условиях. Невозможность в то время претворить в жизнь высокие общественные идеалы явилась причиной, порою порождавшей моральную слабость, неуверенность, скептицизм даже у представителей передовой молодежи.

Всесторонне раскрыто Пушкиным мироощущение другого типичного для этого времени героя — романтика Ленского. В образе Ленского привлекательна та свежесть романтической мечтательности, которую в ранней юности пережил и сам Пушкин. С мягкой иронией Пушкин показал, однако, что свойственное

«Евгений Онегин».
Страница рукописи.

Ленскому восприятие действительности вне конкретности и противоречивости, вера в «совершенство мира» были детски наивными. Как оказывается, «поклонник Канта и поэт» — «сердцем милый был невежда». При всей привлекательности Ленского, горячо преданного вольнолюбивым мечтам и трогательного в своей наивной восторженности, ложность его романтико-идеалистического взгляда на мир становится очевидной. В романе трезво намечены пути, по которым мог бы пойти Ленский. Первый путь — путь самоотвержения «для блага мира». В пропущенной и не дошедшей полностью до нас XXXVIII строфе шестой главы Пушкин уточняет свою мысль: Ленский мог быть повешен, как Рылеев. Но могло случиться и другое. Может быть, «поэта обыкновенный ждал удел», и, с годами утратив «пыл души», он

Расстался б с музами, женился,
... Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел...

Таким образом, ни скептически-холодное мироощущение Онегина, лишенное активного жизнеутверждающего начала, ни романтический идеализм Ленского — не могут указать выхода из мира лжи, лицемерия, пустоты, в котором находятся герои романа. Но широкое и правдивое изображение этого мира и судьбы попадающих в сферу его влияния людей с неумолимой логикой подсказывало единственно возможный вывод: «Человек рождается не на зло, а на добро, не на преступление, а на разумное законное наслаждение благами бытия, его стремления справедливы, инстинкты благородны. Зло скрывается не в человеке, но в обществе...» (Белинский). В этом заключается и гуманизм романа и народность его. «Евгений Онегин» будил сознание читателей благородством идей и глубоким художественным раскрытием противоречий действительности, направляя мысль к поискам путей освобождения от всякого рабства, — морального и политического.

Положительный идеал романа намечен в образе Татьяны, замечательной русской женщины. Живущая в той же среде, что и Онегин, и, однако, далекая от этой среды по всем своим мыслям и чувствам, Татьяна противопоставлена в романе не только Онегину, но и Ольге, — рядовой провинциальной девушке с ограниченным кругозором. Об Ольге во второй главе сказано:

... Любой роман
Возьмите, и найдете верно
Ее портрет: он очень мил;
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно...

В образе Татьяны Пушкин выделяет те черты, которые определяются словами «русская душою». Общение с крестьянскими девушками, любовное отношение к няне, которая для Татьяны ближе всех в семье, органическое восприятие русского фольклора, — все это подводит к пониманию чисто народных особенностей психологии Татьяны — ее простоты, непосредственности, враждебности к малейшим проявлениям фальши. Эти черты проявились с исключительной яркостью, когда Татьяна, выйдя замуж за князя, была вынуждена вести светскую жизнь. Одаренная «умом и волею живой», она и в светский салон вносила свойственную ей простоту:

Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глупого жеманства
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педантизма,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.

Развитие образа Татьяны становится ясным при сопоставлении двух эпизодов романа: письма к Онегину (гл. III) и монолога Татьяны (гл. VIII). В письме Татьяна признавалась, что для нее Онегин — идеал любимого человека, что только он может понять ее. На страстное и смятенное письмо Татьяны

Онегин ответил нравоучительной речью, он объяснил причины своего презрения к «розам Гименея», но остался равнодушным к ее внутреннему миру. Татьяна, еще до отъезда из деревни заподозрившая в Онегине «москвича в Гарольдовом плаще», дает в своем монологе объективную характеристику Онегина. Не отрицая в нем ни «гордости», ни «прямой чести», она отвергает его запоздалую любовь, возникшую не без влияния на Онегина положения Татьяны в обществе, превращения ее, — «смирненной девочки» из глуши степных селений, «в законодательницу зал». Татьяна же попрежнему осталась внутренне чуждой «постылой жизни мишуре». Она готова отдать великосветский блеск, «ветошь маскарада» за «полку книг, за дикий сад», за прежнюю простую жизнь. Татьяна продолжает любить Онегина, но в ее глазах он уже не тот человек, о котором она мечтала.

В противопоставлении Пушкиным Онегина и Татьяны как выразителей различных типов мироощущения таится глубокий смысл: с наибольшей полнотой он раскрывается при изучении истории создания романа. В нем показано, что отрицательные черты характера и духовного облика Онегина коренятся в его оторванности от национальной народной почвы и, в частности, в системе безидейного и поверхностного воспитания, которое герой получил в детстве. Об этом говорят, в частности, следующие строки первой главы:

... Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил,
И в Летний сад гулять водил.

Что же получил Онегин от этого воспитания?

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,

Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как dandy лондонский одет;
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал,
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно...

В рукописи имеется не вошедшее в окончательный текст резкое полемическое противопоставление воспитания Онегина «французом убогим» народному воспитанию Татьяны крепостной дворовой крестьянкой:

Ни дура английской породы,
Ни своенравная мамзель,
В России по уставу моды
Необходимые досель,
Не портили Татьяны милой.
Фадеевна рукою хилой
Ее качала колыбель —
Потом стлала [ее] постель,
Она за ней одна ходила,
Бову рассказывала ей...

В рукописи эта тема разворачивается в интереснейших деталях. В то время как Monsieur l'Abbé с Онегиным «о Париже говорил» — о Татьяне сказано:

Еще ребенком няня ей
...Москву описывает живо.

Дальше отмечен характер описаний: это были «хвалы Москве» — гордости России, великому памятнику народной славы 1812 года, городу, о котором в романе с таким проникновением сказано:

Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..

Таким образом, атмосфера, которую впитала в себя Татьяна еще в детстве, — это атмосфера русского быта, народной поэзии, рассказов о Москве, словом все то, что создало ее национальный харак-

тер, сделало ее на всю жизнь чужой свету: она из великолепия бальных зал

... мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселянам...

И отсюда же то горестное недоумение, с которым Татьяна еще до отъезда из деревни остановилась перед вопросом о сущности облика Онегина:

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..

Для нее, однако, несомненно, что Онегин обладает «сердцем и умом», она говорит и о его чертах благородства. Очевидна и для читателя романа высокая интеллектуальная культура героя, его превосходство над ничтожеством и пошлостью так называемого «высшего света». И один из главных выводов, который следует из этого произведения, — вывод о том, что отрыв от национальной, народной стихии, от родной культуры неминуемо грозит потерей жизненной цели и внутренней пустотой.

Характерно, что те линии развития образа Онегина, которые намечены в черновых отрывках из его «Путешествия» и фрагментах десятой главы, — связаны с его приближением к познанию России. Онегин едет: он, деливший свое время между кабинетом, театром и балами, увидит наконец

Святую Русь: ее поля
Селенья, грады и моря.

Он увидел «Новгород великий», некогда мятежные площади, перед ним возникают картины исторического прошлого —

... тени древних великанов,
... Законодатель Ярослав
С четою грозной Иоаннов,
И вокруг поникнувших царей
Кипит народ минувших дней.

В той же черновой рукописи упоминается, что Онегин видит «мятежный Волхов». Среди теней «прошлых поколений» отмечен образ вольнолюбивого Вадима. Далее Онегин мчится «по гордым волжским берегам»:

Струится Волга — бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унылым голосом поют —
Про тот разбойничий приют —
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну...

Из черновых рукописей трудно заключить, в какой степени тронули Онегина все эти впечатления. В качестве одного из мотивов, характеризующих мироощущение героя, и здесь звучит знакомый мотив: «Тоска, тоска...». Но среди причин, вызывающих эту тоску, появляется нечто новое, именно противоречие между впервые осязаемой с такой непосредственностью героиней исторического прошлого и пошлой прозой современности. Строфы о поездке Онегина в Новгород подверглись в рукописи следующей переработке:

Он видит Новгород-великий,
Смирились площади — среди них
Не бродят тени великанов...

В другом месте это противоречие между прошлым и настоящим подчеркнуто с еще большей резкостью. Онегин стремится в Нижний как в «отчизну Минина». Но что же находит он в городе, привлечшем его именем народного героя?

Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европеец;
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей;
Помещик — спелых дочерей,
А дочки — прошлогодни моды,
Всяк суетится, лжет за двух
И всюду меркантильный дух.

И следующее за тем восклицание «Тоска!» приобретает особую остроту, звучит как противопоставление воспоминаний о героических днях истории, в которые погружается Онегин, — «меркантильному духу» современности. Далее: все же именно в путешествии по России впервые был нарушен равнодушный скептицизм Онегина. Приехав на Кавказ, как отмечается в рукописи, ощутив близость войны, увидев величественные пейзажи гор,

Онегин тронут в первый раз.

Не менее характерно, что только в рукописи «Путешествия Онегина» возникают слова о том, что он

Быть чем-нибудь давно хотел,

слова дважды исправленные далее: «переродиться захотел», «преобразиться захотел». Отсюда, из этого желания переродиться, и его замысел поездки по России. Отсюда же и та возможная декабристская линия развития Онегина, которую Пушкин (как свидетельствует его современник М. Юзефович) думал развить в десятой главе.

Но все это дальнейшее развитие образа Онегина осталось в рукописных отрывках и набросках: для читателя «Евгений Онегин» — это роман без конца, дальнейшая судьба героя остается неизвестной. Но и эта незавершенность произведения не является случайной: как отметил Белинский, «... есть романы, в которых мысль в том и заключается, что в них нет конца, потому что в действительности бывают события без развязки, существования без цели, существа неопределенные...». Решение поставленной в «Евгении Онегине» проблемы не могло быть дано в рамках этого романа. Да и самому Пушкину пути преодоления противоречий, изображенных в романе, еще не были ясны. Декабристское движение потерпело поражение, а новые силы, которым предстояло перестроить всю систему общественных отношений, еще не созрели.

Несмотря на трагический исход судьбы героев «Евгения Онегина», самый тон романа является жизнеутверждающим. Лирические отступления проникнуты романтической взволнованностью, верой в возможность иного, лучшего будущего; голос самого автора, отчетливо звучащий в романе, придает этому произведению особую эмоциональную приподнятость.

Дошедшие до нас отрывки десятой главы «Евгения Онегина» говорят о том, что она содержала, повидимому, широкую панораму общественно-политической жизни России со времени войны 1812 г. и до восстания декабристов включительно. Однако, опасаясь полицейских преследований, Пушкин осенью 1830 г. сжег написанные им части главы (возможно, впрочем, что она была написана целиком). Сохранились лишь зашифрованные фрагменты, места которых в общей композиции главы не всегда ясны. Однако и эти отрывки свидетельствуют об остром политическом содержании уничтоженной главы. Яркая и острая характеристика «властителя слабого и лукавого» — Александра I, блестящая по своей лаконичности и точности картина развития политических событий в России и Европе (война 1812 года, революционное движение в Испании, Италии, Греции, европейская реакция и т. д.), — все это дает основание утверждать, что и по художественным достоинствам десятая глава была одной из лучших глав романа. В ней содержалась характеристика деятельности тайного общества декабристов в Петербурге (строфы XIII—XV) и на юге (строфа XII). Место XVII строфы («Сначала эти заговоры...») до сих пор определяется в изданиях сочинений Пушкина предположительно, вследствие чего вокруг расшифровки ее содержания продолжают споры. Повидимому, в ней Пушкин думал дать обобщающую характеристику декабристского движения от первых проявлений оппозиционности среди дворянской молодежи, не имевших серьезного политического содержания («Не входила глубоко в сердца мятежная

наука»), до создания тайных декабристских организаций.

Отказавшись от продолжения «Евгения Онегина», Пушкин в заключительных скорбных стихах романа вспомнил о своих друзьях-декабристах, которым он читал первые строфы романа:

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
... О, много, много рок отъял! ..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В «Евгении Онегине» отразилось развитие самого Пушкина. Его «резвая муза» стала строже.

Другие дни, другие сны...

Содержание его творчества непрерывно расширялось. Проблемы исторического прогресса, реалистическое изображение разнообразных социальных и психологических типов, размышления о судьбе народной сменили воспевавшиеся им в юности

Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...

Вслед за окончанием «Евгения Онегина», в ту же болдинскую осень 1830 г., Пушкиным была написана поэма «Домик в Коломне», имевшая значение творческой декларации. Нарочито упрощенный сюжет поэмы, изображение в ней тех самых «ничтожных предметов», за которые бранили Пушкина Надеждин и Булгарин, — все это являлось вызовом реакционной критике. Полемический замысел поэмы полностью обнаруживается в наброске ранней редакции, где Пушкин высмеивает предъявленные ему критикой упреки в «бесцелье» его стихов и требования воспеть в монархическом духе войны с турками и персами. Открыто вызывающий характер носили последние

строфы поэмы, представляющие собой как бы диалог между поэтом и критиком, ожидавшим от поэта «нравоученья».

— Как! разве все тут? шутите! — «Ей-богу».

— Так вот куда октавы нас вели!

К чему ж такую подняли тревогу,

Скликнули рать и с похвальбою шли?

Завидную ж вы избрали дорогу!

Ужель иных предметов не нашли?

Да нет ли хоть у вас нравоученья? —

«Нет... или есть: минуточку терпенья...»

Вот вам мораль: по мнению моему,

Кухарку даром нанимать опасно:

Кто ж родился мужчиною, тому

Рядиться в юбку странно и напрасно:

Когда-нибудь придется же ему

Брить бороду себе, что несогласно

С природой дамской... Больше ничего

Не выжмешь из рассказа моего...».

«Домик в Коломне» был написан в одно время с «Повестями Белкина», в которых Пушкин выступил родоначальником русской реалистической новеллы. По тончайшему мастерству построения, по насыщенной глубоким идейным содержанием лаконичности стиля, по ясности и простоте языка эти повести не имеют равных в русской литературе. По словам Л. Толстого, «их надо изучать и изучать каждому писателю».

В критической литературе неоднократно отмечалась «загадочность» «Повестей Белкина». Загадочной казалась и сама форма маскировки автора, и совмещение реалистических и романтических образов. При изучении идейных и композиционных особенностей «Повестей» необходимо принимать во внимание литературно-политические позиции Пушкина начала 30-х годов. В «Повестях Белкина», вопреки требованию реакционной критики воспеть «возвышенные предметы», т. е. прославлять самодержавие, сочувственно изображались так называемые «ничтожные герои». Сообщая Плетневу о написании «Повестей», Пушкин указал на необходимость печатать их ано-

нимно: «Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает». Демократизмом «Повестей» обусловлены и характер предисловия, и особенности образа рассказчика — Ивана Петровича Белкина.

Русская реалистическая проза только еще создавалась. На этом пути было необходимо разоблачить ложные идейно-эстетические принципы, свойственные как «манерной», «изысканной» прозе карамзинистов, так и многочисленным образцам подражательной романтической литературы. В борьбе за национально-самобытную художественную прозу, отражающую существенные черты русской жизни, предстояло показать всю пустоту и условность ситуаций, перенесенных из западноевропейской сентиментально-салонной беллетристики. Предстояло также вскрыть нереальный, книжный характер поведения тех литературных «героев», которые были воспитаны на французских и немецких романах. Отсюда внутренняя полемическая направленность «Повестей Белкина», отсюда же черты пародии и нарочито подчеркнутые прозаические объяснения поступков действующих лиц в «Метели» и «Барышне-крестьянке». И в этой, и в другой повести реалистически переосмысляются распространенные тогда в сентиментально-дворянской литературе романтические сюжеты: в «Метели» — сюжет «тайного брака», в «Барышне-крестьянке» — сюжет «трогательной» любви молодого барина и крестьянки.

На всем протяжении «Метели» высмеиваются романтические черты героини, возникшие вследствие воспитания, как отметил Пушкин, «на французских романах». В повести иронически воспроизведен ряд заезженных положений романтических повестей о «тайном браке». «Любовники... видались наедине в сосновой роще или у старой часовенки», «клялись друг другу в вечной любви»; мысль о тайном браке «весьма понравилась романтическому воображению Марьи Гавриловны». Решив венчаться тайно, она пишет родителям и «к одной чувствительной барышне» и запечатывает письма «печаткой, на

которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью...» и т. д. Романтическому воображению героини резко противопоставляется реальная проза окружающей действительности. Таков мастерски переданный разговор заблудившегося Владимира с мужиками, описание домашнего быта после возвращения Марьи Гавриловны («... Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафроке на вате. Подали самовар...») или обращенный к Марье Гавриловне вопрос матери: «Ты верно, Маша, вчера угорела».

Любопытны и намеренно резкие переходы повествования из романтического в реалистический план. Например, после описания побега Маши в метель из дому следует замечание: «Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику...». Ироническое «снижение» стиля заметно и в замечаниях сцены «романтического объяснения» Марьи Гавриловны, и в развязке, где обнаруживается, что причиной трагического положения героини была шалость молодого повесы, обвенчавшегося с неизвестной женщиной. Но и здесь герой и героиня не обходятся без книжно-романтических затей: когда Бурмин объясняется Маше в любви, он использует соответствующие выражения Сен-Пре из романа Руссо «Новая Элоиза».

На таких же основах реалистического переосмысления традиционного романтического сюжета основана и повесть «Барышня-крестьянка». Так же, как и Маша в «Метели», Лиза принадлежит к тем барышням, которые «знание света и жизни почерпывают из книжек» и мечтают о претворении в жизнь вычитанных из книг положений. Иронически дан здесь образ Алексея с его «роковым кольцом», «таинственной перепиской» и «мрачной разочарованностью». Нереальное, книжное происхождение сентиментальной идеи о любовном союзе крестьянки и «молодого барина» Пушкин подчеркивает посредством описания переживаний и Лизы («...самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной романической

надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца»), и Алексея («романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову»).

Зло высмеян в повести и отец Лизы — англоман Григорий Иванович Муромский: «Промотав в Москве большую часть имения своего, . . . уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. Развел он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка». Эта мадам — мисс Жаксон — занималась тем, что белилась и сурмила себе брови, два раза в год перечитывала Памелу, получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в этой «варварской России».

Пушкин объединил повести общим заголовком, но каждая из них своеобразна по своему построению и замыслу. В «Метели» и в «Барышне-крестьянке» реалистические принципы утверждаются путем разоблачения принципов салонной сентиментально-романтической литературы. «Выстрел», «Гробовщик» и «Станционный смотритель» являются как бы первыми манифестами критического реализма в художественной прозе. В «Выстреле» образ Сильвио, одержимого идеей мщения за оскорбленную честь, ярко выделяется на тусклом фоне бесцельной жизни армейских офицеров, прозябавших в каком-то местечке и не видевших ничего, «кроме своих мундиров». Именно Сильвио, который жил «бедно», «ходил вечно пешком, в изношенном сюртуке», является здесь подлинным носителем благородства. В «Выстреле» социальное противоречие между «верхами» и «низами» только лишь намечено. Оно выражено, с одной стороны, в конфликте между Сильвио и его соперником, молодым человеком «богатой и знатной фамилии», и с другой — в отношении рассказчика к этому же герою, случайно оказавшемуся его «богатым соседом» («отвыкнув от роскоши в бедном углу моем и уже давно не видав чужого богатства, я оробел и ждал

Рисунок Пушкина к повести «Гробовщик».

графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра» и т. д.).

С наибольшей же остротой социальные противоречия обнажены в «Гробовщике» и в «Станционном смотрителе». Эти произведения представляют огромный шаг в развитии русского реализма не только потому, что в них воплощены мысли и переживания «маленьких людей», изображение которых считалось тогда дурным тоном. Значение «Гробовщика» и «Станционного смотрителя» заключается в том, что и сами герои и новый, по сравнению с патриархальными порядками, жизненный уклад показаны здесь с позиций социальных «низов». В самом же начале «Гробовщика» отмечена зависимость характера Адриана от условий существования: «... Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутивными, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу». После тоста, провозглашенного ремесленниками за своих клиентов, обиженный Адриан размышляет: «... чем ремесло мое не честнее прочих. Разве гробовщик брат палачу?», — и эти размышления переводят полшутливый тон повествования в иной план, не лишенный трагического оттенка. Психология гробовщика настолько определена его ремеслом и заботами о барышах, что даже в приснившемся ему сне мертвецы ведут себя согласно чинам и состоянию («Все они, дамы и мужчины, окружили гробовщика с поклонами и приветствиями, кроме одного бедняка, недавно даром похороненного, который, совестясь и стыдясь своего рублища, не приближался и стоял смиренно в углу»).

Картины социального неравенства, узаконенного всем общественным строем, изображены в «Станционном смотрителе». С глубоким сочувствием нарисован здесь Симеон Вырин — «сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от

побоев, и то не всегда...». Здесь показано, как лучшие человеческие чувства — любовь и честь — размениваются на деньги. Очувтившись на улице после посещения Минского, станционный смотритель «увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг» — плату за увезенную дочь: «Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их на землю, притоптал каблуком и пошел...». Но в «железный век» и отцовская гордость может быть поколеблена золотом. Подобно тому, как в «Русалке» безумный мельник, бросивший в реку мешок с деньгами — плату за обольщенную князем дочь, — просил собрать их со дна, Симеон Вырин, «отошед несколько шагов... остановился, подумал... и воротился... Но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: „пошел!“...»

Изображенные в «Станционном смотрителе» явления носят характер типических обобщений. Недаром после описания станционных порядков следует полное едкой насмешки заключение: «...Что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: чин чина почитай, ввелось в употребление другое, например: ум ума почитай? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать?». Как типический рассматривается в повести случай увоза Минским дочери смотрителя: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе, да в бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою». Критическое восприятие николаевской действительности достигает наивысшей силы в конце повести, где образ печального кладбища, ничем не огражденного, не осененного ни единым деревцом, приобретает как бы символическое, обобщающее значение.

«Повестями Белкина» начат великий путь русской реалистической прозы. Гуманизму пушкинских «Повестей» близки многие черты гоголевского творчества и всей «натуральной школы».

Начало тридцатых годов было отмечено в творчестве Пушкина не только усиленным вниманием к работе над прозой. После «Бориса Годунова» Пушкин не оставлял мысли о дальнейшей работе над народной драмой, посвященной «судьбе человеческой, судьбе народной». На пути к задуманной Пушкиным серии монументальных драматических произведений, «маленькие трагедии», сами по себе представляющие огромную художественную ценность, были для него своеобразной подготовкой. Этот характер «маленьких трагедий» отражен и в вариантах пушкинских заголовков к ним: «Драматические изучения», «Опыты драматических изучений». В системе немногих сцен Пушкин стремился дать в каждой из этих пьес типичный образ героя, наделенного противоречивыми человеческими страстями. Психологическое «разнообразие» характеров соединено здесь с глубоким идейно-философским содержанием.

В «Скупом рыцаре» Пушкин как бы противопоставил свое изображение скупого — популярной тогда комедии Мольера «Скупой». В отличие от условного и схематичного мольеровского образа он дал совершенно иное, живое изображение «Скупого рыцаря». Глубокое раскрытие в «Скупом рыцаре» власти денег придает этой трагедии философский смысл. В образе барона сочетаются рыцарское самолюбие и торгашеская жадность, почти поэтическая страсть (первая часть монолога) и безграничная жестокость. Но основная тенденция выражена в словах барона о накопленном золоте:

Кажется не много,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!
. . . . .

Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных.

Темой «Моцарта и Сальери» является другая человеческая страсть — зависть. В основу сюжета положена легенда о том, что Сальери отравил Моцарта. В образе Моцарта дан «тип непосредственной гениальности, которая проявляет себя без усилия, без расчета на успех, нисколько не подозревая своего величия» (Белинский). Иной тип артиста представлен Сальери: он родился с любовью к искусству, — сознательно достиг славы, но превратился в ремесленника. Некоторые психологические черты сближают Сальери с образом Скупого: оба они поэтически обожествляют предмет своей страсти и оба совершают преступления для того, чтобы достигнуть своих эгоистических целей. Сальери осужден самой логикой развития сюжета. Кристально чистый, поэтически возвышенный образ гениального Моцарта является резкой противоположностью Сальери. Сама трактовка образа Моцарта подсказывает отрицательный ответ на поставленный здесь вопрос о совместимости гения и злодейства. Художественная глубина этого произведения усиливается тем, что образ Сальери наделен подлинно трагическими чертами (например, слезы Сальери после реквиема Моцарта). Тонкий психологический анализ сочетается в «Моцарте и Сальери» с картинами жизни музыкантов, из которых должна быть отмечена по высокой реалистической простоте сцена, изображающая слепого старика со скрипкой.

Третья из «Маленьких трагедий» — «Каменный Гость» — посвящена одному из наиболее популярных образов мировой литературы — Дон-Жуану. На фоне многих произведений о Дон-Жуане Пушкин выделяется своей оригинальностью. Пушкин соединил в этом образе черты и рассудительного обманщика-обольстителя, и поэта подлинной страсти, человека, готового не раздумывая жертвовать жизнью за свою любовь. Психологической глубиной отличается также образ Донны Анны, в котором воплощена целая гамма колебаний между моральным долгом по отношению к умершему мужу и любовью к виновнику его гибели — Дон-Жуану.

В «Каменном Госте», как и в других «маленьких трагедиях», мало конкретных деталей так называемого «местного колорита». Однако в трактовке образов чутко воспроизведены черты старинной Испании.

Четвертая «маленькая трагедия» — «Пир во время чумы» — является переводом сцены из «Чумного города» английского драматурга Вильсона.

Работая над переводом, Пушкин изменил общую тональность произведения Вильсона. Идея «упоения на краю бездны» в трактовке Пушкина решительно отличается от вильсоновской. У Вильсона Председатель стремится рассеять страх перед смертью вялыми рассуждениями. У Пушкина же в гимне Председателя поэтизируются мужественность, бесстрашие «на краю бездны», преодоление смертельного ужаса собственной волей. Кроме того, Пушкин тщательно очищал текст своего перевода от мотивов мистицизма и патологии, свойственных «Чумному городу».

«Маленькие трагедии» композиционно построены совершенно иначе, чем «Борис Годунов». В работе над «Борисом Годуновым» Пушкин не принимал во внимание реальных возможностей современной ему театральной техники и развертывал сюжет путем смены множества сцен. «Маленькие трагедии» он строил на системе диалогов в небольшом количестве сцен.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Летом 1831 года Пушкин поступил на государственную службу. Ему разрешили заняться архивными изысканиями и работать над историей Петра Великого. Он был зачислен в иностранную коллегию, при которой находился государственный архив. Обращение Пушкина к архивам связано с обострением его интереса к русской истории как ключу для постижения особенностей современного и будущего положения России.

Мировоззрение Пушкина в 30-е годы испытывает существенные изменения. Прежде всего, следует отметить углубление пушкинских взглядов на ход исторических событий, углубление элементов критического понимания слабых сторон просветительства (которое исходило из внеисторического, отвлеченного представления о том, что события совершаются только по «доброй» или «злой» воле отдельных личностей).

В творчестве Пушкина 30-х гг. — художественных произведениях, критике, публицистике, отражены размышления на темы о непрерывности и о ходе общественного развития. Он постепенно начинает осознавать, что в ходе истории сказываются многие объективные причины. Конечно, осознать движущие силы исторического процесса он в то время не мог: ответ на этот вопрос русская общественная мысль получила много позднее. Но, тем не менее,

характерно, что просветительская философия истории Пушкина в 30-е годы уже не вполне удовлетворяла.

К этому времени относятся и его размышления над сущностью политического строя (как говорил Пушкин, «новейшего просвещения») стран Запада. Изучение материалов по истории Западной Европы (он внимательно следил за иностранной прессой) укрепило в нем критическое отношение к Америке и Англии. Пушкин был убежден в том, что феодализм являлся отжившей и реакционной системой, но в то же время понимал, что политический строй государств Европы и Америки вовсе не олицетворял собой действительной свободы народа. В историко-публицистическом наброске «Что такое дворянство?» (1830-е годы) он отметил, что народ поработен как в монархическом, так и в республиканском государстве. Резкой критике подверг Пушкин американский демократизм (статья «Джон Теннер», 1836). Пушкин отметил, что внимательное изучение «нравов и постановлений американских» возбудило снова вопросы, «которые полагали давно уже решенными». Подавление всего благородного, бескорыстного, возвышающего человеческую душу — «неумолимым эгоизмом и страстию к доволъству», «рабство негров посреди образованности и свободы», «родословные гонения в народе», — все эти черты американского политического строя заставляли Пушкина признать, что действительной свободы и действительного равенства там не существует.

Пушкин понимал, что и в буржуазных государствах антагонизм между правительством и народом не исчезает: «В Англии правительство только тогда и показывается народу, когда приходит оно стучаться под окнами, собирая подати. Во Франции — когда выводит оно свои пушки против площадного мятежа». Не прошло мимо внимания Пушкина и положение пролетариата на Западе. «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной

сторонны, с другой, страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работавших под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смида или об иголках г-на Джексона. И заметьте, что все это есть не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию...» («Путешествие из Москвы в Петербург»).

Гибель Пушкина оборвала кристаллизацию его политических взглядов. Он не оставил определенного ответа на вопрос о путях прогресса России: этот ответ тогда не мог быть дан в силу исторических условий. Но на основании творчества Пушкина последних лет можно сделать вывод, что путь капиталистического развития не казался ему выходом из противоречий российской действительности. Пушкинский идеал свободы исключал как феодальную, так и буржуазную систему угнетения, социального неравенства, господства меньшинства над большинством.

Для Пушкина было очевидным, что историческому процессу враждебна неподвижность, свойственная феодально-крепостническому режиму, враждебно всякое стремление подавить общественную активность, затормозить политическую борьбу. «Устойчивость — первое условие народного счастья. Как согласовать ее с бесконечным совершенствованием?» — записал поэт, готовя материалы для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний». С точки зрения «бесконечного совершенствования», необходимости и целесообразности рассматривал Пушкин исторические факты. В оценках деятельности исторических личностей он выделял главные и существенные черты. Так, в «Материалах для Истории Петра Великого» Пушкин писал: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого

и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или, по крайней мере, для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика». Но прогрессивная деятельность Петра, направленная к укреплению русского государства, перекрывала для Пушкина черты «нетерпеливого самовластного помещика».

Пушкинская философия истории нашла вершинное воплощение в поэме «Медный Всадник» (1833). Проблематика «Медного Всадника» многообразна: созидательное и «тираническое» начала в деле Петра, взаимоотношения государственных и личных интересов, неизбежность жертв в процессе поступательного движения истории, — таково философское содержание поэмы. Эти проблемы разрешены Пушкиным в двух планах. Петр изображен как «мощный властелин судьбы», как колоссальный исторический деятель, волей и трудом которого выполнена государственная задача огромной важности — обеспечен выход России к морю. «Из тьмы лесов, из топи блат» вырос город «под морем» — «военная столица», мшистые, топкие берега стали «богатыми пристанями», к которым со всех концов земли стремятся «все флаги». Но в этой же поэме Петр — «кумир на бронзовом коне», «грозный царь», поднявший Россию на дыбы «уздой железной». Воспевая Петра как гигантскую историческую личность, Пушкин выразил в поэме сочувствие «безумцу бедному» Евгению, осмелившемуся грозить тому,

... чьей волей роковой

Под морем город основался,

кто не принимал в расчет судьбы маленьких людей. Государственным идеям Петра, отметившего в осуществлении своих созидательных деяний все эгоистические расчеты, противопоставлена ничтожность жизненных целей Евгения. Мечты Евгения так охарактеризованы в отрывке, не вошедшем в окончатель-

ный текст поэмы, но находящемся в черновой рукописи:

... Я устрою
Себе смиренный уголок
И в нем Парашу успокою.
Подруга... садик — шей горшок
Да сам большой... Чего мне боле?

Стихийное бедствие, разрушившее эти мечты Евгения, пробуждает в нем сомнения в законности существующего на земле порядка:

... иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

Протест Евгения доходит до столкновения с Петром: он грозит «строителю чудотворному» («Ужо тебе!»), но обращается в бегство и после этого больше никогда не осмеливается подымать на него «смущенных глаз».

Из содержания поэмы можно заключить, что в своем прославлении исторического дела Петра Пушкин следовал декабристской патриотической традиции. Этот патриотизм сказался и в полемической направленности «Медного Всадника» против сатирического цикла стихотворений А. Мицкевича «Петербург», приложенного к третьей части поэмы «Предки» (1832). Мицкевич утверждал, что Петр — жестокий деспот и что Петербург, возникший на трупах рабов, падет, как «проклятый Вавилон». В поэме Пушкина этому утверждению противопоставлен одически звучащий мотив:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.

«Медный Всадник» — поэма многопланная. Эта многопланность сказалась и в философской обобщенности образов, и в самой композиции. Положенный в основу сюжета конфликт развивается в образах Медного Всадника и покоренной, а затем взбунтовавшейся стихии. На протяжении всей поэмы разворачиваются образы активно действующей стихийной природы:

Осада! Приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна.

Но вот, насытись разрушением
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем.

И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь...
(и т. д.)

С редчайшим художественным совершенством выдержана в поэме гармоническая взаимосвязь формы и содержания. Тональность поэтической речи и самый ее состав меняются в зависимости от развития темы. Тема Петербурга и Петра дана в духе классической традиции, восходящей к одической поэзии XVIII в. с ее торжественным строем. С этой традицией связаны «вступление» (с типичной для одических произведений об укреплении русского государства схемой — «где прежде... ныне там») и все места, посвященные прославлению дела Петра, а также военной мощи и славы России. Другой тематической линии поэмы (судьба Евгения) соответствует обычная повествовательная речь и воспроизведение конкретных деталей быта бедного чиновника. Однако эти два плана даны в тесном единстве, в незаметных переходах одного в другой. Так, отрывок, посвященный Петербургу («Люблю тебя, Петра творенье...»), характеризуется постепенным нарастанием эмоционального напряжения и переходом лирического изображения белой ночи — в торжественный гимн в честь российской «твердыни», «военной столицы». И вслед за этим — новая смена интонации, на этот раз повествовательно-разговорной:

Была ужасная пора...
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

При всем тематическом многообразии «Медного Всадника» основная его тема — социально-политическая.

В 1833 г. рукопись была представлена Николаю I и возвратилась с его многочисленными пометами. Особо отметил он — как неприемлемую — сцену, где Евгений угрожает Памятнику. Пушкин не мог согласиться с замечаниями царя, и поэма увидела свет лишь после смерти поэта, да и то с вынужденными цензурными исправлениями Жуковского.

Новые черты, типичные для начальной стадии капиталистического развития России были чутко отражены Пушкиным в повести «Пиковая дама» (1834). Старая Россия представлена здесь образом графини, принадлежащей к высшей аристократии, приближенной ко двору. Герой повести — Герман — человек буржуазного склада мышления, он отравлен жаждой «стяжательства». «Деньги — вот чего алкала его душа». Деньги — путь к независимой и богатой жизни, единственная сила, которая может поставить безродного Германа в один ряд с представителями «верхов». Ради денег Герман готов на преступление.

В «Пиковой даме» отрицательными являются образы и графини, и Германа. Портрет графини — «уродливого и необходимого украшения бальной залы» — был типичным для аристократических салонов Петербурга. Недаром, по свидетельству Пушкина, после напечатания повести при дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Н. П. Голицыной. Но и Герман, одержимый страстью к деньгам, с холодным расчетом имитировавший любовь, тоже лишен привлекательности. «У него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля», — так характеризует Пушкин своего героя. Отрицательная трактовка образов графини и Германа является подтверждением того, что для Пушкина неприемлемыми были как приверженцы старой, феодально-аристократической России, так и герои грядущего капиталистического века.

Много отрывков, набросков и планов задуманных Пушкиным прозаических произведений осталось в его архиве. Среди них наиболее законченными являются главы повести «Египетские ночи», предположительно датированные 1835 г.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Интерес к прошлому, возросший у Пушкина в 30-е годы, отразился не только в его специальных исторических изучениях, но и в художественном творчестве. Этот интерес был вызван стремлением постигнуть характер русского народа, извлечь из прошлого «уроки» для будущего. «Одна только история народа может объяснить истинные требования оного», — писал поэт незадолго до смерти. Хотя Пушкин до конца жизни не освободился от сословных, дворянских предрассудков (в частности, защищал особое значение просвещенного родовитого дворянства), симпатии его были на стороне народа. Он видел, что без решения вопроса о народе не может быть осуществлено политическое переустройство государства. Он был убежден, что ликвидация крепостного права является исторической необходимостью: «Политическая свобода наша неразлучна с освобождением крестьян», этой мысли своих набросков 1822 г. Пушкин остался верен.

В неконченной «Истории села Горюхина» (1830) картины обездоленной и разоренной крепостной деревни по остроте обличения предвосхищают позднейшие зарисовки Некрасова и Щедрина. Летописи изображаемой здесь крепостной деревни, рисующие бесчеловечное хозяйничанье помещиков и крайнюю нищету крестьян, содержат такого рода записи: «4 мая. Снег. Тришка за грубость бит. 6. — Корова

бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8 — погода ясная. 9 — дождь и снег. Тришка бит за пьянство, по погоде».

Рост крестьянских волнений в начале 30-х годов (холерные бунты 1830 г., восстания в военных поселениях Новгородской губернии) способствует возникновению у Пушкина интереса к народным бунтам и восстаниям. Он изучает исторические источники, связанные с крестьянским движением, с пугачевщиной.

В августе 1833 г. Пушкин отправился в места, где действовал Пугачев. Там он услышал воспоминания очевидцев о восстании Пугачева. Пушкин посетил Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск; он записывает рассказы и песни о Пугачеве со слов казанских суконщиков, старой казачки Бунтовой из села Берды под Оренбургом. Народная точка зрения на Пугачева выяснялась из бесед со стариками — современниками интересовавших Пушкина событий. В заметках к «Истории Пугачева» Пушкин записал: «Уральские казаки (особливо старые люди) доньне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал. — Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? — Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он великий государь Петр Федорович».

В «Истории Пугачева» Пушкин с большим проникновением охарактеризовал сущность движения. В «общих замечаниях» к своему труду Пушкин писал: «Весь черный народ был за Пугачева. . . Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны». Характерна следующая запись в дневнике Пушкина: «В публике очень ругают моего Пугачева. . . Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении».

Тема крестьянского движения нашла отражение в «Дубровском» (1832—1833), в «Капитанской дочке» (1833—1836) и в «Истории Пугачева» (1833).

В содержании «Дубровского» (повести, оставшейся неоконченной) сюжетной основой является конфликт между представителями двух слоев русского дворянства — представителем «новой знати» Троекуровым и выходцем из старинного рода Владимиром Дубровским. Работая над повестью, Пушкин использовал подлинный юридический документ, запечатлевший «один из способов, коим на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право». В рассказе о тяжбе между Троекуровым и Дубровским сатирически изображено лицемерие и продажность «чернильного племени» — чиновников царской России, толковавших по своему усмотрению «вкривь и впрямь всевозможные указы» и послушно исполняющих волю Троекурова. Портрет Троекурова — самодура и крепостника — дан в повести на фоне умственно убогой среды поместного дворянства. Типичным представителем этой среды является Антон Спицын.

Пушкин показал, что в конфликте между Владимиром Дубровским и Троекуровым крестьяне сочувствовали Дубровскому, решившему отомстить Троекурову за совершенное беззаконие и оскорбление отца. С большой симпатией изображены в повести крестьяне (в особенности кузнец Архип и няня Дубровского). Но Владимир Дубровский, вступивший в союз с крестьянами по личным мотивам, не мог в силу своей классовой природы преодолеть ограниченный характер начатой борьбы. Убедившись в невозможности дальнейшего продолжения этой борьбы, он оставляет крестьян, хотя и понимает, что их ненависть к дворянству имеет более глубокие корни, чем его конфликт с Троекуровым.

Значительно более цельным произведением является «Капитанская дочка». Главным героем этого романа по первоначальному замыслу Пушкина

должен был быть дворянин, перешедший на сторону крестьянской революции. Образ этого героя был подсказан Пушкину историческими материалами. Таким образом, между «Дубровским» и замыслом «Капитанской дочери» существовала некоторая сюжетная близость. Однако в дальнейшем ходе работы над романом первоначальный план подвергался изменениям. Выдвижение дворянина в качестве участника пугачевского восстания было, прежде всего, неприемлемым с цензурной точки зрения. Вместо Шванвича (фамилия дворянина-пугачевца) в роман были введены два героя — Гринев и Швабрин.

В окончательном тексте Гринев изображен как дворянин, оставшийся до конца верным екатерининской монархии и лишь случайно попадающий к Пугачеву. В рукописи же существует вариант, по которому Гринев едет к Пугачеву с намерением просить заступничества за любимую девушку после того, как оренбургский губернатор отнесся к рассказу о ее судьбе с циническим равнодушием. В повести показана «благонадежность» поведения Гринева и его преданность «государыне», но при всем этом он изображен человеком по-своему честным и верным своему долгу. Честность заставляет его признать ум и достоинства вождя крестьянского восстания Пугачева. Швабрин же является в романе персонажем отрицательным. Его переход на сторону Пугачева вызван не идейными мотивами, а беспринципным предпочтением более сильной стороны. Моральный облик Швабрина характеризуют также его клеветнические измышления о Маше — невесте Гринева. Конец романа с точки зрения цензуры был вполне благополучным. Обвиненный в измене Гринев получает прощение Екатерины II.

Не будучи сторонником крестьянской революции, Пушкин, однако, безоговорочно осуждал систему рабства, чудовищную жестокость помещиков, методы кровавого усмирения восставших. Благодаря глубокому реалистическому постижению исторической действительности он воспроизвел в «Капитанской дочке»

существеннейшие черты екатерининской монархии, общественные отношения и психологию ее современников. Лучшими людьми дворянства оказываются Гринева и Миронова, ограниченные в своем кругозоре, но проявляющие в минуту опасности стойкость и мужество, в то время как царские чиновники действуют робко и медлительно. В сравнении с оренбургским губернатором, проявившим полное равнодушие к судьбе Гринева и Маши, образ Пугачева — вождя крестьянского восстания — ярко выделяется своими обаятельными чертами. И в то же время не без некоторого любования нарисован в повести образ слуги Гринева — Савельича. С рабской преданностью прислуживает он своему хозяину и с враждебностью относится к Пугачеву.

Во всем этом сказалась противоречивость мировоззрения Пушкина: он восхищается одаренностью и героическими чертами Пугачева, он сочувствует угнетенному крестьянству, протестующему против порабощения. И в то же время Пушкин называет крестьянское восстание — «бунтом бессмысленным и беспощадным». Все надежды он возлагает на распространение просвещения и гуманизма.

Изучая историю крестьянского движения, Пушкин вновь обращается к творчеству и личности великого русского революционера и мыслителя А. Н. Радищева, имя которого он с большим уважением упоминает в произведениях различных лет, и которого в рукописи «Памятника» называет своим предшественником («... вслед Радищеву восславил я свободу...»). В 1833—35 гг. Пушкин пишет произведение, задуманное как-бы в форме полемики с знаменитой книгой Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (в черновике первой главы Пушкин называет Радищева «Дорожный товарищ»). Герой пушкинского произведения — путешественник, совершающий свою поездку в направлении, обратном Радищеву, — из Москвы в Петербург (потому оно и печатается в собраниях сочинений Пушкина под условным названием «Путешествие из Москвы в Петербург»).

Этот путешественник, полемизируя с Радищевым, вместе с тем соответственно цитирует целые куски из запрещенной книги. Содержащиеся же в пушкинской рукописи, и, особенно, в черновиках, фразы о сравнительно благополучном положении крестьянства (в главе «Русская изба») написаны несомненно из цензурных соображений. Но из этих же цензурных соображений Пушкин был вынужден зачеркивать и фразы противоположного содержания, например: «Избави меня боже быть поборником и проповедником рабства». Все же и в беловом тексте он оставил следующее замечание о положении крестьянства: «Конечно, должны еще произойти великие перемены» . . .

Вопрос о сущности пушкинского «Путешествия» принадлежит к серьезнейшим и наименее изученным проблемам пушкиноведения и еще ждет своего исследования. Но уже те материалы, которыми пушкиноведение располагает, приводят к заключению, что Пушкин ставил своей целью не только воскресить в русском обществе память о Радищеве, но также и выдвинуть, в ходе полемики с ним, новые доказательства необходимости серьезных «перемен» в политическом и экономическом укладе России 30-х годов. «Путешествие из Москвы в Петербург» осталось неоконченным. В 1836 г. Пушкин вновь вернулся к Радищеву и написал статью «Александр Радищев», предназначавшуюся для «Современника». Свой рассказ о Радищеве Пушкин облек в сеть противоречивых утверждений. С одной стороны, он характеризует его «преступление» как «ничем не извиняемое», а с другой — высказывает восхищение рыцарской самоотверженностью «мелкого чиновника», который «безо всякой опоры дерзает вооружиться. . . противу самодержавия, противу Екатерины». Однако никакие оговорки и ухищрения не могли предотвратить запрещения этой статьи цензурой.

Наряду с интересом к темам народных мятежей и восстаний у Пушкина возрастал интерес также к народному творчеству. Во время путешествия он

записывал «простонародные» сказки и песни, которые затем использовал в своих произведениях (песни в «Капитанской дочке», фольклорные мотивы в «Русалке» и т. д.). В 30-е годы Пушкиным написаны его сказки. По словам Горького, Пушкин ввел народное творчество в литературу. В противовес официальной псевдонародности и «лицемерным тенденциям придворных поэтов, он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу». Пушкин не скрывал, не затушевывал, а, напротив, оттенил еще более резко «насмешливое отрицательное отношение народа к попам и царям» («Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о царе Салтане» и др.).

Уделяя в 30-е годы главное внимание художественной и исторической прозе, Пушкин продолжал все же писать и в малых лирических жанрах. В ряде стихотворений Пушкина этих лет проходит тема национальной гордости, прославления военного могущества и созидательных сил русского народа. Среди этих стихотворений — великолепные образцы русской патриотической поэзии: «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Перед гробницею святой», «Полководец». В других стихотворениях («Чем чаще празднует лицей...», «Из Пиндемонта», «Когда за городом задумчив я брожу...», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» и др.) отразились размышления поэта на темы о смысле жизни, о человеческих судьбах и историческом развитии. Однако большинство стихотворений Пушкина 30-х годов остались при жизни ненапечатанными, а частью и не были закончены. К 30-м годам относятся великолепные своим реализмом и живописным народным языком баллады «Гусар», «Будрыс и его сыновья», «Воевода» (последние две — из Мицкевича), а также превосходные переводы из греческих и римских поэтов («Подражание древним», «Из Анакреона», «Из Катулла» и др.). В 1833—1835 гг. Пушкин написал цикл «Песен западных славян». В предисловии он

указал, что источником большинства песен этого цикла послужил сборник П. Мериме «Гузла» (1827). Знакомство с сербскими песнями в оригинале и переводах, а также, глубокое знание русского фольклора позволило Пушкину воссоздать стиль сербской народной поэзии. Используя книгу Мериме, Пушкин отбросил искусственность и условный романтический колорит, свойственные стилизациям французского писателя под сербские народные песни. Для перевода Пушкин выбирал из сборника Мериме преимущественно песни, посвященные темам национально-освободительной борьбы. Мужественная суровость героев из народа, для которых «лучше пуля, чем голод и жажда» («Гайдук Хризич»), и героические подвиги борцов за «вольный край» («Бонапарт и черногорцы») — таковы мотивы этих песен.

В лирике Пушкина 30-х годов политическая тема преобладает. Темы любви, дружбы, природы теперь привлекают его внимание меньше, хотя и на эти темы им были созданы такие шедевры, как стихотворение «Нет, нет, не должен я...» или как чудесная своей художественной простотой и лиризмом «Осень». Трагический оттенок приобретает в пушкинской лирике 30-х годов тема смерти, преломившаяся в стихотворениях «Чем чаще празднует лицей», «Когда за городом задумчив я брожу», «Пора, мой друг, пора...» и др. Но скорбные размышления и тяжелые предчувствия поэта преодолеваются в его сознании идеями победы человеческого разума над природой, непрерывности и закономерности исторического развития («Вновь я посетил...», «Я памятник себе воздвиг...»).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Литературная деятельность Пушкина сопровождалась постоянной борьбой с реакционными течениями русской литературы. В 30-е годы борьба эта обостряется.

Поле журнальной деятельности в этот период завладели Булгарин и его клика, издававшие единственную частную политическую газету «Северная Пчела». Булгарин, темная личность, сражавшийся на стороне французов в 1812 году и потом переметнувшийся на сторону русских, после поражения восстания декабристов завязал тесные отношения с тайной полицией. Шефа жандармов Бенкендорфа он снабжал политическими доносами и пользовался его безграничным покровительством.

Борьба с булгаринской кликой, отстаивание передовых взглядов находят отражение на страницах «Литературной газеты», издававшейся друзьями Пушкина в 1830—1831 гг. при горячей поддержке самого поэта.

После запрещения газеты в связи с напечатанием стихов, посвященных Июльской революции 1830 года, Пушкин неоднократно пытается добиться разрешения на издание своего журнала. Однако разрешение это он получает лишь в конце 1835 г. В апреле 1836 г. издается первый номер «Современника», сборника, выходившего четыре раза в год; права печатать политические известия Пушкин не

получил. Это должно было отразиться на количестве подписчиков, а следовательно — и на степени влияния журнала. Активное участие принимает в нем молодой Гоголь, тесно сблизившийся с пушкинским кругом в этот период. Издавать журнал приходилось Пушкину в условиях жесточайшего цензурного гнета: статья за статьей подвергались запрещениям или безжалостным искажениям. Но все же Пушкин не бросал журнальной работы, стремясь сплотить вокруг журнала передовые силы русской литературы.

Для взглядов Пушкина 30-х годов характерно его отношение к вхождению в литературу нового поколения — разночинцев. В то время как «литературные аристократы» резко выступали против вторжения классово враждебных им людей в литературу, Пушкин придерживался совершенно иной точки зрения. К попыткам Пушкина отделить свою позицию по отношению к писателям-разночинцам от позиций «литературных аристократов» примыкает и следующее интереснейшее место из черновиков его «Путешествия из Москвы в Петербург»:

«Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия. Писатели-дворяне... постепенно начинают от них удаляться под предлогом какого-то неприличия. Странно, что в то время, когда во всей Европе готический предрассудок против наук и словесности... почти совершенно исчез, у нас он только что начинает показываться. Уже один из самых плодовитых наших писателей провозгласил, что литературой заниматься он более не намерен, потому что оно дело не дворянское. Жаль! Конечно, не слишком лестное товарищество некоторых новичков отчасти тому причиною, но разве бесчестное поведение двух или трех выслужившихся проходимцев может быть достаточным предлогом для всех офицеров оставить шпагу и отречься от честного звания воинов».

Эти слова Пушкина бросают яркий свет на всю его позицию в полемике 30-х годов о так называемой «литературной аристократии». В то время как, например, Вяземский, выступая на эту тему, все отчетливее обнаруживал реакционно-консервативную дворянскую основу своих взглядов, для Пушкина упомянутая полемика была своеобразной формой действительной защиты подлинного демократизма в литературе и борьбы с реакционной мещанской журналистикой, вождем которой был Фаддей Булгарин. Это не значит, конечно, что Пушкин перешел в лагерь демократических писателей-разночинцев: такой вывод означал бы антиисторическую идеализацию взглядов великого поэта. Классовые, дворянские инстинкты у Пушкина и в 30-е годы еще достаточно сильны: вспомним, с какой определенностью он отвергал лозунги французской революции, выражающие идею плебейской расправы с дворянством. Но все развитие мировоззрения Пушкина свидетельствует о явной тенденции к дальнейшему преодолению сословной ограниченности и о тяготении к новым общественным силам, которые заявили о себе выступлениями Белинского.

В стремлении Пушкина к союзу с Белинским, несомненно, выражалось начало решительного расхождения с кругом так называемых «литературных аристократов» (хотя связь с ними и раньше скреплялась у Пушкина преимущественно интересами борьбы против булгаринской продажной журналистики, а не общностью идейной платформы).

Еще в 1827 году Пушкин писал Дельвигу по поводу «Московского Вестника», журнала, в котором он временно участвовал, и где сотрудничали писатели, впоследствии активно включившиеся в борьбу с демократической литературой: «Ты пеняешь мне за Московский Вестник и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. — Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для нем-

цев... — Московский Вестник сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая». В 30-е годы противоречия между Пушкиным и такого рода писателями возросли. Стремление к союзу с Белинским характеризует исключительную принципиальность Пушкина, литературно-журнальная тактика которого в то время не была понята Белинским (вскоре он, как известно, исправил свои ранние оценки). В анонимной пушкинской статье («Письмо к издателю»), напечатанной в третьем томе «Современника», имеются сочувственные строки о Белинском: «Он обличает талант, подающий большую надежду». В мае 1836 г. Пушкин, через своего приятеля Нащокина, послал Белинскому первый том «Современника» «тихонько от Наблюдателей» и просил передать великому критику свое сожаление о том, что «не успел увидеться с ним в Москве».

Слова «тихонько от Наблюдателей» весьма значительны. «Московский наблюдатель» — это журнал, сплотивший таких литераторов, как, например, Шевырев, Погодин, Мельгунов, Хомяков, — людей антидемократического направления, ранее в какой-то степени стремившихся сблизиться с Пушкиным, но в 30-е годы все более к нему охладевавших. Позиции этого журнала были так определены «Телескопом» (в котором сотрудничал Белинский): «По мнению „Наблюдателя“ литература должна говорить языком высшего общества, держаться паркетного тона, быть эхом гостиных; и в этом отношении он простирает до фанатизма свою нетерпимость ко всему уличному, мещанскому, чисто народному». Пушкин, который в буквально таких же выражениях высмеивал в своих статьях «паркетный тон», вкусы «гостиных» и защищал народность в литературе, мог конечно, только сочувствовать обличению позиций «Наблюдателя».

После закрытия «Телескопа» Нащокин стал вести с Белинским переговоры о переезде в Петербург для работы в пушкинском «Современнике». «Теперь, коли хочешь, — писал Нащокин Пушкину в конце 1836 г., он [Белинский] к твоим услугам. Я его не видал, но

его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать». Это письмо было написано в конце 1836 г., незадолго до дуэли Пушкина.

С передовыми демократическими кругами родила Пушкина и та борьба с реакцией в общественной жизни, которую он развернул в 30-е годы.

Близко сталкиваясь с придворными кругами, Пушкин проникается все большей ненавистью к царю и его окружению. Он говорит в этот период Вульффу о том, что «возвращается к оппозиции».

Дневники Пушкина этих лет исполнены «горечи и злости» по адресу как всей системы николаевского царствования, так и отдельных представителей правительственной верхушки. Таковы записи вроде следующей (от 14 декабря 1833 г.): «Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян, — эти четыреста тысяч останутся в их карманах. . . В обществе ропщут, — а у Нессельроде и Кочубей будут балы — (что также есть способ льстить двору)». В дневнике Пушкина звучит глубокое сочувствие бесправному и нищему народу, осуждение дворянства и правительства. 17 марта 1834 г. он записывает: «Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника. . . Вероятно купечество даст также свой бал. Праздников будет на пол-миллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?».

Резко звучит в дневнике характеристика царских чиновников: «Уваров большой подлец. . . Его клевет Дундуков. . . преследует меня своим цензурным комитетом. . .». Подобные настроения поэта не оставались, конечно, скрытыми от света. Его творчество явилось и более или менее завуалированной и в явной форме выражением протеста против ненавистного светского общества, против победившей реакции. Такова, например, его эпиграмма на Дундукова («В Академии наук заседает князь Дундук»), такова убийственная сатира на казнокрада и карьериста Уварова («На выздоровление Лукулла»).

В борьбе с реакцией Пушкин не только клеймил отдельных ее представителей. Он отстаивал передовые идеи, унаследованные им от декабристов, и прежде всего идеи подлинного патриотизма и демократической народности. Борьба за эти идеи становится особенно актуальной в 30-е годы, когда правительство в реакционных целях усиленно пыталось демагогически использовать понятия любви к отечеству и народности, трактуя их в монархическом духе.

Эти устремления правительственных кругов нашли воплощение в теории «официальной народности», сформулированной министром народного просвещения Уваровым и нашедшей отражение на страницах периодических изданий Булгарина и Греча, а также в произведениях того же Булгарина, Загоскина, Кукольника и других им подобных литераторов. Сущность идеи «официальной народности» выражалась в провозглашении синтеза трех начал — самодержавия, православия и народности, — на базе которых должно было строиться благоденствие России. Понятие народности при этом, конечно, злостно искажалось: русский народ представлялся воплощением смирения и покорности, беззаветной преданности церкви, престолу и помещику.

В условиях борьбы за прогрессивное понимание идеи народности новое значение приобрела тема Отечественной войны 1812 года. Воскрешая «священную память двенадцатого года», противопоставляя народную, демократическую Россию — царю, который «в двенадцатом году дрожал», и дворянству, которое кричало о Минине и Пожарском и проповедывало «народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни», Пушкин выступал как активный противник официальной точки зрения, выраженной в следующих словах Булгарина: «Спрашивается: кто же спаситель России? Ответ находится на медали 1812 года: бог! Но кто исполнял волю божию на земле? — император Александр! Слава господу на небеси, а на земли царю русскому слава». Об истинном спасителе России — народе — продаж-

ный журналист даже не упоминал. В другом месте он заявил, что великое значение двенадцатого года заключается в том, что «здесь народ явил свою привязанность к государю».

Если отбросить псевдо-патриотическую фразеологию Булгарина и ему подобных, то окажется, что в основе их теорий лежало презрение ко всему русскому, народному и подобострастное преклонение перед всем иноземным. В 40-е годы об этом гневно писал Белинский: у Булгарина, по словам великого критика, «патриотизм» «выражается преимущественно в уверениях в любви, в анафемах против равнодушных ко всему русскому, в... провозглашениях о его драгом отечестве (т. е. России). При том г. Булгарин часто противоречит себе в своей любви ко всему русскому, ибо зло критикует „в своей литературе“ почти все русское».

Эту подлинную сущность лжепатриотических убеждений своих врагов остро ощущал и Пушкин и бичевал ее с ненавистью истинного патриота. В статье о Булгарине, замаскированной под названием «О записках Видока», поэт с негодованием писал: «Видок [т. е. Булгарин] в своих записках именуется патриотом... Как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество!». Еще резче эта мысль звучит в статье «Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов». Здесь, возмущаясь пренебрежительными отзывами Булгарина и Греча о Москве, Пушкин пишет: «К чему такая выходка противу первопрестольного града?.. Больно для русского сердца слушать таковые отзывы о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 году от поляков, а в 1812 году от всякого сброду. Москва донныне центр нашего просвещения: в Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих: *ubi bene, ibi patria*,¹ для коих

---

¹ Где хорошо, там и отечество.

все равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское — были бы только сыты».

В набросках статьи «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» Пушкин развивает эти же мысли: «Простительно выходящу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку [клеветать] русский характер, марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев». Здесь Пушкин срывает маску с реакционеров — лжепатриотов, которые, прикрываясь фразами о «любви» к России, всячески стремились принизить русскую культуру в лице ее лучших представителей.

Мысли, выраженные Пушкиным в памфлетах, направленных против болгаринской клики, нашли воплощение в ярких художественных образах оставшегося неоконченным романа «Рославлев» (1831). По своему сюжетному и идейному замыслу роман этот был направлен против одноименного романа Загоскина, выражавшего идеи официальной народности в трактовке темы 1812 года.

Пушкин показывает, как лицемерный отказ от всего французского и притворный патриотизм сочтались в среде консервативного дворянства с космополитизмом и явным угодничеством перед пленными французами. Вот как описываются в пушкинском романе настроения этого дворянства накануне и в дни войны, настроения, перекликающиеся с болгаринским принципом *ubi bene, ibi patria*: «Все говорили о близкой войне... Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами... Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации. Словом, общество было

довольно гадко. Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась...; народ ожесточился. Светские балагуры при- смирили... и гостинные наполнялись патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита, а принялся за кислые щи. Все заклились говорить по-французски: все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

Поставленный Пушкиным в X главе «Евгения Онегина» вопрос о причинах победы русских над французами находит здесь прямой ответ. Вопрос звучал весьма характерно:

Гроза двенадцатого года
Настала. Кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Зима, Барклай иль русский бог?

Характерным было, прежде всего, то, что при постановке вопроса о движущих силах борьбы за победу Пушкин даже не упомянул ни царя, ни дворянства, т. е. тех сил, которые реакционеры представляли решающими. Из всех оценок Пушкиным войны двенадцатого года ясно, что основной и решающей силой он считал народ, об «ожесточении» которого говорится в «Рославлеве». Героизм народа раскрывается на фоне общей картины показного патриотизма консервативного дворянства, его скрытого преклонения перед французами и ничем не прикрытой трусости. Беспощадно заклеяменному кругу лжепатриотов противопоставлена замечательная девушка — Полина. Это — образ истинной, пламенной патриотки, замечательной русской женщины, которая горячо любит «наш добрый простой народ» и ненавидит светских космополитов — «обезьян просвещения». Гневным обличением звучало то место романа, где показано отсутствие национальной гордости у светской черни, которая насмеялась над «русскими бородами», думая

угодить этим приезжей иностранке. Полина испытывала мучительный стыд от поведения этих дворян, все ее поступки и слова горят огнем истинного патриотизма. На утверждение: «женщины на войну не ходят и им нет дела до Бонапарта», она возражает: «Разве кровь русская для нас, чужда?». Всей душой стремясь принять участие в борьбе с врагом, она готова пожертвовать собой, «явиться во французский лагерь, добраться до Наполеона» и убить его (эта же мысль приходила в голову герою — партизану Отечественной войны — Фигнеру).

После разгрома движения декабристов, в период николаевской реакции, защита «священной памяти двенадцатого года» остается одной из главнейших тем пушкинского творчества как тема истинного патриотизма и любви к народу, противопоставленная всяческим измышлениям Видоков, не имеющих отечества. Эта тема проходит у Пушкина и в поэзии, и в прозе, и в публицистике, всюду сохраняя свою острую направленность против лагеря мракобесов, которые стремились принизить значение Отечественной войны, зачеркнуть ее всенародный национально-освободительный характер, вытравить ее славные традиции.

Борьба с официальной трактовкой темы 1812 года проводилась Пушкиным с исключительной последовательностью. Теме Отечественной войны как войны народной посвящены заметки, стихотворения, рецензии, воспоминания разных авторов, помещенные на страницах «Литературной Газеты» и особенно на страницах пушкинского «Современника». Поэтом же и целый цикл стихотворений Пушкина трактует эту тему 1812 г. в связи с современными событиями. Так, в стихотворении «Перед гробницею святой» (1831) главным героем Отечественной войны является не «Александр Благословенный», как утверждала реакционная пресса, а Кутузов —

Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов.

Кутузов изображается не как ставленник царя, а как национальный герой, как вождь и избранник народа —

... народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

Пушкин писал эти строки в период неудач русских войск в Польше. В этой обстановке обращение к Кутузову — «Восстань! спаси царя и нас» — подчеркивало военную бездарность николаевских генералов и беспомощность самого царя, которого, вопреки официальной легенде, нарекавшей царей «спасителями народа», надо было спасти в тяжелую годину.

Характеристика двенадцатого года в другом стихотворении — «Бородинская годовщина» (1831) — дает яркую прогрессивную трактовку Отечественной войны, включая лозунг борьбы за «вольность» народов:

... Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

В 30-е годы, в годы самой глухой, самой мрачной реакции, поставленная Пушкиным тема 1812 года звучала как призыв к подлинному патриотизму, в противовес лжепатриотической фразе, прикрывающей презрение ко всему русскому; она звучала как напоминание о великих силах, таящихся в недрах русского народа, способного к борьбе за свободу, чуждого рабскому смирению и покорности. В этом отношении весьма знаменательно послание Пушкина к поэту-партизану Денису Давыдову («При посылке „Истории пугачевского бунта“»), в котором сквозь шуточный тон дружеского послания проглядывает понимание общности характера русского солдата

с бесстрашным, умным и великодушным Емельяном Пугачевым, презиравшим любые опасности.

Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой;
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

Эта трактовка русского солдата была резко враждебна теории официальной народности.

Таково же было представление Пушкина и о русском крестьянине. Не робость, не смиренномудрие, не покорность считает он отличительными чертами крестьянина. Гордость тем, что народ и в условиях крепостной неволи сумел сохранить свою яркую индивидуальность, живой интеллект, ясный ум и чувство собственного достоинства, — чувствуются в отрывке из «Путешествия из Москвы в Петербург», называемом условно «Разговор с англичанином». Вот этот разговор:

Я. Живали вы в наших деревнях?

Он. Я видел их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я. Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. Его опрятность, смышленность и свобода.

Я. Как это?

Он. Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро... О его смышленности говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия; никогда не встречал я между ими то, что соседи наши называют badaud,¹ никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

Я. Справедливо: но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения? есть ли и тень рабского унижения в его поступки и речи. Вы не были в Англии?

Я. Не удалось.

Он. Так вы не видали оттенков подлости, отличающей у нас один класс от другого...».

¹ Ротозей.

Вера в русский народ и любовь к нему были воспитаны в Пушкине в славные годы Отечественной войны; при ближайшем знакомстве с русским крестьянином эти чувства укрепились и определили сущность и направление его творчества, резко враждебного реакционным теориям «православия, самодержавия, народности».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

К проблематике художественных и публицистических произведений Пушкина 30-х годов примыкает грандиозный замысел пьесы о крестьянском восстании из эпохи средних веков. Пьеса эта писалась в последние годы жизни Пушкина и не была завершена.

Дошедшие до нас части ее печатаются под условным названием — «Сцены из рыцарских времен». Пьеса имеет очень важное значение для изучения тех путей, по которым могло бы развиваться мировоззрение и творчество Пушкина, если бы не его преждевременная гибель.

Содержанием идейно-тематического замысла пьесы является борьба двух миров: феодального и буржуазного. Показывая противоречия двух враждебных социальных групп — рыцарства и буржуазии, к которой в «Сценах» примыкают и крестьяне, — Пушкин вскрывает также историческую обреченность феодализма. Борьбу решает техника: рыцарь убит пулей, замок взрывает изобретатель пороха. Книгопечатание — «своего рода артиллерия» — заканчивает разгром старого мира.

Характеристика упадка двух враждебных социальных флангов дана в самом начале пьесы (в диалоге старого буржуа Мартына и его сына Франца) и служит фоном для дальнейшего развития сюжета. Рыцарь Альбер назван в пьесе «воплощенной посред-

ственностью». Близкими к этому определению чертами обрисована и Клотильда. Рыцари, устами крестьян, названы «кровопийцами», «разбойниками». Центральными образами пьесы являются Франц и неутомимый новатор Бертольд. Оба они — искатели социальной справедливости, но оба понимают, что ее нет и не может быть в обществе, основанном на неравенстве. Об этом они говорят:

Франц. Разве мещанин недостойн дышать одним воздухом с дворянином? Разве не все мы произошли от Адама?

Бертольд. Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель тоже были братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть.

В начале «Сцен» Франц обрисован как «блудный сын»: он стыдится своего «низкого» происхождения и стремится стать ближе к рыцарям, которых его отец презирает. Но уже вскоре отщепенство Франца раскрывается глубже — как протест против буржуазной ограниченности и меркантильной узости своей среды. Сущность этой ограниченности показана в разговоре между Мартыном и Бертольдом, новатором, мечтающим об открытии вечного двигателя для того, чтобы сломать все преграды «творчеству человеческому».

Образ Франца воплощает в себе черты просвещенного «третьего сословия». В союзе с крестьянством и при помощи новейшей техники производится уничтожение замка, символизирующего мир старых феодальных отношений. «Сцены из рыцарских времен» примыкают, таким образом, к произведениям Пушкина на темы мятежей и народных движений («Борис Годунов», «Дубровский», «Капитанская дочка»). Вместе с тем, в пьесе выражены новые тенденции развития пушкинской драматургии. От «Бориса Годунова» через «маленькие трагедии» лежал путь к большой социально-философской драме, контуры которой и намечены в «Сценах из рыцарских времен».

Однако этот замысел, как и другие творческие планы Пушкина, был оборван его трагической гибелью.

Представители новой знати не могли простить Пушкину его резких выпадов, направленных по адресу ряда конкретных лиц, в таких стихотворениях, как «Моя родословная» или «На выздоровление Лукулла». Положение поэта становилось невыносимым также в связи с обострением отношений со двором. В декабре 1833 г. Николай I «пожаловал» Пушкину чин камер-юнкера. Поэт, ненавидящий царский двор, вынужден был посещать придворные балы, соблюдать правила этикета. За малейшие нарушения этих правил он получал строгие выговоры, унижавшие его достоинство. Попытка добиться отставки не увенчалась успехом. Николай отвечал, что насильно он никого не держит, но в случае отставки Пушкина между ними все будет кончено. Материальная зависимость, из которой не было надежды выпутаться, боязнь навлечь на себя новую опалу, которая лишила бы возможности печататься и работать в архивах, — все это вынудило Пушкина забрать обратно прошение об отставке.

Сознание безвыходности сложившегося положения и глубокая горечь звучат в письмах и дневниках этого периода. «Государю неуютно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию, — записывает он в дневнике в 1834 г., — но я могу быть подданным. . . но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю. . . И царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным». О своих взаимоотношениях с царем Пушкин в шуточной форме пишет жене: «. . . рапортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен, цар-

ствии его впереди и мне, вероятно, его не видеть. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перецеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Тяжесть положения Пушкина, затравленного светской чернью, усугублялась все более возрастающей материальной нуждой. Литературное творчество не обеспечивало его существования, увеличение семьи и светский образ жизни Натальи Николаевны требовали новых расходов. Пушкин прибегал к займам, закладывая ценные вещи. К 1835 году у него было около 60 тысяч рублей долга. Запутавшись в денежных делах, он был вынужден испросить у правительства вперед в счет жалованья 30 тысяч рублей. Это окончательно закабалило его и лишило надежды вырваться из ненавистного окружения.

Конфликт между поэтом и «высшим обществом», обострявшийся все более и более, нашел завершение в дуэли Пушкина с французом Дантесом, заядлым монархистом, эмигрировавшим в Россию после июльской революции. Дуэль была подготовлена придворными кругами путем мерзких интриг и оскорблявших Пушкина и его жену пасквилей. «Он в лице Дантеса искал или смерти или расправы с целым светским обществом», — говорит один из современников — В. А. Соллогуб. В самом деле, во второй половине 30-х годов Пушкин оказался в «гнусной западне» (выражение П. Вяземского), из которой не было выхода. Все чаще жаловался он друзьям на невыносимость своего положения, все чаще посещали его мысли о смерти. Зажатый в тиски полицейского и цензурного надзора, он силой обстоятельств должен был писать Бенкендорфу вежливые письма и призна-

Первая половина ноги спокойнее,
последняя лучше. Мовляхъ (германско-
щихъ принадлежностей нить; но такъ
же нить, и еще и битъ не монетъ
облегченія.

Бюллетень о состоянии здоровья Пушкина после дуэли (был вывешен на дверях его
квартиры).

вать себя «усыпанным милостями его величества». В этих условиях дуэль была для Пушкина не только актом защиты своей чести, но и вызовом всему «свинскому Петербургу». Дуэль, запрещенная законом, могла окончиться или смертью, или лишением звания камер-юнкера и ссылкой.

Дуэль состоялась 27 января 1837 г. Пушкин был смертельно ранен Дантесом и, проведя в мучениях почти двое суток, скончался 29 января (10 февраля нового стиля) в 2 часа 45 минут пополудни. Он умер в тяжчайших страданиях — не только физических, но и моральных. Врачи сразу же открыто сказали ему о безнадежности положения. Мимо умиравшего проходили процессии друзей, с которыми он обменивался последними прощальными рукопожатиями. . .

Царское правительство стремилось скрыть от народа обстоятельства смерти Пушкина. Только через десять лет — в 1847 г. — в печати было впервые упомянуто, что он погиб от раны, полученной на дуэли. Но попытки правительства предотвратить проявления народного негодования не удались. «Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иногда даже в лохмотьях приходили поклониться праху любимого народного поэта, — сообщала дочь Карамзина в своем письме. — Нельзя без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь думал и сожалел о краткости его блестящего поприща».

Смерть Пушкина была воспринята в стране как великое народное горе. Прусский посланник доносил в то время своему правительству: «Мне достоверно известно, что под предлогом горячего патриотизма уже в течение нескольких дней в Петербурге раздаются самые странные речи, причем, между прочим, утверждают, что г. Пушкин был чуть ли не единственной опорой, единственным выразителем идеи народной свободы». Опасаясь политических демонстраций, правительство неожиданно отменило назначенное ранее отпевание в Исаакиевском соборе, и гроб был пе-

ренесен в придворную церковь (Конюшенную). Это вызывалось также и иезуитским желанием Николая I продемонстрировать свое отношение к Пушкину как, якобы, к своему верноподданному, воспрепятствовать распространению слухов о его свободолюбии. На отпевание был приглашен весь дипломатический корпус и двор. После отпевания тайно, глубокой ночью, тело Пушкина было отправлено для погребения в село Михайловское. За гробом следовали лишь его друг А. И. Тургенев, слуга-крестьянин Никита Козлов и жандармы.

Так самодержавно-крепостническая Россия отомстила величайшему русскому поэту за его служение народу силой правдивого художественного слова. Для передовых демократических слоев русского общества политические причины убийства Пушкина были ясны. Раздраженный известиями о возмущении общественного мнения, Николай I писал Паскевичу: «... смерть Пушкина занимает публику и служит пищей разным глупым толкам. Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им же писанную...».

Такова же была реакция на гибель Пушкина и министра народного просвещения Уварова. В «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» были напечатаны следующие строки: «Солнце нашей поэзии закатилось: Пушкин скончался... Более говорить о сем не имеем сил, да и не нужно, всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано...». Этот некролог вызвал возмущение Уварова: «Солнце поэзии! Помилуйте, за что такая честь? — говорил министр. — «Пушкин скончался... в середине своего великого поприща!». Какое это такое поприще! Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?!.. Писать стишки не значит еще... проходить великое поприще!».

Всенародное возмущение убийством Пушкина нашло яркое отражение в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта», быстро распространившегося в многочисленных списках. Продолжатель великих пушкин-

ских идей грозил возмездием убийцам поэта, палачам «Свободы, Гения и Славы», творившим свое темное дело «под сенью закона».

О популярности и агитационной силе этого стихотворения В. В. Стасов впоследствии вспоминал: «... Мы волновались, приходили... в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовые, пожалуй, на что угодно, — так нас поднимала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Наверяд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное повсеместное впечатление».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Классики революционно-демократической критики, оценивая значение Пушкина, считали его деятельность выходящей далеко за пределы чисто литературного развития. И Добролюбов, и Чернышевский рассматривали Пушкина как выразителя и крупнейшего деятеля передовой русской национальной культуры, русского национального просвещения. В 1858 г. Добролюбов писал по поводу нового издания сочинений Пушкина: «Русские, любившие Пушкина, как честь своей родины, как одного из вождей ее просвещения, давно уже пламенно желали нового издания его сочинений, достойного его памяти. . . ». Как о слугителе не только «музам», но и «разуму» (т. е. просвещению в широком смысле этого слова) говорил о Пушкине и Чернышевский: «В истории русской образованности Пушкин занимает такое же место, как и в истории русской поэзии. Будем же читать и перечитывать творения великого поэта и, с признательностью думая о значении их для русской образованности, повторять вслед за ним:

Да здравствуют Музы, да здравствует Разум!

И да будет бессмертна память людей, служивших Музам и Разуму, как служил Пушкин».

Заслуги Пушкина как выразителя и деятеля передовой национальной культуры, самобытного и оригинального художника отрицались реакционными кри-

тиками и официозными кругами царского правительства чуть ли не с первых шагов его творческого пути. Смысл этого отрицания ясен: утверждая, что Пушкин был подражателем иноземным писателям, все эти клеветники пытались помешать усвоению всей передовой Россией лучших достижений пушкинского гения. В одном из своих стихотворений двадцатых годов Пушкин с горечью и возмущением писал о своих врагах:

Бывало, что ни напишу,
Все для иных не Русью пахнет...

Эти гневные слова поэта звучат и теперь как обличение литературоведов-космополитов, которые пытались представить Пушкина подражателем «иностранным образцам». Буржуазно-либеральное литературоведение, фальсифицировавшее весь облик Пушкина, утверждало также, что он был пассивным художником, далеким от непосредственных идейно-политических боев. Между тем, он был писателем — борцом за свои идеи. Борьба за утверждение национальной культуры и литературы проходит через весь его творческий и жизненный путь. Он боролся с антинародными идеологами реакционного дворянства, космополитами, презиравшими свою родину и свой народ, пресмыкавшимися перед иноземной культурой и перед каждым заезжим иностранцем. Он боролся против тех, кто стремился обратить русскую литературу к подражанию западноевропейским писателям и лишить ее самобытности и своеобразия. Он боролся и против таких реакционеров, как А. С. Шишков, который спекулировал в своих целях на чувствах народного патриотизма, извращал понятия национального своеобразия и доказывал, что русский национальный характер выражается, якобы, в покорности угнетателям, «исконной» преданности самодержавию и вражде ко всему новому. Пушкин, будучи великим национальным поэтом, выступал также против консерваторов, ненавидевших передовую культуру других народов и насаждавших идеологию человеконенавистни-

чества, стоявших за подавление революционных движений в любом уголке земного шара и считавших, что революционное движение в самой России — плод чужеземных влияний. В этой своей борьбе за национальную самобытность русской культуры Пушкин был в одном лагере с лучшими людьми своего времени и, прежде всего, с декабристами, пропагандировавшими идеи патриотизма, политической свободы, учившими ненавидеть самодержавие и крепостничество.

Но позиции Пушкина, враждебные реакционерам, отличались также от позиций ряда людей его непосредственного окружения, людей, которых либерально-буржуазная историография рассматривала как его идейных сподвижников, или же как «пушкинскую плеяду». Пристальный анализ показывает, что взгляды Пушкина на русскую национальную культуру отличали его даже от таких, в молодости прогрессивных, литературных деятелей, как П. А. Вяземский, а тем более — как либерал А. И. Тургенев. Сам Вяземский говорил об этом с полной определенностью. «Однажды Пушкин между приятелями сильно руссофильствовал и громил Запад, — вспоминал Вяземский. — Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствам, а и частью по наклонности. Он горячо оспаривал мнения Пушкина...». О своих отношениях с Пушкиным Вяземский говорил: «В политических вопросах мы вообще сходились: разве бывало иногда разномыслие в так называемых чисто русских вопросах». В другом месте это «разномыслие» вскрывается в связи с работой Вяземского о Фонвизине: «Между прочим находил он [Пушкин], что я слишком живо нападаю на Фонвизина за мнения его о французах и слишком горячо отстаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями». Как же характеризует себя сам Вяземский? «Ум мой, — говорит он, — был воспитан и образован во французской школе... русский ключ... про-

бывался во мне из-под французской насыпи...». Правда, здесь же имеется оговорка: «При всем моем французском отпечатке сохранил или приобрел я много и русского закала...». Но все же несомненно, что противоречия между Пушкиным и Вяземским выразались и в вопросе о самобытности русской литературы.

Уже из всего этого становится очевидной сложность исторических условий борьбы за передовую национальную культуру, которую вел Пушкин и которая сливалась с политическим, освободительным движением эпохи. В. И. Ленин, характеризуя историческое развитие борьбы за передовую национальную культуру, писал:

«Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова».

В своих работах Ленин наметил две основные линии, две главные исторические тенденции в развитии русской культуры: линию Радищева — декабристов — Белинского — Герцена — Чернышевского — пролетарских революционеров, с одной стороны, и линию псевдо-культуры эксплуататорских классов, с другой. В этой борьбе за передовую культуру творческая деятельность Пушкина сыграла крупную роль. Конечно, даже передовая культура пушкинского времени носила на себе черты исторической и классовой ограниченности, свойственные дворянскому периоду освободительного движения. Революционные демократы выразили более высокий этап исторического развития: они были ближе к народу. Только пролетарская социалистическая культура явилась полным отражением чаяний самих масс. Но говоря о декабристах Ленин отметил их историческую роль в общей цепи развития русского революционного движения.

Деятельность Пушкина как борца за передовую национально-самобытную культуру декабристской

эпохи составляет, следовательно, яркую страницу истории всей русской национальной культуры. Стремления, думы, идеи Пушкина самым ходом его развития оказались связанными с декабризмом; не будучи членом тайного общества, он был в духовном родстве с его деятелями.

Проблема народности, национальной самобытности русской литературы является одной из самых острых проблем пушкинского времени. В журналах вокруг нее не утихали острейшие споры. Она являлась темой жарких стычек в литературных объединениях 10—30-х годов, темой оживленной переписки современников (причем не только литераторов). Буржуазные литераторы объясняли возникновение проблемы народности литературы внутренним развитием самой литературы, т. е. чисто идеалистически: необходимо было, утверждали они, «обновить» устаревшие жанры, уничтожить «отживший классицизм» и т. д. Следствия рассматривались как причины. На деле причиной была сама жизнь. Обострение борьбы за народность литературы относится к годам Отечественной войны 1812 года и является прямым ее следствием. Как ни далеки были даже передовые деятели дворянской культуры от народа, но, тем не менее, именно в 1812 году они вошли в непосредственное соприкосновение с народом, прониклись восхищением к его замечательным качествам и сочувствием к угнетенному положению крепостного крестьянства. Стало ясно, что нельзя не считаться с той силой, которую представлял народ в государстве. И хотя классовые особенности мировоззрения не позволяли им полностью слиться с народом и целиком стать на его сторону, все же сама проблема борьбы за народность и национальную самобытность русской культуры, за обогащение ее народными элементами возникла в годы войны со всей отчетливостью. Героизм русского народа — вот что оплодотворило русскую культуру и литературу.

Борьба с подражанием иноземному также явилась прямым выражением национально-освободительного

подъема военных лет. Обличение «галломании» не явилось только инициативой отдельных лиц. В 1812 году с особенной ясностью обнаружилась вся вредность галломании. Прогрессивные писатели и публицисты выступали на страницах журналов с обличением дворян, равнодушных к родной культуре, предпочитавших родному языку французский, отдававших своих детей на воспитание иноземцам. Эта борьба против галломании имела огромное значение. Однако в этой борьбе проявились две тенденции. Выразители прогрессивной общественной мысли, обличая подражания иноземному, с большим уважением относились к прогрессивной культуре других народов и, в отличие от реакционеров, не объявляли, например, всю французскую нацию «исчадием дьявола». Они понимали, что среди французов есть враги Наполеона и всех душителей свободы. Реакционеры же, примиряясь со всем реакционным в истории Франции, ненавидели тех деятелей французской культуры, которые были врагами Бурбонов.

Пушкин ценил лучшие завоевания культуры других народов, но последовательно выступал на протяжении всей своей деятельности за развитие национальной самобытности русской культуры, против подражательности кому бы то ни было в литературе и жизни. Выше мы показали, с каким презрением Пушкин относился к космополитам, черты которых воплощены в образах графа Нулина или Корсакова из «Арапа Петра Великого», с какой едкой иронией изобразил он англomанию Муромского в «Барышне-крестьянке», с каким проникновением вскрыл порочные результаты воспитания Онегина «французом убогим». К вредоносному влиянию антинационального воспитания Пушкин возвращался с особенной настойчивостью, показывая, что для дворян-крепостников француз-учитель представлял интерес только лишь своим нерусским происхождением. Вспомним признание такого учителя в «Дубровском»: «Надобно вам знать, что я готовился было не в учителя, а в кондитеры, но мне сказали, что в вашей земле звание учи-

тельское не в пример выгоднее». А в «Капитанской дочке» Гринев говорит: «... батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла... Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel [чтобы стать «учителем»] не очень понимая значения этого слова...». Обличением всякого преклонения перед иноземным Пушкин продолжал традиции лучших представителей русской культуры, величие которой вызывало его восхищение. О Ломоносове он говорил как о «великом человеке» и называл его «самобытным сподвижником просвещения». «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Радищев — «рабства враг» — был в глазах Пушкина крупнейшей исторической личностью. В письме Александру Бестужеву 13 июня 1823 г. Пушкин писал: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?». Не менее характерны оценки Пушкиным и других русских писателей — предшественников: «Державин, со временем переведенный, изумит Европу... Гений его можно сравнить с гением Суворова», Фонвизин — «сатиры смелый властелин», «друг свободы», «Крылов превзошел всех нам известных баснописцев», он «во многих отношениях самый национальный и самый популярный наш поэт». Таким образом, из пушкинских оценок предшествующей русской культуры можно заключить, какие именно стороны ее он ценил.

* * *

Глубоким, страстным патриотизмом вдохновлялась вся деятельность Пушкина как создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы, литературы великих освободительных идей и высокого художественного совершенства. Исторический подвиг создания русского литературного языка и разработка основ русского классического реализма определяет значение Пушкина не

только в литературном, но и в общественном развитии нашей родины.

В. И. Ленин, поставивший перед советскими учеными задачу составления словаря современного русского языка, указал, что современный русский язык начинается от Пушкина.

Историческая необходимость реформы русского литературного языка как национальной задачи первостепенной важности осознавалась Пушкиным. В одной из критических статей он писал: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими. . .». Ломоносов открыл «истинные источники нашего поэтического языка», «слог его ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оною с языком простонародным». Новые требования времени вызвали, однако, дальнейшие преобразования литературного языка. В той же статье Пушкин продолжал: «Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных». В понимании задач литературного развития Пушкин был передовым выразителем своей эпохи. Обостренный интерес к «созданию прозы», «метафизического языка», т. е. языка публицистики, философии, был характерен для декабристской среды. Эта тема нашла отражение также в переписке и беседах деятелей Южного ответвления тайного общества с Пушкиным и его другом Вяземским. «Займись прозою, вот чего недостает у нас, — писал декабрист М. Орлов Вяземскому в 1821 г. — Пора предпринять образование словесности нашей в большом виде, в философическом смысле, строгими сочинениями или полезными переводами. Вот поприще, открытое перед тобой. Цензура не всегда будет препятствием. . .». Это, конечно, не было только личным мнением Орлова, а отражало определенные мнения, рождавшиеся в литературных и политических спорах деятелей кишиневской группы тайного общества декабри-

стов — «Союза благоденствия». О том же говорят строки из письма Пушкина к Вяземскому из кишиневской ссылки: «Предприми постоянный труд, пиши в тишине самовластья, образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах, а там что бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России, тогда надеюсь с тобою более сблизиться. . .».

Понимание политической необходимости преобразования языка нашло выражение и в «Русской правде» Пестеля — наиболее выдающемся программном документе декабризма: «Законы должны быть ясны, понятны, справедливы и просты. Ясность необходима для того, чтобы каждый гражданин мог их понимать и потом свои поступки с ними без дальних затруднений сообразовать. Для того должен непременно каждый закон таким образом быть написан, чтобы он никаких толков не требовал, никаких недоразумений не допускал и ни под каким видом в двояком смысле не мог быть принят». Это писалось Пестелем о языке государственных актов. Но требования «ясности», «понятности», совпадающие с многочисленными высказываниями Пушкина на эту же тему, декабристы предъявляли и к художественной литературе. Создание единого, ясного литературного языка, понятного всем слоям общества, было задачей первостепенной исторической важности.

В эпоху, когда феодально-крепостнический строй сковывал даже слабые проявления общественной инициативы, литературе принадлежала очень важная роль в оформлении революционной идеологии. Отсюда и характерная для начала XIX в. острота споров по вопросам языка. Эта полемика выражала, с одной стороны, стремление антифеодальных группировок к известной демократизации государственного строя, а с другой — стремление консерваторов сохранить свои идеологические позиции. Борьба шла, таким образом, за одну из основ развития всей русской культуры. Во главе этой борьбы и стал Пушкин. Основой создания русского литературного

языка он считал «разговорный язык простого народа», язык, который, по его словам, «достоин глубочайших исследований». Защищая эту свою точку зрения, он резко выступал против реакционных измышлений о грубости народного языка. Так, например, по адресу критиков «Полтавы» он писал: «Слова — *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, поря* — показались критикам *низкими*, бурлацкими выражениями... признаюсь *низкими* словами я почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь понятия, например, *нализаться* вместо *напиться пьяным* и т. п. Никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения — провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под.». Эти принципы Пушкин считал основными не только для своей творческой практики, но и для литературного развития вообще. «Разговорный язык простого народа, — писал он в заметке 1830 года, — (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) — достоин также глубочайших исследований». И дальше замечал: «Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком». «Вслушайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, — писал он в другом месте, — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах. Читайте простонародные сказки... чтобы видеть свойства русского языка». Соединение языка разговорного и письменного Пушкин рассматривал как историческую задачу. В книжной словесности он ценил приобретенный в течение веков опыт, который необходимо обогащать из «живых источников народного слова». «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре», — заметил Пушкин, предостерегая, однако, от одностороннего понимания этого процесса, ибо «писать единственно языком разговорным, значит не знать языка».

В упорной борьбе с реакционными защитниками старины, как Шишков, или проповедниками сглаженного салонного стиля «паркетных дам» выработывал Пушкин гибкий и мощный русский литературный язык.

Как родоначальник новой русской литературы Пушкин основал школу русского самобытного реалистического искусства, которую затем, каждый по своему, развивали Гоголь и Лермонтов, Некрасов и Щедрин, Л. Толстой и Горький. «Поэзия Пушкина, — говорил Белинский, — удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу или русские характеры...». Патриотизм, стремление к разработке острейших проблем современности, горячее желание постигнуть «особенную физиономию» России и оценить все, в ней происходящее, с точки зрения интересов родины, — все это связывает Пушкина со всеми передовыми явлениями последующей русской литературы. Не случайно поэтому важнейшие этапы творческой биографии великих русских писателей связаны с именем Пушкина. Замысел «Ревизора» и «Мертвых душ» был предложен Гоголю Пушкиным. Гоголь так писал о значении для него Пушкина: «Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка... не писалось без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслию, как будет доволен он, угадывал, что будет нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою».

Учеником Пушкина считал себя и Тургенев, который говорил: «Он создал наш поэтический, наш литературный язык и... нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением...».

«Пушкин занял собою всю свою эпоху, сам создал другую, породил школы художников, — говорил Гончаров. — Школа пушкинско-гоголевская продол-

жается доселе». Островский, перечисляя заветы Пушкина, отметил, что он вдохновлял всех своих последователей, «дал всякой оригинальности смелость». Л. Толстой указал на «благодетельное влияние», которое оказывает перечитывание пушкинской прозы. Но связь пушкинского творчества с классической русской литературой заключается, конечно, не только в том, что те или иные писатели учились у Пушкина языку и мастерству или что в их творчестве отразилось влияние тех или иных его произведений. Эта связь сказалась шире — в воспитательном воздействии всего его наследия на последующие поколения писателей. Это воздействие признавалось представителями самых различных литературных направлений. Пушкинская широта в изображении действительности, идейно-философская глубина его творчества, горячий интерес к народным движениям, внимание и сочувствие к простым людям, — все это сказалось в развитии поэтов разных поколений — Лермонтова, Некрасова.

Творчество Пушкина всегда служило объектом ожесточенной борьбы различных общественно-литературных направлений. Идеологи консервативных кругов стремились обеднить содержание его произведений, лишить их освободительного значения. Немалый вред принесла пропаганда Достоевским фальсифицированного облика Пушкина, якобы призывавшего своими произведениями к смирению. Поэты и критики из лагеря «чистого искусства» пытались представить Пушкина своим идейным союзником. Реакционным трактовкам исторической роли великого поэта дали отпор революционные демократы сороковых — шестидесятых годов, а позднее — марксистская критика. Окончательный удар всякого рода буржуазно-дворянским легендам о Пушкине был нанесен в советское время, когда наше литературоведение раскрыло облик поэта во всей его подлинности.

Громадное значение Пушкина для нашей советской литературы признано ее лучшими представителями. Маяковский в стихотворении «Юбилейное»

с восторгом говорил о своей любви к Пушкину, который олицетворял для него жизнь во всем ее многообразии, и с презрением отвергал всякие попытки навести на пушкинские творения «хрестоматийный глянец». В одном из своих выступлений Маяковский, процитировав отрывок из «Евгения Онегина», сказал: «Конечно, мы будем сотни раз возвращаться к таким художественным произведениям... тысячу раз; учиться... максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли». Учиться у Пушкина — «основоположника поэзии нашей» — призывал советских писателей и родоначальник социалистического реализма М. Горький. «Уже в юности своей, — писал Горький, — он почувствовал тесноту и духоту дворянских традиций, понял интеллектуальную нищету своего класса, его культурную слабость и отразил все это, всю жизнь дворянства, все его пороки и слабости с поразительной верностью... В примере Пушкина мы имеем писателя, который будучи переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихе и прозе с наибольшим реализмом...». Для Горького Пушкин — «начало всех начал», «величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России». В письме к одному из советских писателей (Д. Семеновскому) Горький советовал: «Читайте почаще Пушкина — это основоположник поэзии нашей и всем нам всегда учитель. Тем, кто кричит, что Пушкин устарел, не верьте — стареет форма, дух же поэзии Пушкина нетленен и в поэзии надо быть хоть немного историком, т. е. человеком честно и сознательно относящимся к своему историческому вчера».

Творчество Пушкина обогатило развитие не только русской литературы, но также всех областей искусства. Глинка и Чайковский, Даргомыжский и Мусоргский, Римский-Корсаков и Кюи, Бородин и Балакирев, Рахманинов и Глазунов, Асафьев и Глиэр создали великолепные произведения в различных музыкальных жанрах — оперы, балеты или романсы —

на материале произведений Пушкина. С именем Пушкина связали свое творчество художники, и современные Пушкину, и представители позднейших поколений, — Кипренский и Тропинин, Айвазовский и Репин, Серов и Нестеров, Перов и Суриков: одни портретами поэта, другие иллюстрациями к его произведениям. В истории всех лучших театров Советской страны — МХАТ'а им. Горького, Малого, ленинградских театров — им. Пушкина (бывш. Александринского), Большого драматического им. Горького и других — пушкинская драматургия заняла почетное место, способствуя совершенствованию реалистического мастерства актеров и развитию сценического искусства. В различных ролях пушкинских пьес выступали такие великие актеры, как Каратыгин, Давыдов, Варламов, Ермолова, Станиславский, Москвин, Качалов, Вишневыский.

Всемирно-историческое значение творчества Пушкина является общепризнанным. По определению И. В. Сталина, «... каждая нация... имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее». Пушкин, будучи гениальным выразителем русской нации, вложил громадный вклад в мировую культуру. Именно потому, что он был носителем великих, прогрессивных особенностей русской нации, он стал поэтом мировым. Сочетание глубочайшего чувства русской национальности и уважения к другим нациям сказалось в пушкинском понимании народности литературы. «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». Воплощенное в пушкинском творчестве понимание народности как конкретной, исторически обусловленной категории явилось вели-

чайшим завоеванием в развитии русской литературы. С реалистической верностью изобразив в своих произведениях русскую действительность, он создал также образцы художественного проникновения в жизнь и нравы других стран и народов.

Всемирно-историческое значение творчества Пушкина заключается в том, что, будучи поэтом глубоко-национальным, он воплотил в своем творчестве идеи, вызывающие горячий отклик в сердцах простых людей 'всего мира.

Одной из таких идей является проходящая через все творчество Пушкина уверенность в конечной победе сил политической свободы и прогресса над всеми темными силами реакции. Пушкин понимал, что только враждебные народу правители озабочены укреплением реакционных политических систем, основанных на угнетении человека человеком. Он, вместе с Мицкевичем, верил в наступление времени,

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

В одной из заметок начала 20-х гг., посвященной идее «вечного мира», Пушкин утверждал: «Не может быть, чтобы людям современем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стало ясно рабство, королевская власть и т. п.». Но, мечтая о мирном, свободном развитии народов всего земного шара, он знал, однако, что осуществление этой мечты требует деятельной борьбы с реакцией. Отсюда его горячее сочувствие национально-освободительному движению в разных странах. Еще в 20-е годы Пушкин, так же как и декабристы, связывал задачу освобождения России от самодержавно-крепостнического гнета с освобождением всех свободолюбивых народов Европы: в таком широком взгляде на ход политической борьбы сказались славные традиции 1812 г., когда русский народ, отстаивший свою землю, освободил от порабощения Наполеоном также другие страны. «Священный Союз» передовые люди России ненавидели как оплот мировой

реакции, подавлявшей свободолюбивые движения во всех концах земного шара.

С каким вдохновением писал Пушкин о борьбе греческих повстанцев за национальную независимость своей родины! Борьба греков была оценена им как пример для других угнетенных народов. В письме из Кишинева 1821 г. (адресованном, повидимому, декабристу В. Л. Давыдову) Пушкин писал: «Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы. Греция восстала и провозгласила свою свободу... греки не в силах более выносить притеснений и грабительств турецких начальников... они решились освободить родину от ига незаконного...». Греции же посвящены и стихи Пушкина 1829 г.:

Восстань, о Греция, восстань,
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп, и Пинд, и Фермопилы.
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

Пушкин горячо отозвался своими стихами и на освободительную борьбу революционеров Испании во главе с Риго, он сочувствовал патриотам Неаполя, восставшим против своего короля, и прогрессивной немецкой молодежи, протестовавшей против тирании. О немецком студенте Карле Занде, погибшем на эшафоте, Пушкин писал:

В твоей Германии ты вечной тенью стал
Грозя бедой преступной силе...

Историческая неизбежность торжества борьбы народов со всякого рода реакцией была для Пушкина несомненной. В дневнике Долгорукова записаны следующие слова поэта, сказанные в Кишиневе: «... теперь король неаполитанский воюет с народом, прусский воюет с народом, испанский тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх».

Уважение к суверенным правам малых наций, страстная убежденность, что никакая сила не может сломить народа, стремящегося к свободе, — эти черты мировоззрения Пушкина проявились в его «Песнях западных славян». В стихотворении «Бонапарт и черногорцы» рассказано о высокомерно-презрительном отношении Наполеона к самой попытке черногорцев сопротивляться могущественной французской армии:

«Черногорцы? Что такое?» —
Бонапарту спросил: —
«Правда ль: это племя злое
Не боится наших сил?
Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Однако, черногорцы ответили героическим сопротивлением захватчикам:

Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...

Мужественные бойцы маленького славянского народа «засели в норы» и ответили войскам противника «дружным залпом». Поработители

... ненавидят
С той поры наш вольный край,
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

Ненависть к поработителям, оскорбляющим национальную честь, угнетающим народ, выражена и в стихотворении «Воевода Милош», этом призыве к вооруженной борьбе с насильниками.

Всемирно-историческое значение пушкинского творчества, его реализма заключается в том, что великий поэт с наибольшей для своего времени последовательностью раскрыл в гениальных художественных образах всю противоестественность феодально-крепостнической системы, ее реакционность и

порочность. Разоблачение феодализма, его политических, этических, эстетических норм произведено у Пушкина с несравненно большей глубиной и последовательностью, чем, например, у французских просветителей XVIII в., которые, при всех их заслугах, не могли преодолеть высокомерного отношения к народным массам. Пушкинский протест против духовного и материального закабаления человека был глубже и последовательнее потому, что он смог проникнуться думами и стремлениями своего народа. Поэтому же Пушкин не ограничился разоблачением феодально-крепостнической идеологии, он поднял свой голос также и против той утонченной системы рабства, которая несла человечеству «новейшая», т. е. буржуазная цивилизация. Когда Пушкин жил и творил, России только еще предстоял путь капиталистического развития. И тем большей заслугой великого русского поэта перед всей мировой культурой является его понимание лживости, лицемерия и порочности также и государственного строя Западной Европы и Америки. Выше мы приводили острые, проникновенные суждения Пушкина о лицемерии «демократизма» и отсутствии действительной свободы в Англии, и Соединенных Штатах. Эти отзывы были у Пушкина далеко не случайными, они явились осознанным итогом его размышлений о ходе исторического процесса.

Его твердая уверенность в том, что история движется путем «бесконечного совершенствования», была непримирима с убеждением буржуазных публицистов Запада в том, что разрушение феодализма явилось окончательным искомым итогом общественного развития. Проницательность Пушкина не только как художника, но и как мыслителя отметил Энгельс в следующих словах письма к своему русскому корреспонденту — Н. Ф. Даниельсону 29—31 октября 1891 г.:

«Когда мы изучаем... реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно-ошибочными

и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века — хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принимал условия, господствовавшие в Эдинбурге и в окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной. Впрочем, Пушкин уже знал это...».

Говоря словами Энгельса, Пушкин отнюдь не принимал никакие «условия», господствовавшие в его время где бы то ни было, за «нормальные для целой вселенной», ибо его критерии общественной свободы оказались непременимыми ни к одному из государств земного шара. Отсюда сила его критицизма, ставившего острее вопросы современности. Отсюда же и постоянные утверждения Пушкина о растлевающем влиянии денег на политическое и культурное развитие капиталистических стран Западной Европы: об этом он говорит, упоминая и о подкупе при парламентских выборах, и об ужасающем положении английского пролетариата, и о продажности той части литераторов, которая поступила тогда же в услужение новым богам.

Продажность буржуазной литературы вызывала особенное возмущение у Пушкина, для которого понятия писательской чести и независимости были священными и неприкосновенными. Отчетливо видя, разумеется, пропасть, существовавшую между традициями демократической французской литературы и теми французскими писателями, которые продали свое перо, Пушкин о последних писал: «... сословие писателей потому только не ползает перед министрами, что публика в состоянии дать больше денег. За то как бесстыдно ползают они перед господствующими модами!». Здесь же Пушкин, говоря о передовых русских писателях, отмечает, что их отношения с вельможами и богачами «не имеют признаков холопства, которое затмевает большинство иностранных словесностей».

Стремление Пушкина к действительному освобождению человека от любых форм угнетения и рабства, его проницательное умение разоблачить вся-

кого рода мимирию под «свободомыслие» обусловили особую силу пушкинского реализма. В то время как западноевропейская буржуазная литература еще упивалась ложной, антинародной романтикой приобретательства, жажды власти, колониальных завоеваний, Пушкин впервые в мировой литературе вскрыл черты индивидуалистического мировоззрения человека новой формации как черты социальные. Пушкину была совершенно чужда какая бы то ни было апологетика героя современной ему буржуазной литературы, в которой, как сказано в «Евгении Онегине»,

...отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Характерно, что «неумолимый эгоизм», индивидуалистическое стремление к личному благополучию любой ценой, отмечается Пушкиным во всех случаях, когда он говорит о «новейшем» строе Запада. Воплощением такого рода типических черт «современного человека» являлся для Пушкина Наполеон: говоря об этом завоевателе, он и создал свое яркое обобщение, осуждающее индивидуализм:

...Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...
(«Евгений Онегин», глава II).

«Миллионы» людей не являются «орудием», они не должны быть средством для достижения «единицами» своих личных, корыстных целей, эта мысль и руководила Пушкиным, когда он с таким пристальным вниманием вглядывался в процессы, происходившие и в России, и на Западе. Критический реализм Пушкина отличался от современной ему буржуазной

литературы оптимистической уверенностью в возможности преодоления социальных противоречий и в несомненности торжества идеала свободы. Как отметил Герцен, «Пушкин знал все страдания цивилизованного человека, но у него была вера в будущее, которой человек Запада уже лишился. . . он обладает инстинктивной верою в будущность России».

Эта вера в будущность России вызвала решительное осуждение Пушкиным как феодальной, так и капиталистической систем сословных преимуществ, систем, которые он обобщал в понятиях «аристократии породы» и «аристократии богатств». Представители и первой, и второй «аристократии», конечно, совершенно игнорировали «судьбу человеческую, судьбу народную», то, что прежде всего волновало Пушкина. Он, по условиям времени, не видел силы, которая может обеспечить действительную свободу, и после крушения декабризма считал единственно реальным путь борьбы за свои идеи посредством просвещения, разума, слова: «Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда».

Так говорил Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» о роли писателей. С точки зрения современной марксистско-ленинской науки, признающей великую силу идей, но утверждающей решающую силу революционной борьбы народных масс за общественные преобразования, — ограниченность этой просветительской точки зрения очевидна. Но громадной, всемирно-исторической заслугой Пушкина в истории человечества является уверенное отрицание им и «аристократии породы», — т. е. аристократии феодально-дворянской, и «аристократии богатств», — т. е. капиталистической олигархии.

Школа художественного реализма, основанная Пушкиным, внесла и новые, своеобразные эстетиче-

ские принципы в развитие мирового искусства. Первым фундаментальным произведением критического реализма в истории мировой литературы является «Евгений Онегин», роман, создававшийся в годы, когда Западная Европа все еще не могла преодолеть романтизма. Народность Пушкина также отличается наибольшей последовательностью. Его слова о том, что содержанием художественного творчества должна быть «судьба народная», что поэт должен вывести искусство из узкого аристократического круга, практически воплощены в его творчестве. Произведения Пушкина, пронизанные сочувствием народу, ставящие важнейшие социальные вопросы, связавшие искусство и политику, нанесли сокрушительный удар теориям «искусства для искусства». Пушкинское творчество послужило для Белинского великолепным материалом, на основе которого великий критик разработал принципы реалистической эстетики, открывшие новую страницу в истории мировой эстетической мысли.

В творчестве Пушкина, сравнительно с другими современными ему писателями Запада, впервые с такой силой и полнотой поставлена тема угнетенных народных масс. Ни в одной литературе мира образ «простого», «маленького человека» тогда не был разработан с позиций социальных низов. В западных литературах тогда — да и в более позднее время — трактовка темы «маленького человека» заключалась, главным образом, в сожалениях о том, что «маленький человек» не может подняться на высшую ступень социальной лестницы в пределах той же системы общественных отношений. Пушкин же раскрыл эту тему как тему большой социальной остроты. «Станционный смотритель» — это не только повесть о «сущем мученике четырнадцатого класса», но и рассказ об обществе, основанном на принципах социального неравенства, резких противоречиях между «верхами» и «низами». Не идеал материального благополучия, а идеал социальной справедливости положен в основу повести. Положительными героями, которым свойственны благородные героиче-

ские черты, оказываются у Пушкина люди из народа — Степан Разин, Емельян Пугачев, кузнец Архип из «Дубровского», герои «Песен Западных славян» или болгарин Кирджали, стойко сражавшийся против турецких поработителей.

Вот почему творчество Пушкина насквозь пронизано мотивами и образами народного творчества. Он обосновывал важность ликвидации разрыва между литературой и устным народным творчеством, разрыва, который защищался салонным, аристократическим искусством. Фольклорные элементы вошли в пушкинские произведения не как орнамент, а своим идейным содержанием, своими глубоко своеобразными, национальными чертами. Вспомним, каким светом озаряют образ народа произведения народного творчества в «Капитанской дочке». Сказка об орле и вороне, приведенная в повести, утверждает народную мудрость о предпочтении героической смерти — рабскому прозябанию: «... нет брат ворон; чем триста лет питаться падалью, — лучше раз напиться живой кровью, а там — что бог даст...!». Пафосом бесстрашия и героизма полна также песня, которую вдохновенно поют в этой же повести пугачевцы. Стремление к свободе, любовь к родине соединяли поэта и народ. Пушкин раскрывает родную песенную стихию в стихотворении, обращенном к ямщику:

Пой: в часы дорожной скуки
По дороге в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.
Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.

Поэта соединяет с народом не только любовь к «удалой песне», но и те мотивы задушевной грусти, которые были вызваны бесправным, угнетенным положением народа:

Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта
Мы все поем уныло...

Но грустные мотивы не являлись определяющими в поэзии русского народа, которому свойственны жизнерадостность, стойкость и, как сказал Пушкин, «веселое лукавство ума». Всею этой общностью идейно-эстетических симпатий и был обусловлен органический, впервые с такой силой выраженный именно у Пушкина, фольклоризм.

Пушкин, великий русский национальный поэт, проявлял живой интерес и к культуре других национальностей, населявших Россию. Об этом говорят «Черкесская песня», в «Кавказском пленнике», «Татарская песня» в «Бахчисарайском фонтане» или песня Земфиры из «Цыган», представляющая собой перевод молдавской народной песни. В творчестве Пушкина отразились образы и мотивы украинского фольклора (стихотворения «Казак», «Гусар», образ кобзаря в «Полтаве» и т. д.). О грузинских песнях говорится в «Путешествии в Арзрум». В архиве Пушкина сохранились записи украинской песни «Чорна роля заорана» и казахского предания о батыре Косу-Корпече и его возлюбленной Баян-Слу.

В наши дни полностью сбылось предсказание Пушкина в стихотворении «Памятник»

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

Братская связь народов Советского Союза с великим русским народом и его культурой явилась неисчерпаемым источником обогащения и развития национальных литератур. Демократические традиции передовой русской культуры, ее освободительный пафос — всё это усилило в сердцах братских народов стремление к свободе и ненависть к поработителям. Имя Пушкина стоит здесь в первом ряду. Еще в XIX веке творчество Пушкина было одним из тех звеньев, которые соединяли различные национальности с великим русским народом.

Немалое влияние оказало творчество Пушкина на украинскую литературу современную ему, а также позднейшую. Пушкин был любимым писателем вели-

кого украинского поэта Тараса Шевченко. Освободительное содержание пушкинской поэзии, интерес к крестьянским движениям во главе с Разиным и Пугачевым, — все это сближает творчество Пушкина и Шевченко. Под влиянием Пушкина формировалось творчество Леси Украинки, благотворное воздействие его идей испытал Иван Франко и другие. Горячий отклик нашел Пушкин в литературе белорусской. Его влияние сказалось на лучших белорусских писателях — Янке Купале и Якубе Коласе и отразилось на всей передовой литературе, проникнутой чаяниями и думами белорусского народа. В грузинской литературе переводили и органически усваивали Пушкина Александр Чавчавадзе (отец Нины Чавчавадзе, — жены Грибоедова), Вахтанг Орбелиани, Акакий Церетели. Высоко ценил Пушкина Важа Пшавела. В истории грузинской культуры должен быть отмечен эпизод встречи Пушкина с представителями грузинской интеллигенции во время его поездки в Арзрум. В честь поэта в Тбилиси был устроен торжественный праздник. По воспоминаниям современника «более тридцати единодушных хозяев праздника заранее столпились у входа сада восторженно встретить своего дорогого гостя. . . Пушкин. . . благодарил всех нас за то торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: „ . . . я вижу как меня любят, понимают и ценят и как это делает меня счастливым. . . “».

В армянской литературе интерес к творчеству Пушкина возник при жизни поэта. Многим обязаны его влиянию классики армянской литературы — Микаэль Налбандян и Ованес Туманян, — писатель следующего поколения. Один из выдающихся представителей армянской поэзии Ваан Терьян назвал произведения Пушкина ярким выражением «великого русского духа».

Пушкинское творчество издавна привлекало внимание азербайджанских писателей. Среди кавказских друзей Пушкина был видный азербайджанский писатель Бакиханов. Мирза Фатали Ахундов откликнулся

на смерть Пушкина прочувствованной поэмой в которой назвал его «главой собора поэтов».

Знакомство с произведениями Пушкина послужило основой идейного перелома в творчестве классика и основоположника казахской письменной литературы Абая Кунанбаева. Насколько органически воспринимались народом произведения Пушкина свидетельствует следующий факт. Переведенное Абаем Кунанбаевым письмо Татьяны из «Евгения Онегина» стало казахской народной песней.

Все эти отдельные иллюстрации говорят о том, что творчество Пушкина по самому своему существу близко всем народам. Но только в годы советской власти появились массовые переводы произведений Пушкина на языки различных национальностей, лишь теперь Пушкина слышали на родном языке и те народы, которые прежде не имели своей письменности. Пушкин стал родным поэтом для всех национальностей Советского Союза. Об этом говорится в «Песне о Пушкине», созданной акыном Джамбулом в 1937 г.:

Сто лет пронеслось, как тебя погребли.
Ты стал всенародным акыном земли.
Читают тебя с упоеньем в глазах
Башкир и туркмен, белорусс и казах.
Из песен твоих не забыть ни одной,
Ты, Пушкин, народному сердцу родной.

* * *

Творчество Пушкина, многообразное по темам и жанрам, остается для нас художественно совершенным отражением одного из величайших этапов русской истории. Советскому народу близка национальная гордость Пушкина творческой и военной славой своей родины. Пушкин еще в юности постиг мужественное бесстрашие своего народа, и его формула «война по гроб — наш договор» прекрасно воплотила презрение ко всем надеждам на мир с Наполеоном, надеждам, за которыми противник таил свое желание избежать разгрома. В пушкинской оценке великой войны с наполеоновской армией — «грозы две-

надцатого года» — раскрыты типические черты народного патриотизма, готовности народа к любым жертвам и лишениям во имя чести и независимости родины. И благодаря пушкинскому дару типизации, его умению воспроизводить потаенные пружины народных движений, нам кажутся точно сегодня написанными его строки, адресованные наполеоновской армии, но с полным основанием относящиеся ко всем иноземным захватчикам, осмеливающимся думать о покорении России:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад, летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря...

Сколько свидетельств такого героического перерождения рядового человека — в богатыря-героя имеет славная история нашей родины за время войны гражданской и, в особенности, за время Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками. Не менее пророческими явились для нас и огненные слова Пушкина о том, что в минуту опасности подымается вся земля русская — от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая.

В наши дни осуществилось предсказание Белинского: творения Пушкина образуют и развивают «не только эстетическое, но и нравственное чувство». Роль Пушкина как учителя беззаветной преданности родине, проповедника активно-созидательного отношения к жизни, воспитателя благородных чувств и стремлений, — нашла яркое отражение во всенародном чествовании памяти поэта в связи с столетием со дня его гибели (1937). Как всенародный праздник отмечается во всех концах нашей многонациональной страны 150-летие со дня рождения поэта. Широчай-

шее по размаху проведение этого пушкинского юбилея является мощным подтверждением значения творческого наследия великого поэта в истории освободительного движения и культурного развития социалистической родины.

С особенной яркостью проявились силы и жизнённость патриотических традиций, воплощенных в творчестве Пушкина, в годы Великой Отечественной войны против немецких захватчиков. Идеи, образы и мотивы, заключенные в творчестве Пушкина, делают его близким каждому человеку нашей страны независимо от национальности. Вот почему в дни войны с немецкими фашистами бойцы хранили в походных сумках томики Пушкина на разных языках, — и украинском, и белорусском, и грузинском, и армянском, и казахском, и на языках народов, которые до революции не имели своей письменности. Вот почему артиллеристы-балтийцы осенью 1941 г. посылали врагу свои смертоносные снаряды под лозунгом «За Пушкина!», а бойцы Калининского фронта зимой совершили рейд в село Михайловское (находившееся в глубоком немецком тылу) для того, чтобы привести в порядок могилу поэта.

Пушкин воплотил в своей деятельности русский национальный характер. Вот почему и само имя великого поэта — гордости России, воспитателя героического народа, певца солнца, свободы, разума — было ненавистно фашистским захватчикам. С яростью обезумевших дикарей немецкие офицеры и солдаты стремились уничтожить все, связанное с именем Пушкина, все без исключения, — будь то домик, где он жил в Одессе, памятник, воздвигнутый ему в Кишиневе, пушкинский музей в Полотняном заводе и даже аллеи, по которым он ходил в селе Михайловском. Но Пушкина не уничтожишь: он в сердце народа. Дух Пушкина жив в воинах советской армии, мстивших немцам за все, а также и за своего поэта, — у стен города Ленина, на улицах Сталинграда, на полях сражений Кавказа и Крыма — и спасших человечество от коричневой чумы. Пушкин — союзник со-

ветских людей, борющихся за мир, за свободу и счастье человечества, занятых героическим созидательным трудом во славу социалистической отчизны.

Жизнеутверждающая поэзия Пушкина звучит для нас сегодня как призыв к завоеванию новых побед в борьбе за процветание и могущество нашей великой Родины.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

- А. С. Пушкин. С портрета работы В. А. Тропинина. (Перед титулом).
- Лицей. С гравюры художника Л. Хижинского. (Стр. 11).
- Пушкин лицеист. С гравюры Е. Гейтмана. (Стр. 21).
- Титульный лист первого издания «Руслан и Людмила». (Стр. 35).
- «Кавказский пленник». Страница рукописи. (Стр. 47).
- «Цыганы». Страница рукописи. (Стр. 61).
- Казненные декабристы. Рисунок Пушкина на рукописи «Полтавы». (Стр. 95).
- «Евгений Онегин». Страница рукописи. (Стр. 107).
- Рисунок Пушкина к повести «Гробовщик». (Стр. 123).
- Бюллетень о состоянии здоровья Пушкина после дуэли (был вывешен на дверях его квартиры). (Стр. 163).
- Сообщение о смерти Пушкина. «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду». (Стр. 167).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава первая	3
Глава вторая	26
Глава третья	39
Глава четвертая	56
Глава пятая	76
Глава шестая	91
Глава седьмая	118
Глава восьмая	130
Глава девятая	138
Глава десятая	146
Глава одиннадцатая	159
Глава двенадцатая	170
Список иллюстраций	199

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *А. Д. Копысова*
Оформление художника *М. И. Разуевич*

*

РИСО АН СССР № 3657. Подписано к печати
27/V 1949 г. М-16327. Печ. л. 12 $\frac{1}{2}$ + 1 вкл.
Уч.-изд. л. 8 $\frac{3}{4}$. Тираж 50 000. Зак. № 1415.

Л-я Тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В. О. 9-я линия 12.

6 руб.